И 89

ИСТОРИЯ КАМПУЧИИ

Краткий очерк

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ КАМПУЧИИ

Краткий очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

9(М)
И89

Редакционная коллегия
Ю. Я. МИХЕЕВ (ответственный редактор),
Ю. П. ДЕМЕНТЬЕВ, В. А. КОЖЕВНИКОВ

История Кампучии. Краткий очерк. М., Главная
И 89 редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1981.

254 с.

В книге излагается история страны с древнейших времен до 1981 г. Это первая в мировой науке попытка рассмотреть многовековую историю Кампучии с позиций марксистско-ленинской идеологии.

И $\frac{10605\text{-}153}{013(02)\text{-}81}$ 98-81. 0506000000 9(М)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ВВЕДЕНИЕ

Народная Республика Кампучия — таково название государства, краткая история которого излагается в этой книге. Это название принято в соответствии с манифестом Народно-революционного совета Кампучии от 11 января 1979 г. (ранее в литературе было принято название Камбоджа). Кампучия расположена на юго-восточной оконечности Индокитайского п-ова, она граничит с Вьетнамом, Лаосом и Таиландом, с юга омывается Сиамским заливом.

Основное население страны — кхмеры. Они заселяют плодородную равнину вокруг оз. Сап и по р. Меконг. В окраинных и горных районах живут представители малайско-полинезийской этнической группы и горные кхмеры — стиенги, брао, кхаси, ком и др. Остальные национальные меньшинства рассеяны по всей территории страны.

Площадь Кампучии — 181 тыс. кв. км. Население, по данным 1980 г., составляет около 6 млн. Средняя плотность населения — свыше 40 человек на 1 кв. км (наибольшая — в долине Меконга).

История Кампучии — одна из интереснейших страниц в истории стран Азии. Образование первого государства на территории Кампучии — монархии Бапном — относится к началу нашей эры. Бапном просуществовал до VI в. IX—XIII века в истории Кампучии связаны с формированием и расцветом централизованного феодального государства — Ангкорской империи. Этот период — самый блестящий в развитии кхмерской цивилизации и культуры. Близ Яшодхарапуры, тогдашней кампучийской столицы, были сооружены ставшие впоследствии всемирно известными храмы Ангкор Ват, Байон и др. К этому времени Кампучия превратилась в крупнейшее государство Индокитайского п-ова, территория которого выходила далеко за пределы областей, населенных кхмерами. Однако к XVI в. территория Кампучии ограничивается землями, занятыми только кхмерским населением.

В 1863 г. Франция вынудила короля Кампучии Нородома заключить договор о протекторате. Французское господство в стране продолжалось до 1954 г. Последние годы протектората (1945—1953) отмечены зарождением и развитием в стране вооруженного движения Сопротивления. В 1953 г. французские войска были выведены из страны, но независимость Кампучии оставалась еще неполной.

В 1954 г. состоялось Женевское совещание по Индокитаю. Его участники заявили об обязательстве уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Кампучии. Женевское совещание закрепило успехи национально-освободительных сил народов Индокитая в их борьбе за ликвидацию французского колониализма.

С 1955 г. Кампучия является членом ООН.

60-е годы в истории Кампучии отмечены обострением социальных противоречий, связанных прежде всего с интенсификацией процессов формирования современных классов. В 1970 г. в Кампучии произошел государственный переворот. К власти пришло реакционное проамериканское правительство Лон Нола.

1970—1975 годы заполнены борьбой кхмерского народа против лонноловского режима, за подлинно прогрессивное развитие Кампучии.

1975 год отмечен победой народа Кампучии над проамериканскими силами. Однако кампучийский народ не смог воспользоваться своей победой: в стране был установлен пропекинский режим Пол Пота — Иенг Сари, предавший революционные и демократические идеалы народной революции.

1979 год ознаменовался для народа Кампучии важными событиями. В стране победила революция, носящая антимаоистский и национально-освободительный характер. Перед народом Кампучии открылась перспектива строительства новой жизни. В своей борьбе за создание нового общества кампучийский народ опирается на братскую помощь народов Вьетнама, Советского Союза, других стран социалистического содружества, всех прогрессивных сил.

* * *

Первыми трудами по истории Кампучии, выполненными самими кампучийцами, следует считать кхмерские королевские хроники. Естественно, что в них речь шла прежде всего о войнах и событиях при дворе. До настоящего времени было найдено 35 экземпляров списков восьми различных вариантов хроник. Наиболее полным является список, обнаруженный исследователями в 1916 г.

Несмотря на целый ряд недостатков, свойственных кхмерским хроникам как источнику (включение разнообразных легенд, предсказаний, неточность в датировке различных событий, односторонний подбор фактов и т. д.), ранние кхмерские хроники являются ценным историческим источником по истории Кампучии с 1340 по 1594 г. Кхмерское летописание продолжалось и в последующий период, вплоть до конца XIX в.; события, касающиеся короля и его семьи, оставались в центре внимания придворных историографов.

Рост национально-освободительного движения в Кампучии вызвал к жизни новый интерес к историческому прошлому кхмерского народа. Так, в 60-х годах XX в. появляются работы на кхмерском языке, в том числе книга Енг Сота «Документы из жизни великих людей Камбоджи». В 1975 г. в Парижском университете кхмерским исследователем Кхин Соком была выполнена докторская диссертация, посвященная кхмерским королевским хроникам 1346—1587 гг. Эта работа — первая серьезная попытка анализа исторической части кхмерских королевских хроник. Перевод и комментарий хроник, выполненные автором, представляют собой ценный источник для всех специалистов по истории Кампучии этого периода. Значительный вклад в изучение истории Кампучии сделан другим ученым — филологом Лонг Сеамом. В своей работе об антропонимах он проливает свет на остававшиеся до сих пор неясными стороны жизни кхмерского общества VI—XIII вв.

В настоящее время перед кампучийской интеллигенцией встали задачи изучения роли народных масс в истории страны, осмысления всей истории кампучийского народа, социально-экономических основ этой истории и т. д.

Между тем в зарубежной, и прежде всего французской, историографии, получившей после установления французского протектората над Кампучией своего рода монополию на написание кхмерской истории, разрабатывалась преимущественно политическая история страны. В исследованиях этих ученых заметно преувеличение роли индийского и китайского влияния на историю Кампучии, особенно во II—IX вв. Ж. Седес в ряде своих известных работ пишет о Кампучии как об «индуинизированной» стране, такая же позиция и у Б. Гролье. В работах П. Пеллио преувеличивается значение китайского влияния на историю Кампучии. Названия раннефеодальных государств на ее территории у него приведены по-китайски, причем автор не подчеркивает, что речь идет о самобытных мон-кхмерских раннеклассовых цивилизациях.

В ряде работ зарубежных историков разрабатывалась, на наш взгляд, неверная концепция, которая нанесла вред изучению истории Кампучии. В их трудах история Кампучии после XIV в. трактовалась как эпоха непрерывного упадка кхмерского государства, чуть ли не вымирания кхмерского народа, от которого последний был якобы спасен установлением французского колониального господства. Политическая подоплека этой концепции не вызывает сомнений. Факты говорят о том, что распад Ангкорской империи ни в коей мере не доказывал близящегося упадка кхмерской государственности вообще и тем более гибели кхмерского народа как этнической общности. Кхмерское государство после XIV в. потеряло, правда, часть густонаселенной территории, но оставалось сильным, жизнеспособным, моноэтническим, подобно некоторым другим государствам Юго-

Восточной Азии, сложившимся на развалинах прежних великих империй.

Для зарубежных историков характерно подчас преувеличенное внимание к отдельным «героям» истории Кампучии, ее королям. Вместе с тем в их работах затушевывается роль феодальной верхушки и короля в подавлении антифранцузских выступлений кхмеров в конце XIX — начале XX в., а значение этих движений принижается.

Принципиальное значение для анализа истории Кампучии имеет изучение традиций совместной революционной борьбы кхмерского, вьетнамского и лаосского народов против французского колониализма и американского империализма. Между тем эти связи в работах зарубежных историков почти не прослеживаются.

Однако лучших представителей зарубежной историографии отличает глубокий интерес к социально-экономическим проблемам, к изучению глубинных процессов, протекающих в кампучийском обществе [1].

Подъем национально-освободительного движения после второй мировой войны и развитие антиимпериалистической революции усилили среди советских ученых интерес к истории бывших колониальных и зависимых стран. Изучение истории Кампучии в Советском Союзе развернулось с середины 50-х годов. За это время появились работы по истории феодализма в Кампучии (Д. В. Деопик, Л. А. Седов, Л. Д. Спекторов), новой и новейшей истории (Ю. П. Дементьев, Е. В. Кобелев, Ю. Я. Михеев, Г. Г. Сочевко) [2]. Проблемы буддийской сангхи изучает Н. Н. Бектимирова, исторической этнографии — Я. В. Чеснов.

Однако до сих пор ни советскими, ни зарубежными исследователями не было создано сколько-нибудь обстоятельной работы по Кампучии, которая охватывала бы всю историю этой страны и была бы написана с марксистских позиций. Между тем такая работа могла бы дать возможность на конкретном материале углубить наше знание закономерностей социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии, проанализировать политические и социально-экономические изменения, происходящие в Индокитае и в регионе Юго-Восточной Азии в целом. Все это, вместе взятое, а также растущий интерес советского читателя к Кампучии в значительной степени способствовали воплощению идеи написать историю этой страны с древнейших

---

[1] R. Breval, ed. Présence du Cambodge.— «France-Asie». Saïgon, novembre—décembre 1955, c. 549—559; Ph. Preschez. Le Cambodge dépuis 1941.— «Révue française de science politique». P., décembre 1961, c. 906—935.

[2] Более подробно см.: Э. С. Чешкова. Становление советской историографии Камбоджи.— «Советская историография Юго-Восточной Азии». М., 1977, с. 206—234; Seam Long, J. P. Dementiev. Bibliographie en langue russe sur le Cambodge (1956—1979).— «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême Orient (BEFEO)». 1980, t. LXVIII.

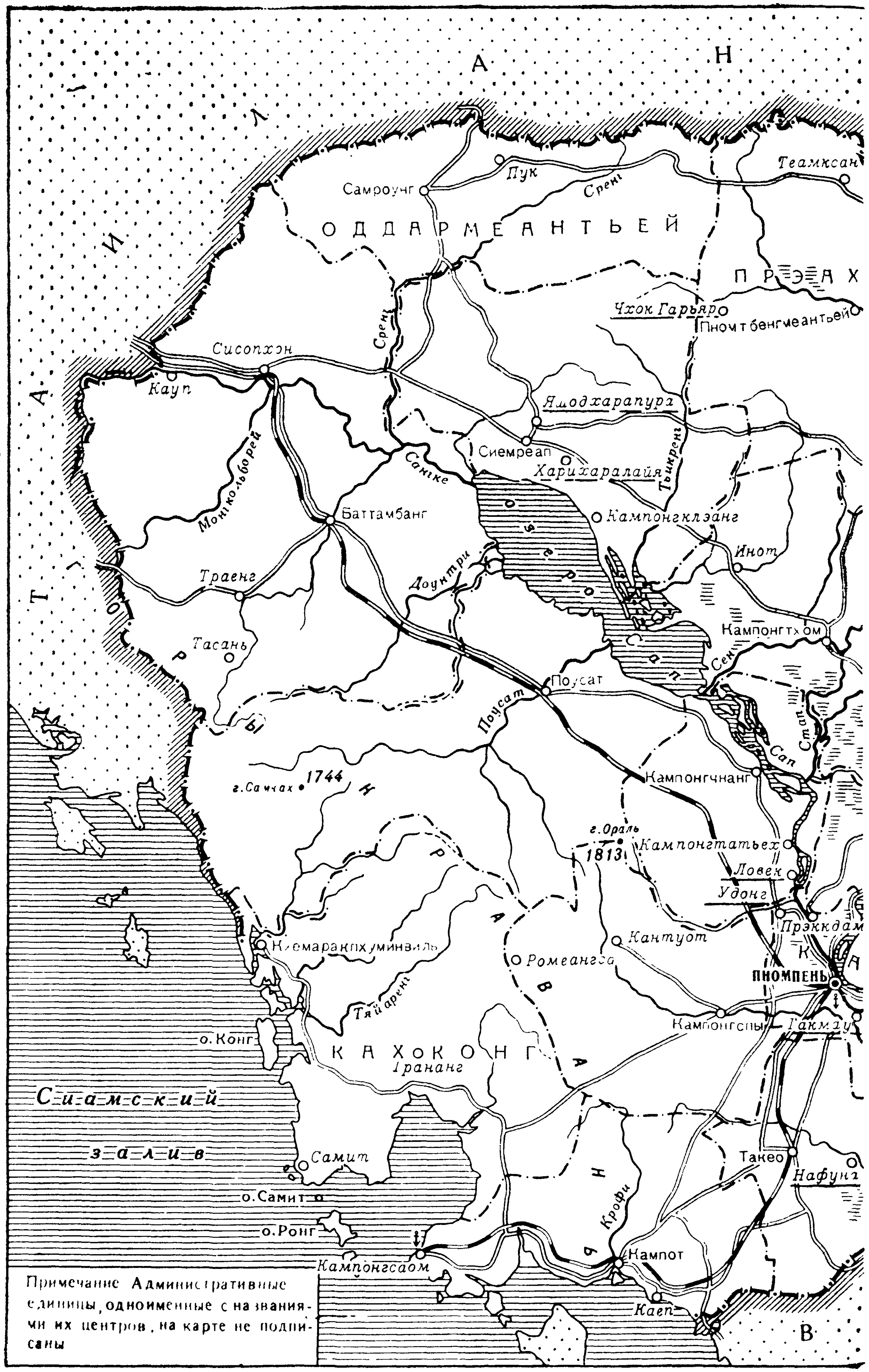
времен до наших дней. Разумеется, предлагаемая работа не может претендовать на полноту и исчерпывающее объяснение всех сложных проблем, стоящих перед современным исследователем истории Кампучии.

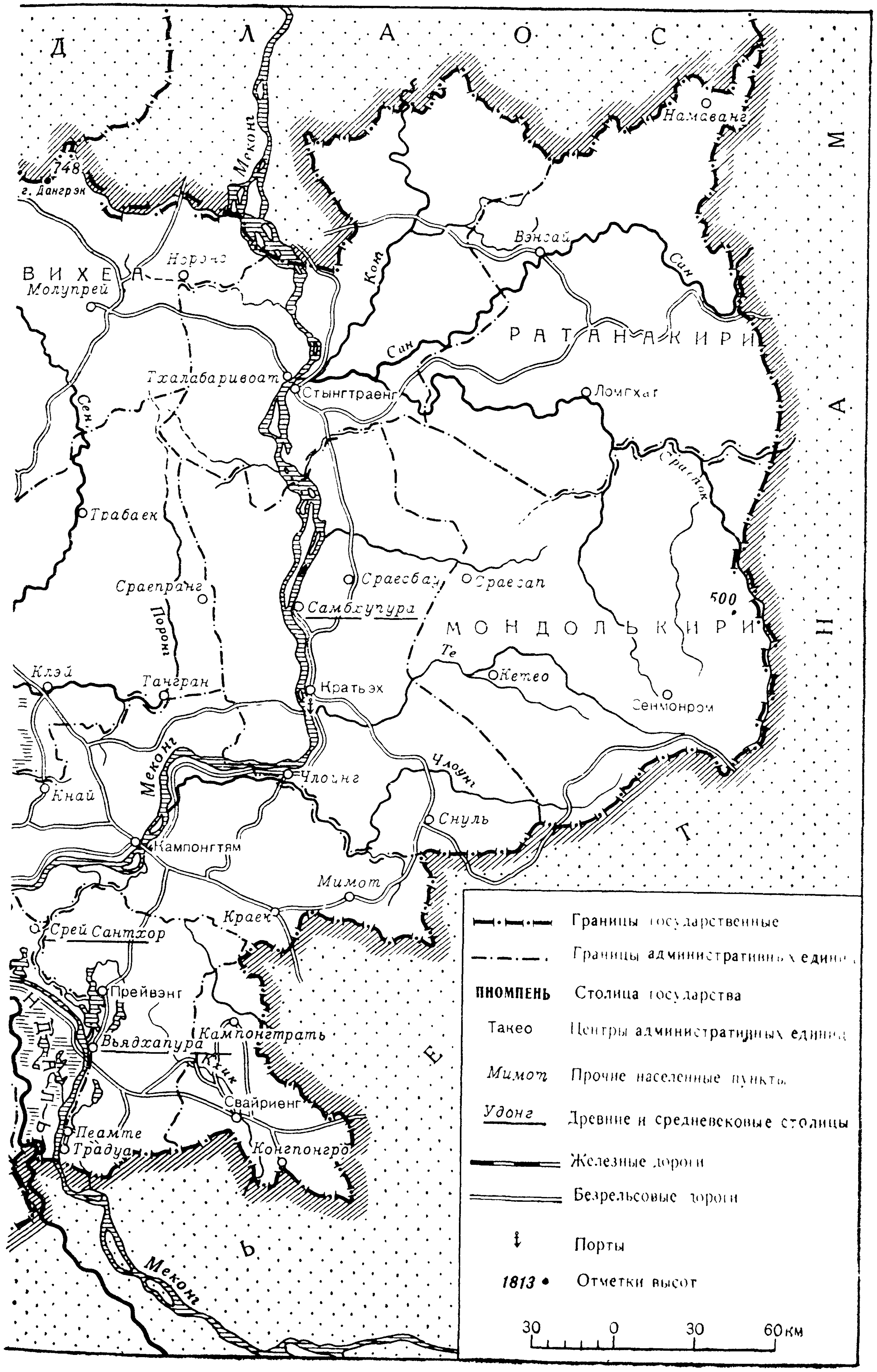
В своей работе над предлагаемой книгой авторы опирались на труды советских и зарубежных ученых по отдельным проблемам истории Кампучии. В то же время им приходилось восполнять пробелы, неизбежные при разработке такой обширной темы. Для этого в ряде случаев предпринимались самостоятельные исследования, привлекались новые источники.

* * *

Разделы настоящей работы написаны следующими авторами: введение — Ю. П. Дементьевым; раздел I — Д. В. Деопиком; раздел II — Ю. П. Дементьевым; раздел III — Г. Г. Сочевко; раздел IV: глава 1 — Ю. Я. Михеевым, глава 2 — Ю. П. Дементьевым и Е. В. Кобелевым, глава 3 — Е. В. Кобелевым.

Хронология и список литературы составлены С. А. Колесовым.


Т А И Л А Н Д
Самроунг
Пук
Срен
Теамксан
ОДДАРМЕАНТЬЕЙ
ПРЕАХ
Чхок Гарьяр
Пномтбенгмеантьей
Сисопхэн
Каул
Срен
Ямодхарапура
Сиемреап
Харихаралайя
Тынкрен
Мониколь борей
Санке
Баттамбанг
Кампонгклэанг
Инот
Траенг
Доунтри
озеро Сап
Тасань
Кампонгтхом
Поусат
Сен
Поусат
Сап
Стонг
г. Самчах 1744
Кампонгчнанг
г. Ораль 1813
Кампонгтатьех
Ловек
Удонг
Прэккдам
Кемаракпхуминвиль
Кантуот
Ромеангба
ПНОМПЕНЬ
Тяйарен
о. Конг
КАХОКОНГ
Кампонгспы
Такмау
Гранонг
Сиамский залив
Самит
о. Самит
о. Ронг
Такео
Нафунг
Крофи
Кампот
Кампонгсаом
Каеп
Примечание. Административные единицы, одноименные с названиями их центров, на карте не подписаны


Л А О С
Намаванг
748
г. Дангрэк
Меконг
Ком
Вэнсай
Сан
Норонг
ВИХЕА
Молупрей
Сан
РАТАНАКИРИ
Тхалабаривоат
Стынгтраенг
Ломфат
Сен
Трабаек
Срепок
Сраепранг
Сраесбау
Сраесап
Самбхупура
500
МОНДОЛЬКИРИ
Поронг
Клэй
Танчеран
Кратьэх
Те
Кетео
Сенмонром
Меконг
Чхлонг
Чхлоунг
Кнай
Снуль
Кампонгтям
Мимот
Крек
Срей Сантхор
Прейвэнг
Кампонгтрать
Вьядхапура
Свайриенг
Пеамте
Традуа
Конгпонгро
Меконг
Границы государственные
Границы административных единиц
ПНОМПЕНЬ Столица государства
Такео Центры административных единиц
Мимот Прочие населенные пункты
Удонг Древние и средневековые столицы
Железные дороги
Безрельсовые дороги
Порты
1813 • Отметки высот
30 0 30 60 км

Раздел I

КАМПУЧИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

Глава 1

КАМПУЧИЯ В ДРЕВНОСТИ И В НАЧАЛЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Первобытнообщинный строй на территории Кампучии. Горные районы Кампучии по своему геологическому возрасту и строению аналогичны тем областям соседних стран, в которых находят остатки деятельности раннепалеолитического человека. Пока здесь таких находок нет, но это отнюдь не говорит об отсутствии очагов деятельности такого человека, тем более что эти районы практически не исследованы.

Верхнепалеолитическая хоабиньская культура представлена находками в Млу Прей (совр. Молупрей) и ряде других мест. Приблизительно в XIV тысячелетии до н. э. население Кампучии переходит к мезолиту (ранняя бакшонская культура), для которого в Индокитае характерны не столько охота, сколько собирательство, рыболовство и раннее земледелие (разведение бобовых и бахчевых культур); население Индокитайского п-ова первым в мире перешло к производящему хозяйству. Дальнейшее развитие хозяйства привело к распространению с VII тысячелетия до н. э. неолитических культур собирателей и земледельцев-рисоводов. Распространяется шлифовка камня, начинает применяться глиняная посуда.

VI—V тысячелетия до н. э. были для Кампучии временем позднего неолита, когда производящее хозяйство достигло высокого уровня развития; аустроазиатское население Индокитайского п-ова входило в число наиболее развитых в Старом Свете. Здесь давно уже произошел переход к земледелию и скотоводству: исключительно благоприятные для примитивного земледелия условия тропиков позволили достичь уже с помощью шлифованных каменных мотыг относительно высокого уровня сельскохозяйственного производства. На его базе были сделаны дальнейшие открытия в сфере материальной культуры. В позднем неолите на кхмерских землях, когда часть населения из предгорий спустилась в долины средних рек, появились крупные долговременные поселения — земледельческие поселки. Развитие

производства привело к выделению господствующих групп в племенах, к межплеменным войнам: появились укрепленные поселения.

Этнически население поздненеолитической Кампучии относят к аустроазиатам, по антропологическому облику они относились, как и современные кхмеры, к южномонголоидной группе. Часть аустроазиатского населения осталась в горах и постепенно стала отставать в своем развитии; некоторые современные горные группы живут в неолите до сих пор.

Основным занятием населения было земледелие, подсечно-огневое в горах и орошаемое в долинах; по-прежнему значительную роль играли собирательство и рыболовство, меньшую — охота. Этот тип экономики характерен вообще для Юго-Восточной Азии. Кроме риса объектами разведения были бобовые и бахчевые культуры, а также корнеплоды.

Для каменной индустрии характерны плечиковые, трапециевидные, треугольные мотыги и топоры, наконечники стрел, долота, серпы. Костяных орудий немного, в основном это стрелы, рыболовные крючки. Керамика поражает совершенством и обилием форм в соответствии с различием функций сосуда. Многие сосуды были украшены росписью, как в неолитических цивилизациях Южной, Восточной и особенно Западной Азии. Но в отличие от этих районов орнамент был только геометрический, без изображений птиц и животных. Примечательной особенностью прото-кхмерской культуры были глиняные ушные пробки, вставлявшиеся в мочку уха и значительно ее расширявшие.

Погребения совершались в ямах и сосудах. Поселения располагались у подножия холмов в небольших долинах, удобных для земледелия, а иногда и в болотистых местах. Некоторые из них были укреплены земляными валами, на которых, видимо, стояли деревянные стены. Рядом с поселениями порой находят следы оросительных каналов.

По уровню общественного развития это были племена, состоявшие из земледельческих, вероятно родовых, общин.

Предки мон-кхмеров создали один из трех известных в настоящее время древнейших самостоятельных очагов металлургии меди (наряду с западноазиатским и американским). О его самостоятельности говорит раннее (не позднее середины IV тысячелетия до н. э.) возникновение самобытных форм основных орудий труда, делавшихся на базе втульчатого топора — кельта, а не проушного топора, как в западной части Старого Света. В дальнейшем орудия со втулкой (кельты) до железного века были ведущей формой во всех бронзовых культурах восточной части Старого Света. Металлургия меди известна у аустроазиатов Индокитая уже в IV тысячелетии до н. э. В конце III тысячелетия была открыта бронза. В начале II тысячелетия до н. э. на Индокитайском п-ове в разных районах существовали уже несколько родственных культур эпохи бронзы.

Индокитайский очаг цивилизации металла оказал глубокое воздействие на северные районы Восточной Азии. Более поздние культуры эпохи бронзы во II тысячелетии до н. э. в бассейне р. Хуанхэ обязаны ему основными формами орудий и, возможно, ведущими приемами в изготовлении керамики. Но в дальнейшем (с середины II тысячелетия до н. э.) южный очаг стал отставать в своем развитии, видимо, из-за отсутствия на том техническом уровне возможностей для создания больших по площади орошаемых территорий (для культуры риса в долинах больших рек требовались сложные ирригационные сооружения, появившиеся позже). Собственно кхмерским территориям в позднем бронзовом веке в первой половине I тысячелетия до н. э. соответствовал южный вариант донгшонской культуры, в целом распространенной у предков мон-кхмеров, древних вьетов и индонезийцев. Культура бронзового века сохранилась приблизительно до II в. до н. э., когда начинается запоздалое по сравнению с западной частью Старого Света массовое распространение железа в Юго-Восточной Азии.

В позднем бронзовом веке можно уже отделить культурно-хозяйственный комплекс древних кхмеров не только от древневьетского и древнетьямского (тьямы — народность в Центральном Вьетнаме), но и от наиболее близкого древнемонского в Западном Индокитае. Развитие культурных очагов и их противопоставление отсталой периферии каждого из них шло в это время очень быстро. Тогда же складывались предпосылки формирования классовых обществ в наиболее развитых районах каждого очага. Но формирование это в условиях относительно малого количества металла в хозяйствах (что было типичным для бронзового века) по-прежнему замедлялось невозможностью создания сложных ирригационных сооружений в массовом масштабе. Последнее обстоятельство мешало возникновению крупных ранних аграрных цивилизаций. К началу нашей эры древние кхмеры находились на более низком уровне развития, чем население бассейнов рек Инд, Ганг, Хуанхэ и Янцзы.

По своему антропологическому облику население Кампучии тех веков было близко к современным горным кхмерам.

Хозяйственный облик предков кхмеров в позднем бронзовом веке восстанавливается в своих общих чертах как культура земледельцев-рисоводов (поливной рис), использовавших мотыгу и плуг с бронзовым лезвием, металлические серпы. Животноводство стояло на втором месте, по-прежнему значительную роль играли рыболовство и собирательство. Высокого уровня развития достигли металлообработка, гончарное ремесло (с применением гончарного круга), ткачество.

По нормам бронзового века у крестьян-общинников уже имелось большое количество бронзовых орудий труда в каждом хозяйстве, найдено много бронзовых мотыг, топоров, тесел и т. п.; при этом формы орудий производства — свои, типичные для юж-

ного варианта донгшонской культуры. О формировании новых отношений свидетельствуют находки боевого оружия помимо охотничьего. Керамика поражает сложностью форм и обилием сосудов специального назначения; расписной орнамент почти полностью вытеснен геометрическим прорезным. Особое место занимают ритуальные бронзовые барабаны типичного для предков кхмеров варианта, богато орнаментированные.

Поселения этого времени все чаще укрепляются, растут их размеры. Погребальный обряд не претерпел принципиальных изменений (погребения в ямах и в сосудах), но появилась четкая социальная дифференциация; имелись богатые погребения из каменных плит, вокруг которых стояли тесаные каменные столбы.

Развитие обмена привело к контактам не только с соседними районами, но и с Индонезией и югом Индостанского п-ова.

Таким образом, социальная структура общества характеризуется ростом производства, ростом плотности населения, как следствие этого — накоплением прибавочного продукта, борьбой за его перераспределение в ходе межплеменных войн, выделением более богатой и близкой к власти части общества.

В последние века до нашей эры древние кхмеры, как и предки монов, вьетов и тьямов, переходят к использованию железных орудий; технология производства и обработки железа была воспринята (пока неизвестными исследователям путями) из соседних регионов — североиндийского и северокитайского.

Раннеклассовые общества древней Кампучии. Быстрое развитие экономики после распространения железа ускорило, по-видимому, формирование (около начала нашей эры) раннеклассового общества, точную формационную принадлежность которого, как и большинства раннеклассовых обществ на Востоке, в настоящее время определить трудно из-за малого количества фактов. В то же время его генетическая связь с обществом VI—VII вв., в котором очевидно наличие рабовладельческого уклада, позволяет рассматривать его предположительно как раннерабовладельческое общество. Формирование государства привело, как и в большинстве классовых обществ, возникших рядом с более древними очагами государственности и классовой культуры, к интенсивному впитыванию части социального опыта для более быстрого оформления и развития классовых институтов в данном обществе. Основным «контрагентом» древних кхмеров были ранние дравидийские государства южной части Индии, где классовое общество возникло сравнительно недавно и где нормы государственности, сложившиеся в индоарийской среде, уже были изменены применительно к дравидийским традициям, во многом близким к аустроазиатским.

Основные связи того времени были морскими, формирование классовых обществ близ устьев основных рек Юго-Восточной Азии сделало возможным возникновение регулярных морских

контактов; в то же время этот путь стал основным для впитывания элементов культуры народов Индостана. Как и подавляющее большинство народов Юго-Восточной Азии, древние кхмеры ориентировались на хозяйственно более родственные области Южной Индии, в то время как опыт древнекитайской цивилизации практически не учитывался. Это легко понять, имея в виду, что собственно ханьские области тогда находились не южнее долины р. Янцзы, т. е. дальше, чем Коромандельский берег Индостанского п-ова (если учесть использование волоков на перешейке Кра, резко сокращавшее путь на Запад). Напомним и об известном феномене ханьской цивилизации, заключавшемся в ее неспособности конкурировать за пределами границ той или иной ханьской империи с другой культурой или другим комплексом социального опыта.

На берегах Кхмерского моря (так арабы впоследствии именовали море, звавшееся у китайцев Южным, а у европейцев — Южнокитайским) доминировали местные и индийские мореходы; регулярное китайское мореходство возникло тысячелетие спустя, после освоения китайскими империями северного берега Кхмерского моря. Да и впоследствии его развитию мешали многие внешние, а порой и более важные внутренние причины. Иными словами, морскую торговлю с китайскими государствами и империями веками вели не ханьцы, а представители других народов.

Письменные источники (свои и внешние) свидетельствуют о наличии классового общества в Кампучии во II в. н. э., но они говорят не о возникновении его, а об уже существующем классовом обществе и государстве. Ко II в. н. э. относятся самые ранние из известных эпиграфических памятников, но сами они уже есть результат реализации определенной местной традиции. Есть и многочисленные данные более поздних источников. Наиболее ярко о том, что древнекхмерское государство во II—IV вв. н. э. было уже сложившимся государством со значительной предшествующей историей, свидетельствуют раскопки одного из средних по размерам и значению (о нем ничего не говорится в письменных источниках) древних кхмерских городов, развалины которого известны в литературе под названием Окео. Раскопки Окео в сочетании с данными по предшествующему периоду и с теми элементами последующей экономической и социальной жизни, которые, видимо, возникли в это время, позволяют дать общую характеристику первому кхмерскому государству, второму по возрасту в Юго-Восточной Азии (после вьетского государства Ванланг-Аулак). Название этого государства известно в китайской иероглифической записи (современное чтение — Фунань), но работы по реконструкции китайской фонетики древности (древнее китайское звучание было Биунам) и исследования специалистов-кхмерологов показали, что так было записано слово «Бапном», связанное с древним кхмерским

титулом монарха — курунг бнам (царь горы). В дальнейшем мы будем пользоваться названием Бапном.

Ядро этого государства находилось в современной Юго-Восточной Кампучии, по берегам Меконга и его притоков. Здесь была столица государства — Вьядхапура (санскритское — Город охотников; по кхмерски — дмак). Первоначально Бапном владел землями от Большого Озера (часто называемого в литературе Тонле-сап, совр. оз. Сап) до устья Меконга; впоследствии войны древнекхмерских курунгов на западе и на севере вчетверо увеличили размеры государства. Основу экономики составляло орошаемое рисоводство в бассейне р. Тонле-сап (совр. р. Сап), вытекающей из Большого Озера, и в прилегающих районах по берегам Меконга. Широко применялась пахота на буйволах и быках. Древние кхмеры обладали к тому времени высокоразвитыми ремеслами, их большие города были средоточием торговли (в том числе и заморской) и многочисленных ремесел. Они были и военными центрами, так как окружались валами. Среди густозастроенных, с регулярной планировкой кварталов стояли каменные храмы, воздвигавшиеся по нормам кхмерской архитектурной традиции. Города находились в центрах рисопроизводящих районов, где оросительные каналы пересекались с транспортными (для торгового судоходства); по ним могли проходить и морские суда (куньлуньские суда китайских источников, они же коландии Птолемея). Водоснабжение в городах было организовано таким образом, чтобы свести до минимума возможное заражение в условиях частых в тропиках эпидемий.

В земледелии и ремеслах повсеместно использовались железные орудия. Помимо буйволов и быков широко применялись прирученные слоны, для которых придумали своеобразную упряжь. Ремесленники-гончары использовали ножной круг, ремесленники-металлисты производили разнообразные изделия из железа, бронзы (в том числе — печати-амулеты с краткими магическими формулами), олова, свинца; применялись сложные приемы литья художественных изделий. Ювелиры изготовляли украшения из золота, серебра, драгоценных камней. Резчики по камню выделывали обязательные для каждого дома алтари-курильницы, чернильницы и пр. Мастера-стеклоделы изготовляли чаши и кубки. На изделиях встречаются знаки ремесленников, что говорит о сложной организации ремесла. Гончары, по-видимому, в значительной степени были объединены в мастерские, изготовлявшие сосуды как традиционных, так и новых форм; их изделия не уступали индийским или европейским того времени. Обилие специализированных форм керамики говорит о сложной экономической жизни города. Особое внимание привлекают керамические погребальные урны и переносные печи с местным культовым орнаментом.

Одежда древних кхмеров, судя по найденным изображениям простых людей, уже имела современный вид (сампот); короткая

стрижка у женщин, так удивившая впоследствии европейцев в Кампучии, появилась уже в это время. Обильны были всевозможные металлические украшения, в том числе С-образные ушные кольца, производившиеся в Бапноме и оттуда распространявшиеся по Юго-Восточной Азии; появление этого вида украшений восходит к бронзовому веку.

В Бапноме, как и в прибрежных областях Индонезии, большую роль играла торговля, внутренняя и внешняя. Древние кхмеры были, по-видимому, хорошими мореходами, они плавали и на длинных гребных судах, широко распространенных в Юго-Восточной Азии вплоть до позднего средневековья, и на больших парусных судах. Гребные суда с небольшим парусом были распространены и у лаквьетов северо-восточной части Индокитайского п-ова, и у древних индонезийцев. Большие парусные корабли (коландии) брали по 600—700 человек, сотни тонн груза; они и ходили в Индийский океан. Добавим, что ханьцы в то время таких кораблей не знали, а в южноиндийских государствах и у куньлуньских народов, в число которых входили и древние кхмеры, они были.

Государство Бапном поддерживало торговые связи не только с южноиндийскими государствами Икшваков, Паллавов, Сатаваханов, но и с Ираном, Арменией, Римской империей. Велась торговля и с южными провинциями империи Хань, а позднее — с царством У и сменившими его южными китайскими царствами; но китайских вещей найдено мало, а в искусстве, письменности, монетном деле, религии сочетаются местные и южноиндийские элементы. Интенсивной была, судя по данным раскопок, торговля с монскими государствами и государством Пью в Западном Индокитае, а также с вьетами, тьямами, народами Индонезии, особенно после превращения Бапнома в морскую империю. Импортировались сложные ремесленные изделия и предметы роскоши, экспортировались, насколько можно судить по имеющимся данным, ткани и изделия ремесленников, в частности — металлические. Велась торговля и с горными районами.

О развитой внутренней торговле предметами широкого потребления свидетельствуют обращение собственной монеты не только из золота и серебра, но и из бронзы и олова, местных и общемировых форм, с индийскими символами и без них, а также ряд других фактов. Монеты Бапнома найдены вплоть до Западного Индокитая; китайских монет в Бапноме в отличие от вьетских земель не обнаружено. Наличие золотых и серебряных монет и медальонов из Римской империи и государств Ближнего Востока говорит о дальних торговых связях; золотых изделий относительно много по сравнению с серебряными, что позволяет сделать вывод о бóльшей, чем в Средиземноморье цене серебра в золотом исчислении, как это было и впоследствии. О развитии торговли свидетельствует и обилие в Окео каменных и металлических гирь.

Наличие иностранных монет и медальонов, античных гемм, китайских зеркал, дорогих изделий художественного ремесла свидетельствует о развитии торговли и о существовании давно выделившегося слоя богатых людей. Торговля явно была и местной и транзитной, в основном с портами Южной Индии, но торговые связи того времени, по данным письменных источников, доходили до Средней Азии. Культурное влияние Южноазиатского субконтинента было пока менее значительным и многообразным, чем впоследствии, в искусстве и религиозной жизни ощущаются сильные древнекхмерские традиции; зато шире распространившиеся позднее индийские элементы культуры были уже трансформированными, менее «чистыми», чем в Бапноме. Возможно, что переоформленность и была условием широкого распространения.

Многочисленные археологические данные свидетельствуют о существовании сравнительно развитого классового общества и городской культуры, о выделении многих ремесел. В изобилии найдены печати-амулеты различных форм, много ключей и т. п. Примечательны изображения правителя, простых людей, рабов.

В духовной культуре первых веков нашей эры на уровне массовой культуры имело место сочетание мон-кхмерских традиций с уже частично переработанными элементами культуры народов Южной Индии (прежде всего с буддийской и индуистской религиями). На более высоких элитарных уровнях «свое» уже оттеснялось, а воспринятое было переработано, что позволяет отнести момент первого контакта к более раннему времени, чем II в. н. э. Существенно, что многие изображения индуистского и буддийского характера сделаны уже в Бапноме. Переработка и отбор проявились в неприятии кхмерской культурной средой черт ярко выраженной жестокости у богов и в тенденции к синкретизации различных индуистских верований с буддизмом с самого начала их распространения на кхмерской почве.

Кхмерская религия Бапнома (до сих пор малоизученная) представлена храмами необычайной конструкции, изображениями божеств и чудищ, домашними алтарями-курильницами, на которых наряду с идущими из бронзового века геометрическими орнаментами появляются символические индийские растительные орнаменты. Из изображений местных божеств примечательны лики человека-чудовища, исполненные в манере, совершенно отличной от индийской или местной индуизированной; многочисленны сакральные изображения рептилий, почитаемых в Юго-Восточной Азии. Для этих изображений тоже имелся свой устоявшийся стиль, уже отошедший от реальности. Можно предположить, что эти изображения связаны с культом предков. Помимо этого практиковалось почитание духов земли (скорее земли-почвы, чем земли вообще). Тогда же, вероятно, возник культ богов горы, типичный для аустроазиатов в целом и для династий средневековой Юго-Восточной Азии.

Символика в искусстве малых форм — смешанная, есть и свое и южноиндийское. Погребальный обряд (захоронение в урнах) восходит к традициям южного варианта донгшонской культуры, но происходит формирование общего для монов и кхмеров типа этих урн с индийскими элементами в декоре.

Изображения индийских богов находят в Окео сравнительно редко. В отличие от более позднего периода изображения Будды (в стиле Амаравати) в массовом искусстве преобладают над изображениями богов индуистского пантеона, причем боги этого пантеона — в значительной степени второстепенные (что естественно для малых форм). Есть и крупные изображения Шивы и Вишну. Пропорции многих фигур, особенно в мелкой пластике, их позы и одежда во многом отклоняются от индостанских мод и канона, предвосхищая некоторые линии развития средневекового кхмерского искусства. Богатейший материал раскопок дал сведения и по прикладному и станковому искусству. Здесь сочетались реализм и стилизация как в древнекхмерском, так и в «индуизированном» стиле. Помимо произведений кхмерских скульпторов встречено много произведений ювелиров и скульпторов Индии, Ирана, Армении, Рима. Примечательно, что изображения человека в реалистической манере появились в Бапноме почти одновременно с Индостаном; возможно, что влияние средиземноморского мира на Индию и Юго-Восточную Азию шло приблизительно одновременно.

Ощущаются в искусстве и традиции донгшонской культуры, есть и чисто кхмерские для этого времени и региона образы: рыбы, морские коньки. Многочисленны светские (в той степени, в которой это бывает в раннеклассовых обществах) произведения искусства, именно с ними связаны сложные композиции, пейзажи с животными и т. п. Четко прослеживается деление на более реалистическое светское (определение это, естественно, отчасти условно) искусство и более статичное и стилизованное религиозное. Ощущаются связи и с искусством малайского мира в Западной Индонезии.

При раскопках обнаружен ряд музыкальных инструментов (сохранились в основном ударные).

В древнекхмерский язык (древнейший из зафиксированных эпиграфикой Юго-Восточной Азии) в большом количестве входит в это время санскритская лексика. И в дальнейшем заимствования шли почти исключительно из мертвого литературного языка, а не из живых языков (пракритов) тогдашней Индии. За «кхмерским санскритом», т. е. санскритом, использовавшимся параллельно с древнекхмерским языком (он сильно модифицирован и иногда трудно понимается санскритологами), была зафиксирована сфера элитарного общения, по преимуществу — с богом. Он не стал языком делового общения даже на уровне официальной документации.

В обществе Бапнома письменность распространилась уже

очень широко, о чем говорит массовое изготовление даже в среднем городе текстов-печатей на одной из южноиндийских письменностей.

Данные раскопок дополнили сведения письменных источников о социальной структуре древнекхмерского общества. Во-первых, ясно, что оценка современниками из южнокитайского государства У общества Бапнома, как имеющего сложившуюся государственную власть, верна. Во-вторых, четко видна картина социального расслоения, сложной городской жизни, видно широкое распространение письменности, классовых религий. Очень популярна идея собственности (сравним более поздние иноземные легенды о кхмерском обществе без воров с широчайшим распространением замков и ключей), имеется сложная денежная система. Об имущественном расслоении говорит и наличие дешевых подражаний драгоценным вещам. Имеются изображения рабов, а также лиц из простого свободного населения. Хозяйство было сложно организовано, существовали судоходные и магистральные ирригационные каналы, которые могли быть построены только в развитом классовом обществе. Из других особенностей можно выделить указанные в письменных источниках факты сравнительно высокого положения женщин, отмечаемого в аустроазиатских обществах и позднее. Об этом же свидетельствуют династийные мифы и материнский счет родства.

В ходе своего формирования древнекхмерское общество, как и большинство классовых обществ мира, восприняло необходимые для оформления классовых отношений нормы в определенной степени извне, из буддийских государств Южной Индии на рубеже и в первые века нашей эры. Хотя контакты с государством У в III в. были достаточно интенсивны, время активного восприятия тогда уже в значительной степени прошло; следов влияния ханьской культуры в Бапноме никто из исследователей не отмечал. Сходство социально-экономических традиций и больший объем контактов с югом Индии повлекли за собой преимущественный интерес к опыту индуизированных дравидийских государств Коромандельского берега, к империи Сатаваханов и ее преемникам. Морские и сухопутно-морские (через перешеек Кра) пути того времени, хорошо известные благодаря археологическим находкам и свидетельствам греко-римских авторов, были каналами, по которым шли контакты. Инициатива в них во многом принадлежала древним кхмерам, в значительной степени торговлю вели они, ибо никаких следов индийских поселений или упоминаний о них (как и вообще в Юго-Восточной Азии) здесь нет. Была воспринята часть социальной и религиозной терминологии, ряд административных и юридических норм. В Бапноме имелись государственные суды; индийское право здесь не было единственным, существовали своеобразные формы «божьего суда». В кхмерском обществе распространились иноземная письменность для своего языка, отчасти — мертвый язык

религии и государственных норм — санскрит. Распространился календарь, был воспринят ряд религиозных сюжетов (некоторые мифы, темы Рамаяны и Пуран), но значительная часть кхмерской мифологии сохранилась до сих пор. Широким было воздействие на изобразительное искусство.

Но кхмерским обществом, основанным на своеобразном типе общинной организации (здесь были малые общины, отличавшиеся от больших общин Южной Индии с их специфическим делением на земледельцев и землевладельцев) и древних аустроазиатских традициях, не были восприняты фундаментальные черты социально-культурной организации народов Индостана — система варн и каст. Лишенные своей социальной основы, индийские традиции легко переоформлялись кхмерским обществом: в воспринимаемых религиях слабее ощущались их различия, в государственном строе сильнее чувствовалась деспотическая власть монарха, не ограниченная привилегиями высших варн; своя мифологическая система, вошедшая в династийные мифы и официальную идеологию классового общества, продолжала определять многие стороны духовной жизни даже высших слоев населения. Весьма важно, что для фундаментальных понятий классового общества, таких, как «монарх», «министр» и т. п., древние кхмеры, как и древние моны в Западном Индокитае, выработали свою терминологию. В целом ее так и не вытеснили индийские заимствования ни в это, ни в более позднее время, когда обе системы терминов существовали параллельно, причем своя система была гораздо шире, особенно в нижних звеньях общества, и продолжала расширяться. Это еще раз подтверждает факт возникновения классового общества и государства до начала восприятия иноземной культуры как его предпосылки (аналогично другим классовым обществам).

История Бапнома освещена в кхмерской эпиграфике, в материалах раскопок, в письменных источниках государств Южной Индии, Восточной и Юго-Восточной Азии. При этом многие данные совпадают, что позволяет говорить о ряде явлений вполне определенно (особо учитывая характер ханьских источников и присущие им тенденции и стереотипы).

Ранние этапы истории дошли до нас в виде династического мифа, изложенного дипломатами из южного китайского царства У. Согласно этому мифу основатель государства Каундинья прибыл откуда-то с юга. Напомним, что в формирующихся классовых обществах часто распространена легенда о прибытии (в русских родословных — о «выезде») носителя идеи государственности из некой страны, где государство уже есть. Дух предков, пребывавший в дереве, подарил ему свой лук и посоветовал отправиться на торговом корабле; дух и привел судно в Бапном (куда, если следовать логике китайского пересказа легенды, уже ходили большие торговые корабли!). Этот миф о духе — помощнике основателя династии и подаренном им волшебном луке

есть и у другого аустроазиатского по языку народа тех веков — живших на северо-востоке Индокитайского п-ова лаквьетов. Известно, что родство фундаментальных особенностей этих языков отмечают лингвисты.

Победив местную царицу, чье имя в китайском произношении звучит как Лю-е, Каундинья женился на ней. От этого брака представительницы местной династии с победоносным пришельцем, обладающим волшебной силой, и произошли правители Бапнома; в дальнейшем правители кхмерской империи веками относили себя к этой династии. Интересно, что к этому местному мифу уский дипломат, верный культуртрегерской традиции конфуцианских мыслителей Поднебесной, добавил, что Каундинья «одел ее (т. е. Лю-е. — *Д. Д.*)». Подобная акция была стереотипным элементом описания проникновения «цивилизации» в страны «южных варваров». То же писали и о вьетах, в то время как археология, сохранившая много изображений древних кхмеров и древних вьетов, доказывает существование у женщин и мужчин одежды; отметим также, что одежда эта отличалась и от одежды ханьцев, и от одежды жителей Южной Индии.

Впоследствии этот аустроазиатский династийный миф подвергся индианизации. Он известен и в более поздней обработке, когда тот же Каундинья уже назван брахманом, вместо лука у него копье, взятое для определения места будущей столицы. Местная правительница также трансформировалась, у нее индийское имя Сома, она превратилась в царицу змей — нагов и т. п. Но основной сюжет древней легенды и имя основного действующего лица неизменны, как и исходная ситуация — приход мужчины в страну без мужчины-правителя и брак существ из разных сред (это есть и у вьетов). Последнее положение призвано было объяснять сосуществование в древней и средневековой Кампучии (и ряде других стран Юго-Восточной Азии) двух попеременно или совместно через брак правящих династий — Лунной и Солнечной. Возможно, это как-то связано с существованием здесь лунно-солнечного календаря.

Каундинья считался основателем Лунной династии, в которой власть передавалась по мужской линии (в местной Солнечной династии — по женской). То немногое, что известно о Бапноме при нем и его непосредственных преемниках, рисует нам достаточно архаическое государство. В семи городах (память о которых, возможно, сохранилась в поздней Кампучии в виде семи башен «царя огня») правили сыновья монарха. Остальными областями управляли чиновники и, видимо, местные правители. Территория страны простиралась тогда от современной пров. Тяудок во Вьетнаме до округи Пномпеня.

Последующий отрезок истории Бапнома во многом темен. Из преемников Каундиньи известен Хунпяньхуан (в современном китайском произношении), правивший якобы до 90 лет во вто-

рой половине II — начале III в. н. э. Таким образом, правление Каундиньи I относится к I в. н. э., что соответствует самой поздней из возможных, исходя из данных раскопок, дате возникновения Бапнома. При Хунпяньхуане утверждение власти классового государства вызвало восстание ряда местных правителей (возможно, вождей племен), после подавления которых он везде поставил управлять своих сыновей и внуков как «маленьких королей». Последнее указание может свидетельствовать об отношениях типа вассальных. Хунпяньхуану наследовал его сын Панпан. В начале III в. он передал все дела главному военачальнику Фанману (или Фаншиману; фан, судя по более поздним данным, соответствует распространенному в Южной Индии и Кампучии королевскому титулу варман — князь, монарх). Три года спустя Панпан умер, «люди королевства» выбрали тогда королем Фаншимана. Династия Каундиньи I на этом кончилась, хотя в силу неясных, но считавшихся существенными, связей Каундиньи I и Каундиньи II, правившего много позднее, все монархи впоследствии считали себя потомками Каундиньи (те, кто причислял себя к Лунной династии).

После ряда войн Фаншимана, энергичного и способного полководца, большинство соседей признало свою зависимость от Бапнома, превратившегося в империю, объединившую государства различных народов. После этого первого этапа завоевания Фаншиман принял титул Великого правителя Бапнома. Им был построен мощный флот и предпринят еще ряд походов, в ходе которых он пересек «большое море» и напал на десять королевств. Среди них указаны известные историкам Цзю-ду-цзюань, Тун-сун, Цзю-че, Тянь-сун и Чин-лин («Золотая граница»). Если верить ускому автору, завоевания привели к расширению империи до 2 тыс. км в длину. Но и при более скромных оценках очевидно, что часть монских и малайских государств попала в какую-то зависимость от Бапнома. В его состав теперь входили земли по нижнему течению Меконга, восточная часть бассейна Большого Озера, побережье на восток от устья Меконга, низовья Тяо-Прайи, перешеек Кра до залива Бандон. Из государств перешейка в состав Бапнома вошли Тун-сун с его «пятью королями» и, может быть частично, Пан-пан. Уские политики считали, что все «пять королей» Тун-суна «зависят от Фунани».

Фаншиман умер от болезни в середине 20-х годов III в. Власть перешла к его сыну Фанчиншену, но ее стал оспаривать Фанчан, племянник Фаншимана (возможно, это отражало два разных принципа наследования — по мужской линии и по женской), правивший одной из областей. Опираясь на свои войска, сравнительно немногочисленные (2 тыс. человек), он сверг и убил Фанчиншена. Часть мужских наследников последнего не была казнена, их просто отстранили от власти, они «жили среди народа».

Для 20—30-х годов III в. наиболее важны события не военной, а экономической и культурной истории. Правя сильным в военном отношении и обширным государством на важнейшем торговом пути, Фанчан проявлял инициативу в укреплении межгосударственных контактов на дипломатическом уровне; бапномский посол ездил (через Такколу, китайское название Цзюгули — крайний западный порт Бапнома) в одно из государств Индии, расположенное на Ганге, где правила династия Мурунда. Кхмерский посол был принят с большими почестями, среди подарков, привезенных ответным посольством Мурундов, были особенно ценившиеся в Южной Индии и Юго-Восточной Азии породистые лошади «индоскифской (ахалтекинской? — *Д. Д.*) породы»; напомним, что в Юго-Восточной Азии конь стоил дороже слона.

Внутри страны положение вскоре осложнилось продолжающейся борьбой потомков Фаншимана по женской и мужской линиям. Король Фанчан, убийца старшего сына Фаншимана, сам был убит его младшим сыном по имени Фанчхан; до этого он «жил среди народа» и был «воспитан среди народа». Подобное обращение членов династии в простолюдинов было частым и впоследствии; оно вытекало из абсолютной власти монарха в отношении всех без исключения жителей страны. Достигнув 20 лет, Фанчхан собрал войска, видимо, тоже «среди народа», выступил против Фанчана, победил и казнил его. Вскоре он сам был убит бывшим главнокомандующим войск покойного Фанчана, полководцем Фансуном.

В начале 40-х годов III в. Фансун провозгласил себя правителем Бапнома. Заслуживает внимания исключительная осведомленность уских дипломатов о положении дел в Бапноме, чего не было после гибели южного царства У в конце III в. Это было следствием, во-первых, того что У, хотя и руководимое ханьцами, было приморским царством и, как его предшественники, вьетские государства, было ориентировано на морские контакты, в целом нетипичные для ханьцев. Во-вторых, морскими воротами царства У были лаквьетские земли современного Северного Вьетнама, которые находились близко от Бапнома и были населены родственными кхмерам лаквьетами, традиционно связанными с первыми.

Бапном кроме контактов с Мурундами и, видимо, еще какими-то государствами на Коромандельском побережье поддерживал официальные контакты с царством У, в населении которого значительную, а скорее всего основную, часть составляли восточные и южные вьеты (юэ). При основателе У, Сунь Гуане (222—252) в область Цзяо (Северный Вьетнам) был направлен губернатором Люй Дай, которому правители Бапнома, Линьи (Тьямпы) и Танлина прислали «послов с подарками». Этот же губернатор вел широкую торговлю с Тьямпой.

После этих «разведочных» миссий Сунь Гуань около 240 г.

отправил в южные государства официальных послов от двора: Чжу Иня и Цзян Дэ. Фансун принял посольство, китайцы долго пробыли при его дворе, собирая сведения об Индии, где они, видимо, почти не бывали в то время и куда кхмеры, по рассказам этих же послов, регулярно ездили. Составленное Цзян Дэ описание более чем 100 государств, о которых он узнал при дворе Бапнома, и сделанное Чжу Инем описание Бапнома стали известными книгами, часто цитировались. И хотя сами сочинения до нас не дошли, многие сообщения (например, о производстве хлопчатобумажных тканей) сохранились в выдержках. Сочинения эти не свободны от традиционных выдумок о цивилизаторской роли ханьцев (например, все в том же вопросе об одежде).

Дипломатическая инициатива царства У была положительно встречена в Бапноме, и в 243 г. Фансун послал ответное посольство; с ним были отправлены товары бапномского производства и группа музыкантов. Музыка народов Юго-Восточной Азии веками пользовалась популярностью в Восточной Азии, куда приглашали и тьямских музыкантов и музыкантов народа пью в Западном Индокитае.

Уже при Фансуне началось широкое дворцовое строительство, столь характерное для кхмеров впоследствии. Тогда же оформился сложный и пышный придворный ритуал.

Наиболее сильным и опасным соседом Бапнома была Тьямпа, но в 270 г. с ее королем Фансюном был заключен союз, целью которого было вытеснение уских гарнизонов из области Цзяо-чжи (по-вьетнамски Жяоти) в Северном Вьетнаме. Продолжавшаяся десять лет война с усцами не привела к изменениям границ, хотя ослабила У и ускорила его гибель в результате войн с северокитайским царством Западная Цзинь. Война временно прервала торговые связи с ханьскими государствами; после вхождения территории У в 280 г. в состав государства Цзинь последнее, унаследовав торговые связи У, возобновило торговлю с Бапномом. Фансун умер в конце 80-х годов; основанная им третья династия правила еще около 70 лет, вплоть до периода смут середины V в.

В III—IV вв. в духовной жизни страны по-прежнему ощущалось сильное влияние буддизма хинаянского толка (об этом говорят и изображения, и надписи, и данные нарративных источников). Но сведений об истории IV в. мало, что скорее связано с упадком интереса к морской торговле в ханьских государствах после гибели царства У, чем с каким-то кризисом в самом Бапноме. В середине IV в. страной правил Чандана, представлявший какую-то новую династию; в 357 г. им была отправлена торговая миссия на север, с ней были посланы обученные слоны, традиционные для кхмерского экспорта.

В первой трети V в., когда страной правил Каундинья II, в обществе стало усиливаться влияние индуизма, на смену монар-

хам-воинам пришли монархи-брахманы. Но буддизм (хинаянский и все более усиливающийся махаянский) сохранял значительные позиции в обществе. V век ознаменовался усилением храмового строительства, ростом влияния духовенства и, как следствие, новой вспышкой интереса к индийскому опыту; основным контрагентом Бапнома стало южноиндийское государство Паллавов. На смену кушанскому алфавиту ранних надписей пришел венги, распространенный у Паллавов, и грантха, распространенный в V в. на Коромандельском побережье. К этому времени относятся и сведения о принятии новой системы летосчисления — шака.

Преемником Каундиньи II был Шри Индраварман (до 434 — после 438). При нем Бапном разорвал военный союз с Тьямпой и отказался участвовать в ее войнах с государством Ранних Сун. Возможно, это было вызвано существованием регулярных торговых связей Бапнома с портами Жяоти и с Панюем (совр. Кантон). Из Бапнома шли изделия из слоновой кости, золота, стекла, ювелирные, шелк определенных сортов. Ввозился прежде всего шелк китайского производства.

Потомки Каундиньи II правили Бапномом и в конце V — начале VI в.; к их числу относится Джаяварман (до 480—514). Власть монарха была прочной, могущество империи основывалось на контроле над всеми территориями, приобретенными при Фаншимане. При Джаявармане Бапном поддерживал регулярные торговые и дипломатические отношения с ханьским государством Южная Ци. Необходимо указать, что восточные контакты Бапнома в III—IV вв. не были контактами маленького Бапнома с великой китайской империей. Таковой не существовало, а большинство контактировавших с империей Бапном южных ханьских царств существовало недолго и было такого же размера, а то и меньше, что было известно обеим сторонам. Не было тогда в буддийских царствах ханьцев и гипертрофированной идеи превосходства Поднебесной, так как принятие извне буддизма отодвинуло на время на задний план идею центральности ханьского государства. Поэтому трудно предполагать даже формально даннический характер отношений Бапнома и того или иного из его недолговечных партнеров в ханьском мире. С Тьямпой у Джаявармана были еще более натянутые отношения, чем у Шри Индравармана, поскольку там на троне утвердился кхмер из окружения Джаявармана, проводивший враждебную Бапному политику. Назревала война, к участию в которой Бапном хотел привлечь Южных Ци. Те, не очень прочно сидевшие на троне и не обладавшие реальной властью во вьетских землях, граничивших с Тьямпой, отказались, но тем временем в 492 г. власть в Тьямпе перешла к одному из тьямских князей, и обстановка разрядилась.

Индуизм укрепился в Бапноме в V в. первоначально в более мягкой вишнуистской форме, более терпимой к другим религи-

ям, в частности к распространенному в империи буддизму (к концу века, по-видимому, в основном махаянистскому).

Ко второй половине V в. относятся первые эпиграфические данные об аграрных отношениях в империи Бапном. Курунг обладал правом дарения земель, видимо вытекавшим из верховной собственности государства на них; он дарил их храмам, жилищам аскетов. Как и в других странах Юго-Восточной Азии и на Ланке (Цейлоне), в это время важную часть дарений составляли построенные под руководством центральной администрации ирригационные сооружения. В эти же десятилетия шло формирование крупных земельных владений за счет освоения ранее заболоченных земель близ дельты Меконга, т. е. центральных областей империи. Для этой цели использовался метод внеэкономического принуждения трудящихся — свободных крестьян и рабов-кньомов (судя по данным VI в.) — крупными сановниками и родственниками курунга. Важнейшей особенностью периода было сформирование типичного уже для феодальной Кампучии способа оформления наследственного землевладения через посвящение приобретенных земель личному святилищу семьи данного землевладельца. На освоенных землях владельцам порой принадлежала и административная власть, их прямо объявляли «начальниками» этих земель.

После смерти Джаявармана в 514 г. власть перешла к его старшему сыну Рудраварману (514 — около 550); возможно, это произошло после подавления мятежа его родственника Гунавармана, крупного землевладельца в южных районах.

VI и особенно VII века были временем значительных социально-экономических сдвигов в кхмерском обществе, которым соответствовали заметные изменения в политической сфере. Анализ данных эпиграфики показывает, что для VII в. характерен целый ряд закономерностей, связанных с экономикой Бапнома, однако широко реализованных отчасти севернее, на территории ранней Ченлы (бассейн р. Мун). Окончательное объединение Ченлы и Бапнома в VII в. было следствием новых явлений в экономике, типичных для VII в. Поэтому экономические процессы VI в. должны рассматриваться одновременно на всей территории, населенной кхмерами в то время.

Памятники эпиграфики равномерно покрывают в VI в. значительную часть Кампучии и являются надежным источником для реконструкции основных черт экономики государства и отчасти — его социальной структуры. Они всегда расположены в рисовых районах и описывают типичные именно для них закономерности. Как тексты, надписи VI в. образуют единый комплекс бапномской эпиграфики, определенный тип документа, отличный от более поздних. Принципиальное изменение характера документов, бесспорно отражающее изменение в экономических отношениях, приходится не на середину VI в. — время возникновения Ченлы, а на начало VII в. В течение же всего VI в. суще-

ствовал архаический тип документации, напоминающий яванские надписи IV—V вв., в котором в нерасчлененном виде содержатся два основных компонента поздних документов: общая преамбула и деловая часть. Они в основном написаны на санскрите, но содержат больше данных по экономике, чем поздние санскритские преамбулы в двуязычных надписях. Соответственно их деловая часть более обща, чем кхмерская часть поздних надписей. Формулы надписей специфичны для VI в. Для этого времени типично широкое строительство ирригационных сооружений, реже — воздвижение статуй; строительство храмов еще не приобрело характерного для более позднего периода размаха. В большом количестве дарятся кньомы (без семей и без одновременного дарения земельного участка). Монархи выступают основными дарителями, особенно на территории Ченлы (в бассейне р. Мун). В Бапноме, судя по ряду особенностей текстов, значительную часть составляют дарения мратаней (крупных землевладельцев) и поней (средних землевладельцев); взаимоотношения последних с деревенской общиной еще не ясны.

География надписей показала, что основные дарения шли на территории ранней Ченлы, где усиленными темпами развивалось храмовое и светское крупное землевладение; на территории Бапнома эти процессы шли медленнее, хотя он был основным рисопроизводящим районом в VI—VII вв.; «плотность» надписей здесь значительно ниже, чем в бассейне р. Мун. Районы к северу от Большого Озера еще не были освоены, как и районы к западу от него; областями контакта с бассейном р. Тяо-Прайя на западе была, с одной стороны, узкая прибрежная полоса, с другой — верховья р. Мун. Зона затопления разливами Большого Озера также еще не была освоена; примечательно, что в отличие от более поздних столиц обе столицы Бапнома (ранняя — Вьядхапура и поздняя — Ангкор Борей) стояли на реках на границе зоны затопления, т. е. могли быть портами в любое время года. Все надписи этого времени расположены в низменностях (до отметки в 200 м), где только и велось тогда производительное хозяйство. В основном они сосредоточены близ р. Тонле-сап, по берегам Меконга и в долине р. Мун. В болотистой дельте Меконга южнее современной вьетнамской пров. Тяудок особо важных рисовых районов, по-видимому, не было.

Указанные особенности экономики во многом определили и ход политического развития кхмерского государства. Последние десятилетия существования Бапнома заполнены ожесточенной внутренней борьбой, для которой расширившаяся империя создала несколько естественных культурно-экономических очагов, мало еще связанных между собой. Боролись три основные политические группы, причем каждая опиралась на особый рисопроизводящий район. На севере, в низовьях р. Мун, отделились от Бапнома потомки Камбу Сваямбхувы, ранее подчиненные

Бапному. В центре удерживалась власть «законного правителя» Рудравармана, на юге укрепились сторонники Гунавармана, убитого брата Рудравармана. Распад империи Бапном был обусловлен непрочностью завоеваний Фаншимана; после ограбления земель на западе и северо-западе их удержание в подчиненном положении, как это часто бывало с империями, по-видимому, не покрывалось доходами от их эксплуатации. Да и внутри древнекхмерского этноса процессы внутренней консолидации еще не завершились. Впоследствии, по их завершении, имперская политика была возобновлена уже на новой, более прочной основе.

40—50-е годы VI в. заполнены внутренней борьбой, в ходе которой потомки Камбу, породнившиеся с «царями горы» Бапнома, вначале поддерживали Рудравармана. Их возглавлял внук последнего Бхававарман, сблизившийся через брак с родом Камбу, правившим, как уже говорилось, в области Камбуджа (Ченла китайских источников) на р. Мун. Династийный миф, схожий с мифом Бапнома, возводил этот род к аскету Камбу Сваямбхуве (обратим внимание на то, что легендарный основатель династии — опять лицо духовное), от брака которого с солнечной феей Меру и произошла якобы Солнечная династия. Обе династии породнились после женитьбы Бхававармана, представителя Лунной династии Бапнома и внука Рудравармана, на принцессе из Солнечной династии. После смерти старшего из представителей Солнечной династии Бхававарман стал правителем в Камбудже (Ченле).

В середине VI в. Рудраварман умер при неизвестных обстоятельствах, трон во Вьядхапуре стал вакантным. Первоначально власть в столице захватили представители Лунной династии из числа потомков Гунавармана, пришедшие с юга. Но вскоре Бхававарман и его брат, полководец Читрасена, заняли имперскую столицу. Окончательно победить сторонников Лунной династии им не удалось; последние перенесли столицу на место современного Ангкор Борея и стали править югом. Власть в старом рисовом районе вдоль Меконга и по р. Мун досталась Бхававарману; с этого времени он входит в историю как Бхававарман I (около 550 — около 600). Раздел империи стал реальностью. Скорее всего именно в это время отпали владения в бассейне Тяо-Прайи, где моны создали свое государство Дваравати, и на перешейке Кра, где восстановили свою независимость малайские государства.

Эпоха раздробленности. Это был период интенсивной внутренней перестройки кхмерского общества, время начала его феодализации. Оформилась и укрепилась новая социальная организация кхмерского общества, переходная от типичной для Бапнома к той, которая была основой империи Камбуджадеша (Ангкорской империи).

Около 600 г. власть в Камбудже (Ченле) и центральном

Бапноме перешла к Читрасене, тронное имя которого — Махендраварман (около 600 — около 615). Он занимался преимущественно внутренними проблемами, поддерживая во внешней политике дружественные отношения с Тьямпой и не воюя с потомками Гунавармана. Для активной внешней политики в течение всего VII в. не было, по-видимому, возможностей; не было в ней и необходимости.

Многочисленные документы VII и в меньшей степени VIII в. позволяют дать картину социально-экономической структуры кхмерского общества VII—VIII вв. В нем сочетались элементы рабовладельческого и феодального укладов. Объектом извлечения ренты-налога были юридически свободные «люди» (анак, позднее — неак, неактьеа), члены деревенских сельских общин. Среди них имелась более зажиточная группа — танг. В хозяйствах средних и крупных светских и духовных землевладельцев использовался труд рабов-кньомов, не имевших собственного, закрепленного за ними хозяйства и передававшихся без семьи (в этом их отличие от кньомов феодальной Кампучии времен империи).

Среди землевладельцев (индивидуальных и коллективных) можно выделить помимо верховного владельца всей земли, монарха, следующие группы: понь — мелкий землевладелец, не входящий в общину, использующий труд кньомов; мратань — крупный землевладелец того же типа; храмовые владения — врах, в них работали кньомы под руководством глав храмов, которые (по крайней мере часть из них) находились на положении государственных чиновников; врах-мратань — землевладелец-священнослужитель, обладавший землями как платой за свою деятельность; но он мог их отдавать как пунью — дарение в пользу земель врах. Таким образом, эта форма владения предполагала отчуждение на определенных условиях, хотя сама была по происхождению служебным владением особого рода. В целом духовное землевладение находилось под контролем светско-духовной власти монарха.

Сравнительно малочисленные в то время владения светских и духовных землевладельцев бесспорно давали бо́льшую (по сравнению с долей приходившихся на них земель) долю общего прибавочного продукта из-за более сильной эксплуатации кньомов. Поэтому распространение в той или иной части страны владений подобного рода укрепляло здесь власть государства (естественно, до тех пор, пока уменьшение числа анаков не начинало ослаблять государственный аппарат в целом). Анаки платили ренту-налог, отбывали раджакарью (трудовую повинность или государственную барщину) и служили в армии. Именно размывание этого слоя в конце имперского периода ослабило военные возможности Камбуджадеши.

Среди анаков выделялась группа анак-врах; налоги с них шли какому-либо храму, но власти над личностью анак-враха

чиновник из ведомства культовых имуществ (ачарья) или настоятель храма не имели. Общинные традиции были еще весьма сильны, деревня-община могла судиться даже с мратанями и с храмами, а выделение новой земли поням со стороны государства не могло быть сделано без свидетельства и согласия анаков соседних деревень. В то же время внеэкономическое принуждение в отношении анаков было основой светского и духовного землевладения, поскольку расчистка полей и строительство ирригационных систем велись в основном руками анаков; созданные их трудом поля передавались крупным феодалам и храмам и обрабатывались кньомами. Основную массу кньомов составляли, как и впоследствии, кхмеры. Их статус был наследственным, освобождение из этого состояния было редкостью. Владеть кньомом мог любой свободный, но ниже танга владельцы кньомов неизвестны.

Статус кньома постепенно менялся в сторону превращения в феодально зависимого. Если в VI в. за кньомами не признавалось право на семью (только иногда при дарении передавали детей вместе с матерями), то в VII--VIII вв. при дарении и продаже кньомов уже передавали семьями (обычно без участка земли). Обязанности кньомов в эти века еще не фиксировались (следовательно, не ограничивались), но среди кньомов четко выделяются привилегированные группы: амрахи (кньомы — начальники трудовых групп) и врах-кньомы — храмовые служители (исполнители ритуальных танцев, музыканты). Эти последние стояли особняком, часто в их число входили посвященные храму дети мратаней и др.

Спецификой организации свободного крестьянского населения надо считать наличие в ней женщин-землевладельцев, обладавших всей полнотой хозяйственных и религиозных функций и даже иногда как-то соотнесенных с государственной службой. Такое высокое положение женщин свойственно кхмерскому обществу (отчасти — монам и ранним бирманцам).

Существовала система титулов, начиная с высшего, врах камратенг ань, и кончая самыми низшими, такими, как танг (соответствует позднему вапу — мелкому землевладельцу).

Высшая группа свободного трудящегося населения — танги, обычно стоящие у руководства деревней, одновременно поставляла кадры низших чиновников. Чиновники более высоких уровней формировались из сословия поней. Высшая часть чиновников формировалась из мратаней вплоть до самой высшей группы — курунг-мратань (королевские мратани). На самом верху государственной пирамиды стояли светские и духовные лидеры, объединенные правом ношения высшего титула — врах камратенг ань (ВКА), что приблизительно означало «человек священной государственности»; таких было несколько сот человек. Укажем, что ВКА могли быть и храмы, и низшие боги. В этом отождествлении божественного и государственного уже в VII в.

были заложены основы культа бога-царя, обусловившего небывалое единство духовной и светской власти.

Свободное население было разделено на сложную систему рангов, начиная с анака и кончая курунгом; на низших ступенях ранги обозначались чисто кхмерскими терминами. Были ранги служебные (клонь, тамрвач и др.), религиозные (брахман, бхагаван и др.), для членов семьи монарха, наместников (курак), министров (мантрин), полководцев (сенапати) и др. Помимо них существовали государственные должности (например, клонь срук, клонь ге, клонь рангко и др.), связанные с налогами и раджакарьей, с судом и полицией, с имуществами храмов и объединениями ремесленников (городских, храмовых и проч.), с профессиональными корпорациями, с религиозными функциями, армией.

Государственный аппарат вербовался из числа поней и мратаней, из них формировалось сословие клоней-чиновников (клонь-срук — правитель области-срука и т. п.). Важную категорию чиновничества составляли ачарьи — чиновники ведомства духовных имуществ, в ведении которых находились храмы и их земли.

Помимо деревень анаков, мелких владений поней и крупных владений мратаней существовали и все более увеличивались в числе владения вишнуитских и шиваитских храмов и ашрам (монастырей), буддийских вихар (монастырей). Их земли обрабатывали кньомы, жившие маленькими группами рядом с полями. Были и религиозные центры, не имевшие своего хозяйства, существовавшие на взносы анак-врахов или связанных с данным храмом светских феодалов. Рядом с духовными землями, часто объединяемыми общим владельцем, располагались владения светских феодалов; нередко часть своих земель феодал посвящал построенному им же храму и тем самым приобретал «право» на использование остальных земель или части доходов с храмовой земли. Сами крупные феодалы, насколько можно судить, хозяйства не вели; их кньомы скорее всего уже тогда были оброчными.

Все операции с землей и получение феодальных прав на нее, точнее, права не платить налоги, должны были быть утверждены монархом, причем и сама процедура передачи земли, и назначение лица, ответственного за хозяйственную деятельность на ней, проходили через государственный аппарат.

Аграрные отношения в начале VII в. значительно усложнились, ход их развития в старых землях и в долине р. Мун продолжал быть различным. Основными группами землевладельцев были общины анаков и тангов, мратани и пони, государственные и личные храмы и монастыри. Наряду с дарениями вновь обрабатываемых земель, особенно частыми на севере, где их дарили монархи, распространялись операции по перераспределению земель (рисовых полей и садов) — купля, заклад. Объектом

подобных операций были в большом количестве и кньомы. В старых областях центра и юга основными дарителями и лицами, утверждающими операции, были правители городов, крупные местные землевладельцы с административной властью. Купля-продажа предполагала сохранение обязательств по отношению к государству. Дарения бывали двух видов — от духовного землевладельца светскому феодалу и от светского феодала или монарха духовному феодалу, при дарении светского феодала определенная часть доходов потом нередко поступала государству. Упоминаний об арендных отношениях в документах не встречено.

Наиболее близкой к собственности с полным иммунитетом и правом передачи по наследству была париграха. Более распространенной формой владения была кшатра, когда духовный или светский феодал часть налога передавал государству и владение не было наследственным. В обоих видах владения производителями были кньомы, повинности которых в эти века не были фиксированы. Что касается анаков, то их повинности и налоги были фиксированными в связи с площадью земли, а не с урожаем. Анак-врахи отчисляли определенное количество риса храму, и этим их обязательства ограничивались.

Имелись владения на основании пунья, когда часть доходов шла храму, но владение в отличие от кшатра было наследственным. Вариантом домениального хозяйства была раджа пунья, когда часть доходов храма шла дарителю земли — монарху; в ряде случаев дарителем мог быть светский феодал, а доходы шли храму и монарху; порой доходы делили на три части — храму, монарху и светскому феодалу — дарителю. Насколько можно судить в настоящее время, необщинное землевладение могло достигать трети обрабатываемых земель и соответственно давать более трети дохода.

В аграрных отношениях заметны следы феодализации. Они проявились не только в возникновении сословия анак-врахов, но и в начинающейся передаче из одних рук в другие некоторых категорий земли (огороды, сады) вместе с обслуживающими их крестьянами-кньомами; все чаще передаются производственные группы кньомов с кньомами-амрахами во главе.

Основным объектом владения была не деревня, а рисовое поле; феодал мог иметь много полей в разных местах. В документах всегда указывалась граница рисового поля и никогда не указывалась его цена. Вообще, денежные отношения по мере феодализации упрощались, медные и оловянные номиналы были заменены штуками материи и медными мелкими чашами, как и в большинстве стран Юго-Восточной Азии. Объектом владения могли быть также огороды, сады, участки леса, водоемы.

Такова в общих чертах картина социального устройства Камбуджи (Ченлы), во многом объясняющая как политическую историю этого периода, так и механизм возникновения огромной

империи Камбуджадеша, которая во многом казалась историкам необъяснимым феноменом, появившимся и исчезнувшим по неизвестным (или чисто политическим) причинам. На самом же деле ее возникновению предшествовало зарождение в кхмерском обществе новых, феодальных отношений, их развитие произошло уже в период империи, кризис которой последовал за сменой этих норм иными, тоже феодальными.

Объединение кхмерских земель и овладение землями потомков правителей Бапнома на юге было проведено при сыне Махендравармана — Ишанавармане I (около 615—635). К 630 г. столица «царей горы» была захвачена, и их владения вошли в состав Камбуджи (Ченлы), которой теперь принадлежала дельта Меконга и северо-восточное побережье Кхмерского моря (т. е. Сиамский залив). Выход к морю сделал Ченлу морской державой, ее торговые и дипломатические миссии стали появляться в южных портах империи Суй. Ишанаварман продолжал дружественную политику своего отца в отношении Тьямпы, наследник трона (впоследствии король) которой женился на его дочери Чарвани.

Объединение кхмерских земель не было следствием военного успеха или политической случайности, оно было подготовлено единством экономического развития кхмерских земель и, в свою очередь, способствовало ему. Ишанаварман I не считал себя представителем знати бассейна р. Мун или преемником правителей Вьядхапуры — его новая столица, Ишанапура, находилась на стыке земель Бапнома и древней Кампучии в районе современного г. Самбор Прей Кук на Меконге. Город быстро разросся, как все азиатские средневековые столицы, в которых власть деспота собирала массы населения, связанные с выполнением государственных и военных функций и с обслуживанием двора и армии. Скоро население города достигло 20 тыс. человек и продолжало расти.

Интенсивному экономическому и социальному развитию собственно кхмерских земель соответствовало и формирование новых явлений в культуре. Значение VII—VIII вв. по их важности в истории кхмерской культуры можно сравнить со значением культуры Бапнома, культуры имперского периода (IX—XIII вв.) и культуры периода мононационального феодального государства XIV—XVIII вв. Наиболее известны специфические черты культуры этого времени, проявившиеся в архитектуре, где кирпичные башни-храмы начали группироваться в ансамбли; в эпиграфике, где широко распространился кхмерский язык; в религиозной жизни, где синкретизирующие тенденции времен Бапнома привели к утверждению культа Шивы — Вишну (Харихары). Новому подъему кхмерской государственности соответствовало и усложнение государственного аппарата, большая пышность придворного ритуала. Торжественные полурелигиозные дворцовые церемонии, религиозное почитание монарха — все это

зародилось при Ишанавармане I и достигло полного расцвета во времена империи.

Ишанаварман многое сделал для усиления централизации государства. Во главе аппарата были поставлены пять министров, страна была разделена на 30 областей с правителями во главе. Одновременно некоторые семьи, например род Нарасинхагупты, сохранили наследственную власть над крупными районами.

Укрепление государства сопровождалось изменениями в духовной жизни общества. От сочетания буддизма и индуизма в раннем Бапноме через вишнуизм его поздних правителей и культ Харихары в ранней Камбудже (Ченле) кхмерское общество по мере усиления власти монарха и его министров и чиновников пришло к культу Шивы, с которым как олицетворением мощи связан практически почти весь период расцвета империи. Этот переход окончательно стал очевиден при Бхававармане II (635—655), от времен которого остался ряд соответствующих надписей и сооружений (Байан и др.); но это не означало в то время отказа от культа Харихары. Долгое правление Бхававармана II отмечено интересными явлениями в экономической и социальной сферах.

Не менее длительным было и правление его сына Джаявармана I (655—681). Укрепляя власть в унаследованных владениях, он первым из правителей Камбуджи (Ченлы) перешел к расширению ее территорий. Реформированная и усиленная армия, куда была включена кавалерия, начала наступление вверх по Меконгу, дойдя до современных районов Вьентьяна и Луангпхабанга, где тогда было родственное кхмерам население. В определенной степени это было продолжением политики Солнечной династии, к владениям которой примыкали эти земли. Укрепилось храмовое землевладение, шло слияние духовной и светской власти монарха; в рамках культа Харихары личным культом монарха был культ Шивы, культ священной мощи монарха, распространявшийся в это время и в индонезийском мире, но не присущий ни монам, ни вьетам, ни мранма — предкам бирманцев. Распространение шиваизма, более агрессивного в отношении других религий, чем вишнуизм, привело к ослаблению позиций буддизма, уменьшению (по сравнению с предшествующим периодом) числа буддийских монахов. Но полностью буддизм вытеснен не был.

В 80-е годы вновь вспыхивает борьба двух основных в то время центров кхмерской государственности: центрального и южно-приморского. В годы правления вдовы Джаявармана I, Джайядеви (681 — после 713), центральная власть ослабела, в начале VIII в. разгорелась борьба с правителями различных областей. Эта борьба была прелюдией к распаду страны на несколько княжеств. Вскоре они объединились на каком-то подобии федеративной основы в два государства, известные как Камбуджа (Ченла) Земли и Камбуджа (Ченла) Воды. Основой

их выделения были те же два района, что и в начале VII в.; с одной стороны, бассейн р. Мун и прилегающие долинные районы среднего Меконга, а с другой стороны, районы к югу от р. Сап и дельта Меконга. Спецификой VIII в. было то, что в это время были освоены районы к югу, западу и северу от Большого Озера, где распространились владения светских и духовных феодалов. Политические лидеры этого района, впоследствии на века ставшего основным для кхмерского государства, в начале VIII в. были еще слабы и первоначально выступали вместе с правителями юга, входя в Камбуджу (Ченлу) Воды. В целом распад в VIII в. показал, что северные земли потомков Камбу из Солнечной династии еще не были органической частью того, что в последующие века стало кхмерским государством.

Политическая борьба периода раздробленности шла на фоне новых социально-экономических процессов, во многом связанных с окончательной феодализацией кхмерского общества. При этом изменения в VIII в. были намного менее принципиальны, чем те, что произошли в VII в., и в основном развивали эти последние.

Важнейшим событием было экономическое освоение «западной рисовой корзины», области к западу и северо-западу от Большого Озера — района будущей столицы империи на р. Сиемреап. Как и все долговременные столицы кхмеров, она была расположена в центре рисового района, освоение которого началось за сто лет до перенесения сюда столицы. Создается впечатление, что базирующееся на небольших северных и северо-восточных рисопроизводящих районах (имевших своими центрами Лингапарвату и Самбхупуру) население бассейна р. Мун[1] и побережья среднего течения Меконга, руководимое представителями Солнечной династии, смогло подчинить себе население Бапнома, но само было ассимилировано в VII в., после чего в VIII в. началось освоение крестьянами и феодалами единого государства западного рисового очага. Не смогла возглавить государство и небольшая аграрная область Баладитьяпура; некоторое расширение обрабатываемых земель в старых владениях Солнечной династии также не изменило положения.

Что же касается старого центра — Бапнома, то здесь все земли были, применительно к тогдашним условиям, освоены. VIII век не дает здесь дарений земли, так как отнятие земель у анаков и их закабаление начались на века позднее, а земли, удобные для нового освоения, были на том техническом уровне исчерпаны. Плотно заселенные анаками, эти районы скорее были источниками людских и экономических ресурсов для освоения района будущей Яшодхарапуры (Ангкора), где за счет расчисток и строительства каналов создавались большие владения

---

[1] Здесь в VII в. быстро росло феодальное землевладение, но не было из-за особенностей природных условий больших рисовых массивов.

знати и храмов рядом с поселениями анаков. Примечательно, что освоение в основном касалось ближайшего округа будущей столицы и приходится преимущественно на начало VIII в., когда Камбуджа (Ченла) еще сохранила свое единство. По-видимому, улучшилась техника земледелия, поскольку были освоены ранее неудобные для обработки земли в зоне частичного затопления разливами Большого Озера.

Решение исторически перспективной задачи — освоения второго по величине рисопроизводящего района — происходило в обстановке, когда экономические и политические возможности старого центра, Бапнома, как базы для дальнейшего развития феодального хозяйствования, были исчерпаны, а соперничающие с ним политические центры уже успели свою экономическую слабость продемонстрировать в сфере политики, а именно: базирующиеся на них государства еще не могли объединить страну. Начался период соперничества нескольких княжеств.

Камбуджа (Ченла) Земли была обширным, но экономически менее развитым районом, где не было объективных возможностей для создания обширных ирригационных систем. Политические устремления правителей этого государства были связаны как с более южными кхмерскими областями, так и с соседними вьетскими землями в Северо-Восточном Индокитае. Там шла борьба вьетов с губернаторами и войсками империи Тан, за которой внимательно следил один из наиболее выдающихся правителей Камбуджи Земли, Джаясимха, поддерживающий дипломатические отношения с империей Тан.

Камбуджа (Ченла) Воды практически никогда не была единым государством. Ее основные политические центры были расположены севернее древнего ядра Бапнома: это Аниндитапура к северу от Большого Озера, где правили потомки «царей горы», и Самбхупура на Меконге к северу от современного Пномпеня, где правили потомки Джайядеви. Оба княжества вели между собой борьбу. Что касается района Вьядхапуры, бывшей столицы Бапнома, то его правители вели себя в эти десятилетия пассивно. Правитель Аниндитапуры Пушкаракша на короткое время объединил оба княжества, к этому же стремился его преемник Раджендра, но успеха они не добились. Вскоре Камбуджа Воды распалась на пять враждующих княжеств.

К этому смутному времени относятся глухие упоминания полулитературного арабского источника о конфликте одного из кхмерских княжеств (видимо, приморского) с махараджей малайской морской империи Шривиджайя. К сожалению, упоминание это, носящее литературный характер, сплетено с явными вымыслами; положение в Камбудже было совершенно неизвестно арабскому купцу Сулейману, указанные сведения которого приводятся в более позднем арабском источнике 916 г. Единственное, что можно утверждать с достаточной уверенностью, это наличие конфликта какого-то кхмерского княжества со Шри-

виджайей в VIII в. По другим источникам, в 774 и 784 гг. корабли с вооруженными жителями южных морей грабили побережье Камбуджи Воды и Тьямпы. Возможно, какой-то отряд поднялся по Меконгу и разорил столицу одного из княжеств; есть предположение, что это была Самбхупура и что тогда там правил сын Раджендры — Махипати (до 770 — после 781). Разгром этот не сопровождался захватом территории, но на некоторый срок правители княжества, возможно, признали сюзеренитет Шривиджайи.

Глава 2

ИМПЕРИЯ КАМБУДЖАДЕША (АНГКОРСКАЯ ИМПЕРИЯ)

Ранний период истории империи. Социально-экономические изменения VII—VIII вв. подготовили новый этап централизации. Окончательная консолидация кхмерских земель, происшедшая в IX в., подготовила превращение государства кхмеров в полиэтническую империю Камбуджадеша, одно из величайших феодальных государств Азии.

Борьбу за восстановление единства начали потомки Пушкаракши в Камбудже Воды, включавшей в себя наиболее богатые области. Его внучатый племянник Джаяварман II с конца VIII в. вел вооруженную борьбу, объединяя разрозненные княжества. Опираясь на свое владение в районе Тхбонг-Кхмума (совр. Кампонгтям), он военными и дипломатическими методами подчинял одно княжество за другим. В самом начале своего правления он обратил внимание на районы к северо-западу, западу и юго-западу от Большого Озера, рассматривая эти новые богатые и частично уже освоенные земли в качестве возможного центра государства.

Анализ социально-экономической структуры империи четко выделяет три основных периода ее истории: ранний — конец VIII—X вв.; период расцвета — начало XI — начало XIII в.; поздний — XIII — середина XIV в. В рамках раннего периода социальные и политические изменения позволяют выделить четыре этапа, по которым и будет вестись изложение. Это конец VIII — третья четверть IX в. (первый этап), последняя четверть IX — первая четверть X в. (второй этап), вторая четверть X в. (третий этап) и вторая половина X в. (четвертый этап).

Конец VIII и первые годы IX в. прошли в медленном завершении подчинения княжеств Камбуджи Воды, причем Джаяварман II переносил столицы из одного подчиняемого района в другой. Опирался он на княжество своего дяди Джаендравармана на левом берегу Меконга, в Тхбонг-Кхмуме. Закрепив за со-

бой весь район современной пров. Кампонгтям, он перешел в район Сиемреапа, где основал город вблизи будущей столицы Яшодхарапуры (в позднем средневековье известна как Анг Нокор или Ангкор). Оттуда он перевел двор восточнее, в Харихаралайю. Официально провозглашенный здесь монархом в 802 г., Джаяварман II правил до 854 г. После провозглашения монархом он, по-видимому, обосновался в Амарендрапуре, а позже опять в районе Яшодхарапуры. Конец своего царствования он провел в последней столице — Махендрапарвате на горе Кулен. Наиболее важно в этом постепенном освоении то, что все передвижения шли в районах к северу от Большого Озера, которые были освоены классовым обществом только в VIII в. и где до этого не было крупных центров государственности, кроме Аниндитапуры (расположенные там же малоизвестные княжества Чакранкапура и Амогхапура не играли существенной роли в жизни страны). Короновался Джаяварман II после покорения «всех областей»; видимо, у него имелась некая программа, по выполнении которой он и провозгласил себя монархом. Вскоре после 802 г. им была покорена область Мальянг к юго-западу от Большого Озера. Объединив еще далеко не всю территорию бывшей Камбуджи (Ченлы), Джаяварман II отказался, судя по данным поздних источников, от каких-то своих обязательств по отношению к Шривиджайе — «Джаве». Конфликта это не вызвало, связи, видимо, были незначительными.

Военно-политическая деятельность Джаявармана и его ближайших преемников в IX в. развивалась на новом социально-экономическом фоне. Бурные столкновения VIII в. были следствием глубоких изменений в обществе, о которых свидетельствует и эпиграфика IX и последующих веков. Исчезли с социальной арены и были заменены другими целые группы населения, причем массовые. Какие-то изменения структуры деревни привели к замене прослойки тангов социально близкой им, но более многочисленной и социально активной группой вап; это были мелкие землевладельцы, как-то связанные с общиной, но могущие свободно распоряжаться по крайней мере частью своих земель (доля вапов в населении общин неясна). На смену среднему землевладельцу — понь — приходит близкий к нему по статусу лонь. Возникает новая прослойка мелких и средних землевладельцев — тенг; крупные землевладельцы — мратани — все более становятся чиновниками, в состав этого слоя феодалов входят новые группы, как правило связанные с чиновной или священнической службой монарху. Разрастается сословие чиновников кхлонь. Изменения в положении кньомов привели к исчезновению ва и ку — основных групп, составлявших прослойку кньомов до VIII в., и замене их группами си и тай.

На первом этапе наряду с сохранением многих традиций VII—VIII вв. (таких, как дарение кньомов отдельно от земли) возникают явления, типичные для времен империи вообще. Та-

кими, сильно распространенными только в конце VIII — начале X в. (и наиболее типичными именно для конца VIII в. — 877 г.) событиями являются расчистка леса и пожалования монархом целых общин-сруков светским и духовным феодалам (общины-сруки состояли обычно из одной деревни или группы деревень). Тогда же начинаются типичное для IX—XI вв. освоение залежи или нови по собственной инициативе феодала, дарение настоятелям храмов, объединение отдельных полей одного владельца в целые сруки. Таким образом, интенсивно развивается крупное светское и духовное феодальное землевладение, чему постоянно способствует государство. В этом же направлении действовал и Джаяварман III, прослывший в европейских историях «охотником на слонов» только потому, что процедура поиска удобных для обработки земель на периферии уже обработанных зон и строительства на них храмовых хозяйств и монастырей сопровождалась обычно преследованием дикого слона: там, где останавливалось животное, и определялся центр будущего владения.

Рост крупного землевладения в это время еще не шел за счет разорения мелких и средних свободных землевладельцев. Вапы, лони и тенги, а также представители деревень-общин упоминаются достаточно часто, но они еще не начали массовых дарений храмам и продаж земли; как и в Паганской империи 200 лет спустя, на начальном этапе империи дарили в основном монархи. С IX до XI в. представители деревень являются обязательными участниками сделок с землей (как и на Яве). О том, что перераспределение еще не стало массовым, свидетельствует отсутствие в источниках IX в. упоминаний о купле-продаже земли, редко встречается и упоминание об обменах; по сравнению с ранними и более поздними периодами нечасты и сведения об операциях с малыми участками земли — сре (рисовое поле); обычно оперируют понятиями «срук» и «бхуми» (земли). Как и раньше, для участка земли указываются только границы, а не урожайность, норма оброка или площадь.

Способы создания земельных владений в этот период захвата новых территорий (что всегда дает победителю определенный земельный фонд) и освоения необработанных земель в новых районах к северу от Большого Озера были различны. Следует назвать обнаружение удобных свободных земель («слоновые монастыри») и передачу их во владение; освоение за счет государства новых полей, строительство каналов, водоемов и передачу их — как владельческих сруков — служилым феодалам; такую же передачу, но с единственным обязательством построить храм и содержать его из доходов, приносимых этой землей. Ведущей формой дарения в этот период была пунья. Во всех этих случаях, по-видимому, использовался труд анаков для первоначальной обработки земли и труд кньомов для ведения постоянного хозяйства. Кньомы были важной частью хозяйства, и споры из-за прав местных чиновников и храмов-владельцев на труд

кньомов составляют важную часть аграрных конфликтов на протяжении истории империи. Все эти процессы шли под контролем монарха.

В эти же годы при Джаявармане II начинается восстановление ряда разрушенных буддийских храмов в верховьях р. Мун.

Джаяварман II не только способствовал собиранию государства и реализации заложенных в его экономике объективно прогрессивных тенденций, не только наметил новый центр государственности (не город, а ядро государства), но и подытожил результаты развития кхмерского общества и государства, в которых все более сливались светская и духовная власть. При нем приобрел законченный вид культ бога-царя (дева-раджи). Оформившийся с помощью этого культа тип государства представлял собой одну из самых неограниченных форм деспотии, при которой всевластный монарх одновременно является не «помазанником божьим», а лично верховным богом. В рамках этого культа наметившееся ранее слияние служилых и неслужилых светских феодалов с духовными было окончательно оформлено в виде небывалого еще единого светско-духовного государственного хозяйства, сосуществовавшего с землевладением свободных крестьян и служилых и неслужилых феодалов с их «личными» храмами, имеющими свои земли. Исторически обусловленная практика дева-раджи, в свою очередь, способствовала слиянию духовенства и чиновничества и привела к созданию феодального государства редкой прочности и силы. Это государство смогло создать вокруг себя империю, размеры и длительность существования которой ставят ее в один ряд с величайшими империями средневековой Азии.

Культ дева-раджи был сочетанием аустроазиатского культа предков (в частности, предков монарха) и культа духов земли, с малораспространенными в индийском мире, но оказавшимися удобными для кхмеров тантрийскими представлениями о божественной силе и мощи государя в сочетании с основными особенностями шиваизма. Торжественный обряд дева-раджи, совершенный специальным священнослужителем из определенной семьи, означал совмещение земной и божественной власти в лице данного монарха. Основным божеством стал Шива, а символом мощи — линга (фаллическое изображение). Она стала и символом царственной силы, которая организует духовный и материальный потенциал общества. Это был эзотерический культ, понятный целиком очень немногим, но в своих внешних проявлениях обращенный ко всем жителям страны. Не столько пропаганда учения, сколько демонстрация сверхъестественной силы лежала в основе социальной функции этого культа. Он не вытеснил и не стремился вытеснить остальные религии, ибо он развивался по преимуществу в сфере «человек — общество — бог», санкционируя реальность лишь в определенной сфере, сфере общественных отношений. Сфера «человек — бог» оставалась

другим культам: местным, буддийским и индуистским. Служителями культа дева-раджи были частью брахманы (составлявшие не замкнутую варну, как в индуистских обществах, а сословие государственных священнослужителей), частью — гражданские служащие государства или его религиозных институтов.

Правление Джаяврамана III (854—877) было посвящено экономическому и социальному освоению созданного его отцом ядра империи (проводилось широкое строительство монастырей на периферии и др.). Оно подготовило новую полосу объединительных и завоевательных войн на следующем этапе раннего периода империи. Столицей при Джаявармане III была Харихаралайя, но он строил и в Амарендрапуре.

Второй этап становления империи включает правление Индравармана I (877—889), Яшовармана I (889 — между 900 и 912), Харшавармана I (912—922) и Ишанавармана II (922—925). На этот этап приходятся чрезвычайно важные новации в социальной и экономической жизни. Именно в это время начинается процесс наделения кньомов землей и превращения их в категорию зависимого крестьянства. Тогда же начинается процесс перехода части земель свободного населения к храмам, еще не приведший к массовому разорению этих слоев, но подготовивший их переход в период развитой империи (начало XI — начало XIII в.) в зависимое положение. Именно в X в. появляется и получает максимальное (по сравнению с другими веками) распространение дарение кньомов с землей (хотя преобладают дарения рисовых полей, поскольку основными дарителями в этом веке были вапы, лони и тенги, т. е. мелкие и средние землевладельцы). Соответственно падает число дарений кньомов без земли. Быстро развивается купля-продажа земли — один из способов концентрации ее у феодалов. Детализируются юридические нормы земельного права, наряду с указанием границ участка появляются указания его размера, т. е. приближенная оценка его урожайности, что говорит о распространении оброчных отношений. Чрезвычайно сложными становятся отношения залога, продаж, дележа доходов.

Тогда же выросло число сельскохозяйственных угодий, могущих быть объектом сделок; наряду с рисовыми полями все чаще упоминаются огороды, плантации, разные виды садов, лугов и пр.

В политической истории этого времени наиболее существенны процессы окончательного объединения кхмерских земель и одновременно создания полиэтнической империи. При Индравармане I династический брак присоединил к его наследственным владениям старинные земли Бапнома (по меньшей мере до Тяудока), области вдоль Меконга (по меньшей мере до современных районов Южного Лаоса) и бассейн р. Мун — до современного г. Убон. Объединение земель бывшей Камбуджи (Ченлы) было завершено. Но оно произошло на неизмеримо бо-

лее прочной основе единой феодальной системы эксплуатации, оформившейся в рамках сильной центральной власти. Мощный государственный аппарат, наличие обширного слоя свободных землевладельцев-общинников и индивидуальных владельцев земли, политико-религиозное единство были основой укрепления государства, еще не ставшего империей. Стремление к ее созданию было уже проявлено: если Джаяварман II утверждал свою независимость, то Индраварман I объявил себя сюзереном не только «Джавы»[1], но и Тьямпы и даже Танской империи. Последняя находилась в конце IX в. в состоянии распада и объективно, с точки зрения правителей Камбуджи, была менее сильным государством, чем «Джава».

Внешнеполитические претензии Индравармана I были следствием исключительной прочности его власти внутри страны. Именно при нем прокламированные Джаяварманом II идеи получили свое окончательное практическое воплощение. Опираясь на значительный еще фонд свободных земель к северу от Большого Озера до южных предгорий Дангрека, ведя там силами крестьян большое ирригационное строительство и прибегая к щедрой раздаче освоенных земель, он создал мощную экономическую базу для феодалов-чиновников, не подрывая в то же время крестьянского землевладения в старых землях по Меконгу.

Именно в этот период отождествление бога и царя было реализовано в массовой пропаганде средствами архитектуры и изобразительного искусства (статуи его родителей и свойственников как богов в Прах Ко). Тогда же был воздвигнут первый из известных нам храмов королевской линги (Баконг). В культуре это время ознаменовалось формированием величественного кхмерского стиля, ставшего основой позднейшей архитектурной и скульптурной традиции, бывшей воплощением идей девараджи. Примечательно, что утверждение этой полусветской идеологии шло на фоне религиозной терпимости; буддийские монахи занимали почетное место в обществе.

Объединение со старыми землями Бапнома вывело в верхи нового государства членов Лунной династии. Один из ее представителей, сын Индравармана I, Яшоварман I (889—900/912), выступил как проводник политики «закрепления достигнутого», аналогичной политике Джаявармана III. Не стремясь к сильному расширению владений, он довел до логического политического завершения результаты социально-экономических процессов, шедших в кхмерском обществе в IX в. Он оставил «промежуточную» столицу Харихаралайю, которой не соответствовал достаточно большой рисопроизводящий район, и сделал столицей Амарендрапуру, названную Яшодхарапурой. Небольшое строительство, однако, шло при нем и в Харихаралайе.

[1] Видимо, его власть над «Джавой» была не реальнее власти «Джавы» над княжеством Джаявармана II.

Продолжалось расширение фонда обрабатываемых земель путем строительства ирригационных сооружений. Новая столица стала центром западного аграрного района в пределах кхмерских земель, района, соперничавшего со старым центром — Бапномом. Феодалы бассейна р. Мун, не располагавшие таким районом, так и не смогли стать лидерами империи.

Как и Джаяварман III, Яшоварман I проводил политику интенсивного освоения земель на северо-западе. Руками крестьян осваивались новые земли; организатором этого процесса применительно к крупным ирригационным системам выступало государство, а малые ирригационные системы и поля создавались и осваивались светскими и духовными феодалами и общинами. Поставленное под государственный контроль духовенство всех религий получало необработанные земли, часто на окраинах кхмерской территории, и осваивало их руками кньомов и анаков. Как это бывало и в других феодальных государствах, монастыри в экономическом отношении можно назвать феодальными «первопроходцами» в новых владениях. Одновременно росло число светских феодальных владений (хотя чисто светскими, в условиях необходимости религиозной санкции на наследственные владения, они не были). Эти владения, насколько можно судить, располагались ближе к столице. Яшодхарапура окончательно превратилась в густонаселенный и в основном распаханный район, откуда преемники Яшовармана долгое время черпали экономические и людские ресурсы для строительства империи. Экономическое положение столицы и ее «самообеспеченность» укрепляли и ее роль центра распределения воды для обширной аграрной области. Это было достигнуто строительством гигантских искусственных озер типа Яшодхарататаки (Восточный Барай) и 800 других резервуаров, а также целого ряда самоточных каналов.

Усиление экономических позиций светских и духовных феодалов происходило одновременно с укреплением центральной власти — единственного источника земельных раздач. При Яшовармане I укрепился культ дева-раджи (храм Пном Бакхонг). Столица быстро превращалась в огромный, прекрасно спланированный город; он постепенно переходил в аграрные пригороды, дальше шли владения сановников и храмов, деревни анаков. Экономическое и социальное освоение запада было завершено. В те же годы на окраинах росли храмовые города, центры экономической жизни и политического господства Камбуджадеши. Естественным было стремление укрепившегося феодального государства к внешней экспансии, и следы захватов Яшовармана I отыскиваются и в Южном Лаосе, и на побережье Сиамского залива у Чантабуна (совр. Чантабури), и в Пеаме (совр. Хатьен). Потомки Яшовармана I приписывали ему еще войны в бассейне Тяо-Прайи и в современном Центральном Лаосе, но эти данные еще ждут своего подтверждения.

Прежде чем начались широкие завоевательные войны с прочными результатами, стране пришлось пережить последнюю вспышку вражды двух потенциальных центров империи, во многом бывшей и просто борьбой за власть в государстве.

В качестве второго такого центра выступил район к северо-востоку от Большого Озера с центром в Чхок Гаргьяре. Начался богатый социально-экономическими и политическими событиями третий этап раннего периода империи. В эти годы зародилась борьба растущего храмового землевладения и центральной власти. За счет слияния храмовых хозяйств образовались огромные владения, возникли храмы — крупные феодалы и централизованное государство не могло не начать борьбу (руками своих чиновников) против их усиления. Сокращаются дарения монархов, рост храмового землевладения все более идет за счет мелких свободных землевладельцев (в значительной степени путем покупок, взятия за долги и т. п.). Борясь с этими явлениями, монархи берут под свой строгий контроль все дарения; раджапунья, при которой последнее слово оставалось за государством, получавшим и часть доходов с дарения, сменяет пунью.

Особую опасность новые явления представляли в старых землях, где перераспределение земельного имущества (поскольку свободных земель было мало) приобрело широкий размах. Именно здесь был усилен юридический контроль, поскольку земли уходили уже и от мелких феодалов, а не только от анаков. Все владения строго определялись юридически, местные власти следили за храмовыми хозяйствами. Не случайны, видимо, частые жалобы руководителей последних на незаконные (но, видимо, отражавшие настроения двора) поборы со стороны кхлоней. Нужно помнить, что, как и в других странах Юго-Восточной Азии, феодальное государство стремилось сохранить кадры свободных крестьян — налогоплательщиков и солдат. В этой борьбе мелкие феодалы — чиновники, чье благосостояние зависело от состояния казны, выступали против крупных духовных феодалов, которые скупкой земель разоряли анаков и вапов. Понятие анак в документах эпохи начинает сближаться с посаженными на землю кньомами.

Джаяварман IV (921/927—948), видимо, пытался подавить сопротивление крупных придворных сановников и высшего духовенства усилению центральной власти. Этим скорее всего объясняется его конфликт с Харшаварманом I и Ишанаварманом II, его племянниками. Конфликт этот, развившийся скорее как политический, чем как военный, протекал следующим образом.

Харшаварман I (900/912—922, возможно, до 925 г.) продолжал политику отца, однако при нем участились конфликты, которые мы упоминали. Возможно, с ними связан и некоторый отход Харшавармана от шиваитской знати и усиление вишнуитов.

В 921 г. против него выступил его дядя Джаяварман IV, укрепившийся в северо-восточных районах, где его столицей стал расположенный вне рисопроизводящей зоны и скоплений крупных владений г. Чхок Гаргьяр. Во внутренней политике Джаяварман развивал традиции сильной центральной власти, именно с него началась гигантомания в строительстве государственных храмов (стиль Кох Кер). В то же время Харшаварман совсем иначе смотрел на место монарха в системе социальных отношений, его храм линги — маленький; пышного строительства, призванного утвердить превосходство монарха над всеми в его стране, он не вел.

Между 922 и 925 гг. его сменил младший брат Ишанаварман II. Он правил недолго и только на части Камбуджадеши. Все его правление прошло в противостоянии энергичному дяде, который считал, что дева-раджа ушла с ним в Чхок Гаргьяр. Каждый имел свой храм линги, что создало непривычную идеологическую ситуацию. Умер Ишанаварман II, видимо, в 927 или 928 г.: именно с этого времени поздняя традиция считает Джаявармана IV единственным монархом — врах-пада врах камстенг ань.

Джаяварман IV Парамешварапада (это посмертное имя резко противопоставляет его владельца двум предшественникам) был правителем со своей, во многом новой программой. Явно враждуя с придворной средой Яшодхарапуры, он и после устранения Ишанавармана II оставил столицей свой новый город Чхок Гаргьяр: перенесение столицы всегда знаменовало в империи отказ от политики предшественников. Оппозиция продолжала существовать, и он стремился закрепить свое положение пышным строительством. Он первый ввел в практику строительство огромных храмов, образцом которых стал храм линги Трибхуванешвара. Этот пирамидальный семиступенный храм 35-метровой высоты должен был казаться современникам чем-то грандиозным. На вершине на пьедестале стояла Трибхуванешвара, королевская линга, имевшая кхмерское название камратенг джагат та раджа (бог, который есть царственность), четко излагавшее принцип дева-раджи. Строительство в новой столице продолжалось 20 лет, что говорит о наличии у Джаявармана IV значительных экономических и людских ресурсов.

Джаяварман IV был мужем сестры Яшовармана I — Джайядеви и имел от нее сына, который по материнской линии был более «законным» наследником Яшовармана, чем сам Джаяварман IV. После победы над племянниками Джаяварман IV все усилия сосредоточил на укреплении центральной власти, в чем немалую роль сыграли помимо широкого строительства раздачи земель вокруг новой столицы империи. Опорой Джаявармана IV во все годы его правления оставались северо-восточные районы, и свергнуть его смог бы только тот, кто добился влияния в тех местах.

После смерти Джаявармана IV власть перешла к опекунам его малолетнего сына Харшавармана II (941/942—944). Смерть Джаявармана IV почти немедленно повлекла за собой выступление против регентов со стороны группы феодалов Яшодхарапуры, выдвинувших претендентом на престол столь же малолетнего Раджендравармана II (944—968), двоюродного брата Харшавармана II (родство это скорее всего выдуманное).

К 944 г. яшодхарапурская группа Махендравармана, отца Раджендравармана II, одержала победу, сторонники регентов проиграли. С «партией» Раджендравармана II в империю влился, судя по распространению надписей этого монарха, район северо-востока, последние кхмерские территории, претендовавшие на обособленность. Столица вновь вернулась в Яшодхарапуру.

Годы правления Раджендравармана II и его сына Джаявармана V (968—1001) являются последним этапом ранней империи, когда начался ее расцвет именно как империи. Оформилась и социальная основа империи, резко сократилось использование в хозяйствах рабочих групп кньомов; их все чаще объединяют в зависимые деревни и ставят, как и закабаляемых анаков, в отношения оброчной зависимости, когда фиксируется объем платежей и не указываются количество земли, число и список сидящих на ней крестьян. Центральной власти удалось обуздать крупное духовное землевладение, постепенно направляя его развитие в русло государственного храмового землевладения (хотя значительные земли оставались и у крупных феодалов и их «личных» храмов). Усилился и чиновничий контроль над экономической деятельностью феодалов.

В это время заметным становится начинающееся расслоение прослойки вапов. Эта традиционно важная для армии группа привилегированных мелких деревенских землевладельцев повышает свой правовой статус, все чаще привлекается к участию в управлении на низших постах. Но одновременно уменьшается земельный фонд вапов, отчуждаемая часть их владений в большом количестве переходит к духовенству. Наряду с уменьшением дарений монархов это говорит об исчерпании ресурсов удобных для обработки земель, могущих быть объектом передачи. Об этом же свидетельствует уменьшение объема вновь обработанных земель. На старых землях все более сокращается эксплуатация кньомов через хозяйственный аппарат храмового поместья, основной единицей обложения во все большей степени становится деревня-община, свободная или зависимая. Все эти явления в конце периода ранней империи поставили вопрос о расширении территории, но при Раджендравармане были сделаны лишь первые шаги в этом направлении.

Процесс перераспределения земель шел при Раджендравармане II и Джаявармане V чрезвычайно интенсивно, освоение новых земель шло медленно; об этом свидетельствуют необы-

чайно многочисленные аграрные документы, оставшиеся от этого времени.

Победившая группа сторонников Раджендравармана II объявила Яшодхарапуру столицей, там возобновилось несколько замедлившееся в 20—30-х годах строительство. Внешняя политика ознаменовалась присоединением последнего северного княжества, Бхавапуры, и возобновлением имперских войн. Воспользовавшись нападением тьямов в конце правления Джаявармана IV, опекуны Раджендравармана II в 945—946 гг. совершили победоносный поход на Тьямпу, заняли и разграбили ее столицу. На некоторое время Камбуджадеша стала сюзереном Тьямпы.

Внутри страны продолжалось укрепление центральной власти, в верхних звеньях которой тесно сомкнулись служилая аристократия и индуистское и буддийское духовенство (министры и сановники Шивачарья, Яджнавараха, Рудрачарья, Кавиндраариматхана и др.); резко возросла роль раджа-гуру — личного духовника монарха. Но индуизм не стал единственной религией. Буддисты занимали прочное положение в обществе, их лидеры были и министрами. Укреплялся культ дева-раджи, новые храмы которого были все более величественными (например, Пре Руп); строился дворец-храм Пхимеанакас. Крупные феодальные владения сохранились, но их владельцы были всегда и придворными, и само владение (через «личный» характер строившихся на них храмов государственного культа) определенным образом соотносилось с верховной собственностью монарха на землю. Один из знаменитейших своими художественными достоинствами храмов такого рода — Бантеай Срей.

Чрезвычайно примечательно, что крупного ирригационного строительства не велось, для этого нужны были средства, которые появились только впоследствии, после завоевания новых земель. Особенно много дарений было в последние годы правления Раджендравармана II, но с самого начала правления Джаявармана V их число сократилось. Значительно упало число дарений и строительств в конце правления последнего; вероятно, это было связано с обострением политической борьбы. При Джаявармане V средств стало нехватать и на религиозное строительство; возможно, впрочем, что и необходимости в нем особой не было. Говорить о значительном уменьшении земельного фонда вообще еще рано, права на владение раздавались в большом количестве, но рост операций по перераспределению земель и обилие земельных споров говорят о постепенном исчерпании резерва удобных для возделывания целинных земель и о попытках создавать феодальные владения не столько за счет освоения новых земель, как в IX в., сколько за счет закабаления или разорения имеющихся владельцев. Расслоение вапов, о котором уже говорилось, особенно сильно ощущается к концу века. В этих условиях сокращение строительства не ре-

шало проблем сильного и способного к завоеваниям государства.

Попытка повторить освоение большого рисопроизводящего района становилась насущной необходимостью. Но такой район — низовья Тяо-Прайи — в отличие от западного рисового очага собственно Кампучии был населен уже другим (хотя и родственным) народом — монами. Поэтому дальнейшее усиление кхмерского государства могло быть реализовано уже не в рамках собирания кхмерских земель, а в рамках создания большой полиэтнической империи. Ее создание и существование и составляют основное содержание истории периода развитой империи — начала XI — начала XIII в.

Период расцвета империи. Это время крупных социально-экономических сдвигов внутри кхмерского общества, где процессы размывания слоя зажиточных землевладельцев и ослабления связанной с ними формы феодальных отношений продолжались, несмотря на решение части экономических проблем на путях внешних захватов. XI век был периодом резкого изменения в социальном составе трудящегося населения. Положение кньомов стало еще более похожим на положение анаков, был сделан «предпоследний» шаг к их сближению, происшедшему в следующем веке: наряду с появившимся в X в. дарением кньомов и участка земли начинает практиковаться дарение селения кньомов; обе эти формы встречаются уже чаще, чем резко уменьшившиеся дарения кньомов отдельно от земли. Но пока не встречаются фиксированные поступления с группы кньомов, сидящей на земле; окончательное их превращение в зависимых землевладельцев произошло в следующем веке.

Еще более разительны перемены в имущественном положении свободных крестьян и мелких землевладельцев. Их имущественный потенциал оказался подорванным, число дарений храмам с их стороны резко упало — и по числу надписей и по числу дарителей. Подобные дарения полностью исчезли в следующем веке, когда многие категории (вапы, лони, тенги) оказались на положении, близком к кньомам (стали сами предметом дарений). Последнее указывает на то, что резкое сокращение дарений со стороны этих категорий (кроме тенгов) не было связано с запретом властей (вызванным стремлением сохранить имеющиеся земли этих групп), а явилось результатом обеднения. Лони, более привилегированная группа, в XI в. в значительной степени пополняли ряды служащих государственного аппарата. Так шло расслоение мелких землевладельцев. Вообще, роль чиновников среди свободных возросла, они в XI в. упоминаются так же часто, как и свободные с рангами и титулами, чтобы в XII в. стать основной упоминающейся в документах группой свободного населения. Условные владения государственных служащих проявляют тенденции к превращению в наследственные (вместе с должностью); но в таких случаях пра-

ва наследника должны были быть обязательно подтверждены монархом.

О причинах обеднения говорит и анализ аграрных отношений — в XI в. купля-продажа земли шла столь же быстрыми темпами, что и в X в.; в XII в., когда основные группы мелких продавцов практически исчезли как землевладельческие прослойки, эти темпы заметно снизились. Если учесть, что число дарений храмам катастрофически падает именно в XI в. (оставаясь в XII в. на близком к XI в. уровне), то становится ясно, что скупка земель стала основной формой увеличения земельных массивов духовных феодалов.

Изменилось и само отношение к земельному владению. Наряду со все более редкими (в XII в. они почти исчезнут) определениями размера земельного владения по его границам появляется оценка участка по его производительности; в XII в. она становится основной. Это свидетельствует о дальнейшем распространении оброчного хозяйства, причем плательщиками оброка все чаще становятся коллективы кньомов и приближающихся к ним по положению анаков общины, а не просто лица, сидящие на строго фиксированном участке земли, как ранее. Но, как показали события XII в. и дальнейшая история аграрных отношений в феодальной Кампучии, эта зависимость деревень все более становилась зависимостью от представителей центральной власти, а не от конкретных владельцев земли. Исторически владение землей все больше зависит от центральной власти, а личная зависимость крестьян от конкретного феодала в значительной степени осуществлялась по личному (комланг) или служебно-территориальному (в отношении государственного чиновника), а не по землевладельческому принципу. Примечательным явлением XI в. был также упадок (завершившийся в XII в. полным исчезновением) дарений храмам деревень, свидетельствующий о том же усилении власти государства над общинами анаков и поселениями «окрестьянивающихся» кньомов.

Подобные крупные социально-экономические изменения (сближение положения анаков и кньомов, переход на оброк с деревни и др.) сопровождались ожесточенной политической и идеологической борьбой, которой открывается начало XI в. За коротким правлением Удаядитьявармана I (1001 г.) последовало несколько более длительное правление Джаявиравармана I (1002—1011). С самого начала своего правления Джаявираварман I и его шиваитское окружение были вынуждены вести борьбу с буддийским правителем Сурьяварманом I, закрепившимся, возможно, с помощью своих буддийских малайских родственников из числа правителей северомалайских княжеств, в восточных районах Камбуджадеши. В 1006 г. Сурьяварман одержал крупную победу и захватил Яшодхарапуру. Но, как это часто бывало в кхмерском государстве, потеря столицы не означала потери страны. Сопротивление Джаявиравармана I было длительным и

упорным, он сражался на юге страны до 1011 г. Новое объединение страны, последовавшее в этом году, произошло в условиях различной религиозной принадлежности старого и нового монархов. Проводившаяся Сурьяварманом I политика расширения империи, в первую очередь за счет буддийского монского государства на нижней Тяо-Прайе, также потребовала от него более свободной религиозной политики, чем раньше. Сурьяварман I осуществил объединение вокруг трона светских и духовных феодалов из своих сторонников и бывших противников на более широкой основе, соответствующей его имперским притязаниям. Будучи сам буддистом, он сохранил культ дева-раджи и привилегии шиваитской знати; значительно усилился при нем вишнуизм, более склонный к сосуществованию с буддизмом, чем шиваизм. При дворе появились новые аристократические семьи, в частности род Саптадевакулы, вытеснивший древний род Шивакайвальев с поста пурохиты дева-раджи, т. е. главного отправителя культа дева-раджи.

Приход к власти Сурьявармана I, хотя и произошел в результате ожесточенной вооруженной борьбы, был отмечен лишь отдельными казнями (казнь Пас Кхмау); новому монарху необходимо было сохранить внутреннее единство кхмерских феодалов для проведения завоевательной политики, тем более что его права на престол были в достаточной степени сомнительны. Все старые роды остались при дворе, продолжалось укрепление религиозно-политического единства государства. В этой сфере дополнительно к культу дева-раджи, объединявшему сравнительно узкий круг высших сановников, в религиозную связь с монархом были поставлены широкие круги феодальной бюрократии, столичной и местной. Для их моральной и служебной зависимости лично от монарха была применена процедура религиозной присяги, которую приносили все чиновники до среднего звена включительно. Аналогичная процедура применялась в эти времена в Дайвьете и других странах Юго-Восточной Азии.

Как уже говорилось, единственным близлежащим районом с большими площадями обрабатываемой земли были монские государства в бассейне Тяо-Прайи, и туда обратили свои взоры кхмерские политики. Связанный родственными узами с буддийским малайским миром и хорошо его знавший, Сурьяварман I вскоре после окончания междоусобной войны подготовил поход на запад. Эта большая война увенчалась успехом, монское государство Лаво (наследник Дваравати) было полностью покорено; в этой войне Камбуджадеше помогало небольшое, но богатое и сильное малайское государство Тамбралинга, расположенное на севере Малаккского п-ова.

Этот военный успех имел кардинальное значение для судеб империи, в распоряжении которой на длительный период оказался район, по богатству не уступавший рисовым очагам собственно кхмерских земель. Родственные кхмерам моны начали

перенимать кхмерскую культуру, нормы государственности; в то же время есть все основания полагать, что значительное число монов тяготилось кхмерской опекой. Господствующий у них буддизм сохранил свои позиции, хотя появились и индуистские храмы. В целом связи с монами были гораздо более тесными и мирными, чем с более близкой, но культурно и этнически чуждой кхмерам Тьямпой.

Следующим этапом, уже менее важным для Камбуджадеши, была война с горным северным монским княжеством Харипунджайей, не обладавшей такими экономическими ресурсами, как Лаво. То ли меньшая заинтересованность сделала наступление менее эффективным, то ли горный театр военных действий был непривычным для армии Сурьявармана I, но завоевать Харипунджайю, расположенную в среднем течении Тяо-Прайи, не удалось. В целом кхмерская политика была связана с определенным военным риском, и при Сурьявармане I появились первые укрепленные города в центральных районах и укрепления в столице, вокруг дворца.

Захват новых областей повлек за собой их немедленное социально-экономическое освоение. В отличие от сюзеренитета в отношении Тьямпы (к тому времени уже не существовавшего) в монских землях было введено государственное устройство империи, появились кхмерские чиновники, гарнизоны, храмы (т. е. феодальные землевладельцы, связанные с империей). Необходимость удержания в составе империи этих областей повлекла за собой дальнейшее расширение религиозной терпимости, в число религий Камбуджадеши вошел исповедовавшийся многими монами буддизм хинаяны (в отличие от распространенной у кхмеров в то время махаяны). Кхмерская литература, письменность, архитектура, изобразительное искусство стали распространяться среди монов. Приобретение богатых землевладельческих областей улучшило на первых порах экономическое положение империи как за счет перекладывания на них части налогового бремени, так и за счет сооружения на средства покоренных стран новых ирригационных сооружений в кхмерских землях. Но в дальнейшем в монских областях (для оптимального развития которых, как показало их историческое развитие до и после кхмерского господства, наилучшим строем была независимая монархия) экономическое развитие, видимо, замедлилось. Это естественно, поскольку часть доходов изымалась из хозяйства безвозвратно.

В последующие века расходы на удержание окраин в подчинении все менее компенсировались доходами от них. В сочетании с внутриэкономическими причинами, требовавшими усиления эксплуатации окраин, это привело к кризису империи. Но в XI в. расширение владений давало экономический эффект, и правление Сурьявармана I отмечено крупными вложениями средств в перспективный тогда западный район ядра империи

и в его периферийные области. Значительные работы по расширению монастырских городов велись и в бассейне р. Мун и рядом с ним. Именно через аграрные, населенные кхмерами районы этой реки империя осуществляла реальные контакты со своими монскими владениями (горные лесистые территории к западу и северо-западу от столицы всегда были редко заселены и в лучшем случае пересекались одной-двумя дорогами для экстренных военных экспедиций). Именно с плато Корат, т. е. из бассейна р. Мун, вел Сурьяварман I свои успешные войны за власть над монами, и связь с этими районами он сохранил и позднее. Отсюда его войска шли вверх по Меконгу до долины р. У (район современного Луангпхабанга).

В эти годы шло строительство в Ват Пху, Преах Вихеаре (совр. Прэахвихеа) и на западной границе собственно кхмерских земель. Но основные средства вкладывались в развитие экономики центральной столичной области. Был создан второй гигантский резервуар (Западный Барай) и сложная система водоемов, водопроводов и каналов вокруг города. Это позволило поднять эффективность сельского хозяйства, хотя и стоило огромных средств; созданная тогда система ирригационных сооружений — одна из самых сложных в мире. Для нескольких поколений проблема удобных для земледелия земель была решена, а городское водное хозяйство действовало и в XVII в. По размаху строительства можно приблизительно определить и масштабы ограбления новых районов.

Хотя и меньшие, чем на ирригацию, но все же достаточно большие средства были потрачены на дальнейшую пропаганду культа дева-раджи. Одновременно увеличилась доля расходов на сооружение царских резиденций и всяких городских светских сооружений (эспланад, стен и проч.) и на реконструкцию города. В религиозной сфере Сурьяварман I ограничился достройкой Такео и Пхимеанакаса. Правление Сурьявармана I было временем начала политического расцвета империи.

Его преемники в основном закрепляли уже достигнутое, хотя есть основания полагать, что религиозная терпимость Сурьявармана I казалась его сыну Удаядитьяварману II (1050—1067) чрезмерной. Во всяком случае, в отличие от отца он очень много средств вложил в огромный шиваитский храм Бапхуон, одно из известнейших произведений кхмерского зодчества. Его политика встретила вооруженное сопротивление, вначале на окраинах. Началось восстание Аравиндрадхарады (возможно, буддиста) на юге страны. После поражения он бежал в Тьямпу, отношения с которой при Удаядитьявармане II были напряженными. Вообще, внешняя политика нового монарха отличалась от политики Сурьявармана I. Были проведены не очень удачные войны с западномонскими государствами Хамсавати и Тхатоном, ослаблением которых в результате этих войн воспользовался не кхмерский курунг, а бирманский царь.

Возобновление интенсивных раздач земель шиваитской знати, укрепление позиций шиваитского духовенства и связанных с ним чиновников-священнослужителей, возможно, послужили причиной конфликта царя с крупными военачальниками, участниками походов его отца. Уже в центре империи вспыхнуло восстание под руководством одного из главных полководцев — Камвау (1065 г.), отказавшегося признать власть Удаядитьявармана; сразу же после его подавления на восточной окраине поднялся другой полководец, Слуат, со своими сторонниками. Одновременно шли крестьянские восстания, участники которых громили имения светских феодалов и монастыри. Главнокомандующий императорской армией Санграма подавил восстания, но, видимо, не случайно то, что вскоре после них, в 1067 г., власть перешла к другому монарху, Харшаварману III, брату Удаядитьявармана I (1067—1080). Он отказался от дальнейших завоеваний на западе, но продолжал укреплять позиции шиваитской знати. При Харшавармане III развернулась война на востоке, где плохие отношения с Тьямпой превратились в 70-х годах в открытое столкновение; кхмерское наступление, судя по тьямским источникам, было отбито со значительными потерями. В 1074 г. тьямы дошли до берегов Меконга, где разграбили Самбхупуру и увели в плен много кхмеров, розданных затем тьямским духовным феодалам — монастырям как зависимые крестьяне. Возможно, что через некоторое время отношения с Тьямпой улучшились, так как в 1076 г. было предпринято совместное с войсками Тьямпы и династии Сун нападение на Дайвьет в его южной части. Первоначально все шло хорошо, но разгром китайцев заставил отступить и кхмеров. В 1080 г. началась новая война с Тьямпой, в битве при Сомешваре кхмеры были разбиты, а их командующий попал в плен.

Поражение армии привело к новой вспышке противоречий центра и окраин, обострявшихся после смерти Сурьявармана I. Сразу после поражения при Сомешваре правители долины р. Мун, которой столько внимания уделялось при Сурьявармане I, провозгласили себя независимыми от монарха Лунно-Солнечной династии, правившего в Яшодхарапуре, т. е. Харшавармана III. Они основали новую династию в своей столице Махидхарапуре, расположенной в верховьях р. Мун, вблизи от новозавоеванных монских областей, которые, судя по всему, их поддержали. Выступление против Яшодхарапуры было открытым, претенденты даже не пытались «приписать» себя к старой династии, а просто провозгласили своего монарха — Джаявармана VI (1082—1107). Одновременно в центре империи продолжал править Харшаварман III (до 1089 г. и позже), а после него — Нрипатидраварман I (после 1089—1107).

Династия Махидхарапуры практиковала культ дева-раджи, отправителем которого был при Джаявармане VI Дивакара, и имела свою идеологическую программу, восходящую к Сурья-

варману I и реализованную впоследствии, в XII в. Она заключалась в стремлении к религиозному синкретизму, к равному почитанию Шивы и Будды; это обусловливалось и общими социальными тенденциями в кхмерском обществе и тем, что опору новой династии в значительной степени составляли, по-видимому, буддийские монские районы.

Началась длительная вооруженная борьба за власть между центром, где сильны были традиционные правящие группы, и периферией, оказавшейся более чуткой к новым веяниям. Подавить Джаявармана, как Камвау, не удалось, он опирался на достаточно большую часть империи. До 1107 г. шла война, в ходе которой северные и восточные районы, районы основных земельных раздач и строительства Сурьявармана I (там же строил и сам Джаяварман VI) и восстаний при Удаядитьявармане II, поддержали Джаявармана VI, а столичные области вокруг Яшодхарапуры и территории к югу и западу от Большого Озера остались верны Нрипатиндраварману.

Преемником Джаявармана VI на севере был ревностный буддист Дхараниндраварман I (1107—1112). К его времени владения династии Махидхарапуры еще более приблизились с востока к столице империи; им был построен индуистский (но не шиваитский, а вишнуитский) храм Бенг Меалеа. Но монарх-буддист вступил в конфликт с брахманом Дивакарой; преданный им, он был втянут в вооруженный конфликт со своим внучатым племянником Сурьяварманом и погиб в жестоком сражении. Пришедший к власти Сурьяварман II правил с 1113 по 1150 г. Он вошел в историю как один из величайших правителей Камбуджадеши, но и условия и методы его деятельности были иными, чем у его тезки в XI в.

В XII в. империя переживала период крутой ломки в экономике и обществе. Она не сразу сказалась на политических событиях, тем более что империя успешно вышла тогда из кризиса; но документы этой эпохи говорят о коренных изменениях в аграрных отношениях, в социальной структуре и социальной политике феодального государства.

Завершается превращение кньомов, занятых в сельском хозяйстве, в крепостных зависимых, близких к паганским «чван», посаженным на землю, дарение их без земли прекращается, дарятся, хотя и значительно реже, только селения кньомов или группы кньомов с фиксированной нормой получаемого с них дохода. Число земель уже не указывается вообще, земля становится само собой разумеющимся приложением к сельскому кньому. В этом видно сложение типичной для Кампучии и ряда соседних стран после сформирования зависимого крестьянства системы базирования при обложении на числе людей, а не на числе единиц земельной площади. Поскольку в последующие века существование этой системы прочно связано с правом относительно свободного перехода крестьян на новые земли, естест-

венно предположить, что такое положение начало складываться именно в XII в., после освоения основной массы земель на собственно кхмерских территориях.

Сложилась, и это было прочно связано с разложением общинной организации у анаков, система эксплуатации в общегосударственном масштабе, не требовавшая личной постоянной экономической зависимости от конкретного феодала или мелкого землевладельца. В тесной связи с этим находится переход вапов, тенгов и даже лоней в объекты дарения вместе с землей (с формулой, аналогичной для дарений кньомов в XII в.). Это — приобретение ими статуса, близкого к статусу посаженных на землю кньомов. Формируется единый слой государственного и в меньшей мере частнозависимого крестьянства. Среди средних по своему имущественному положению лиц остались только тенги и ставшие чрезвычайно частыми в документах чиновники-кхлони. На смену титулу как знаку принадлежности к определенному социальному слою, делавшему человека субъектом земельной сделки, приходит факт его служения государству как условие наличия права на земельное владение. Завершается превращение основной по численности части класса феодалов в чиновников по преимуществу, как и в Дайвьете тех веков.

Этому укреплению социальных позиций государства соответствовало резкое замедление темпов роста храмового землевладения. Число дарений земли без людей остается на том же низком уровне, что и в XI в., число же операций по покупке земли резко падает. В то же время основной формой учета ценности земли становится опять-таки форма, включающая в себя крестьянина, — от определения ценности земли через размеры участка кхмерское общество почти полностью переходит к определению ее через производительность данного участка, т. е. через то количество риса которое должны представить крестьяне, сидящие на этой земле. Иными словами, с XII в. крестьянин с землей представляет основное содержание земельной операции. Практически вмешательство в деятельность крестьянина исчезает — получателя интересует только объем оброка; не случайно эпиграфика XII в. почти не дает новых частных разновидностей аграрных отношений — государство просто перестает ими интересоваться. Исключением являются весьма важные явления: упоминания кньомов, имеющих землю, и частые упоминания налогов с кньомов; интересно и упоминание о фамильных землях. Кхмерское общество вступает в следующий период развития феодальных отношений, охвативший ряд веков. При этом переход к новым отношениям, оказавший глубочайшее воздействие на все стороны жизни общества, не повлек за собой сразу упадок империи; XII век был веком ее продолжающегося расцвета. Да и в XIII в. говорить об ее упадке нет оснований, хотя социальные последствия происшедших изменений уже становятся очевидными. Необходимо добавить, что XII век ознаменовался

и некоторым укреплением феодалов — наследственных землевладельцев, к ним скорее всего относится термин «фамильная земля», в их владениях сооружаются укрепления, башни, рвы. Что касается положения общины, то ее представители, раньше непременные участники земельных сделок, уже в XI в. исчезают из документов в этом качестве. Во всех земельных операциях упоминаются только государственные чиновники; верховная собственность на землю в условиях распада общин и преимущественного интереса к объему дохода, а не к деталям хозяйствования, реализуется в чистой форме.

Изменилось и положение храмового землевладения, объем которого, несмотря на упадок дарений, был очень большим. В XII в. ощущается тенденция к концентрации земель у крупных храмов, что в сочетании со все более тесным, насколько можно судить, их соединением с государственным хозяйством означало укрепление экономической мощи государства в неменьшей степени, чем крупных духовных феодалов.

Все эти явления требовали или изменения методов эксплуатации и связанных с ним перемен в государственной политике, или попытки усиления эффективности старых методов. Правление Сурьявармана II отмечено энергичной деятельностью в обоих направлениях, что в течение нескольких десятилетий давало бесспорный эффект, тем более что внутриполитическое положение было прочным. Сурьяварман II провел кампанию по захвату Яшодхарапуры, Нрипатиндраварман был разбит. Ослабленные и раздробленные владения потомков «царей горы» были быстро захвачены, и в 1113 г. Дивакара возвел Сурьявармана на престол правителя всей империи.

Империя Камбуджадеша в XII в. завершила захват средних и небольших государств Индокитайского п-ова и вплотную подошла к сильным соседним государствам: бирманской империи Паган на западе и вьетскому государству Дайвьет на северо-востоке. Оба они находились в стадии экономического подъема и внешнеполитической активности; попытки территориальных приобретений за их счет были неудачны. Еще менее перспективны были малонаселенные горные районы между долинами Салуана и Тяо Прайи и к северу от бассейна Тяо Прайи, где классовые отношения только еще складывались и крупные налоговые поступления были невозможны. Что касается малайских княжеств Малаккского п-ова, и в первую очередь Ланкасуки, то наступление в этом направлении кхмерские императоры не предпринимали. Вряд ли это нужно объяснять сопротивлением слабеющей морской империи Шривиджайя; вероятнее всего, что эти далекие районы с малым количеством удобной для обработки земли не представляли интереса для аграрной империи кхмеров.

Сурьяварман II возобновил завоевательную политику своего тезки, но в отличие от него не смог приобрести столь же эконо-

мически важных областей; да их и не было в близости столь надежной, как низовья Тяо-Прайи. Опираясь на богатые ресурсы страны, непосредственно предшествующие правители которой тратили сравнительно мало, он начал серию войн, по преимуществу на востоке. Ему удалось завоевать Тьямпу, но эта война была упорной и дорогостоящей, как и последующее удержание Тьямпы в подчинении. Войны с Дайвьетом, хотя и были порой успешными, больших побед и каких-либо территориальных приращений не дали; стоили же эти далекие морские и сухопутные экспедиции дорого.

Более перспективными были возобновленные войны с Харипунджайей и тайскими мыангами (княжествами), возникавшими в то время в верховьях Тяо-Прайи. Они были заняты, но эти сравнительно бедные районы не смогли дать столько, сколько дал захват Лаво Сурьяварману I. Из новых монских владений были выкачаны и потрачены значительные средства, но приток их прекратился, насколько можно судить, довольно быстро. Что касается таи, то их можно было эксплуатировать только специфическим способом — отряды их были включены в кхмерскую армию. Империя при Сурьявармане II сильно разрослась и могла быть сравниваема лишь с Сунской империей, с которой Камбуджадеша поддерживала дружественные отношения в начале XII в. (1116—1120, 1128). Затем последовал период трений, связанных с вопросами торговли (1113 г.), но они были устранены к 1147 г. На юге империя занимала перешеек Кра, с запада на восток она простиралась от границ Пагана до побережья современного Южного Вьетнама. Империю населяли кроме кхмеров моны, тьямы, таи, малайцы, многочисленные горные народности. Поддержание контроля над всеми этими, не очень сильно связанными экономически и культурно землями стоило огромных средств, но пока западный очаг (район Яшодхарапуры) мог поставлять людские кадры и был экономически силен, империя также была сильна; созданное при Сурьявармане II сохранялось полтора столетия. Определенный экономический эффект давали и завоевания, особенно на западе.

В сфере идеологии Сурьяварман стремился учитывать новые веяния. Его религиозная политика, основанная, как и столетие назад, на культе дева-раджи, развивала политику Сурьявармана I и его курс на сосуществование религий. Сам Сурьяварман II был вишнуитом, что облегчало действие синкретизирующих тенденций. Вишнуизм у кхмеров, как и у яванцев, был этапом к соединению верований, основанных на культе предков, с индуизмом и буддизмом. При Сурьявармане II была сделана попытка шире распространить элитарный культ дева-раджи за счет увеличения религиозного строительства, т. е. решить новые задачи, возникшие в связи с потребностями более сложного общества в более глубоком и массовом религиозном воздействии, старыми средствами. Но, поскольку религиозное строительство,

став более массовым, оставалось в отличие от времен поздней империи и последующих периодов пышным, как того требовал культ бога-царя, оно было и все более дорогостоящим, тем более что идеологическое укрепление власти монарха сопровождалось дарениями духовенству, меньшими по объему, но столь же обременительными для государства в новых, более трудных условиях. Основные средства уже, как и впоследствии при Джаявармане VII, вкладывались не в укрепление имущественного положения духовных феодалов вообще, а в строительство немногочисленных «государственных» храмов. Символом этой новой политики было сооружение величественнейшего в мире храма, известного в настоящее время как Ангкор Ват. Было построено еще несколько крупных храмов, но этот — один из величайших памятников мировой архитектуры.

Не ставя перед собой задач искусствоведческого описания памятника, укажем некоторые его основные черты. Центральное святилище поднимается на высоту 65 м. Оно стоит на приподнятой площадке, окруженной более широкими поднимающимися площадками квадратного, затем прямоугольного плана. По краю каждой из них идут каменные галереи, по углам — каменные башни. Все это огромных размеров, прекрасного качества; резьба по камню, декоративная и сюжетная, представляет собой одно из высоких достижений искусства. Весь этот каменный сад колонн и переходов имеет площадь 1000×850 м. Каменные крыши башен и святилища были облицованы золотом, рельефы — раскрашены. Это сочетание величия, тонкого вкуса и высочайшего мастерства давно сделало храм одним из известнейших в мире. Функционально это был храм дева-раджи, но в центре его помещалась уже статуя Вишну. В рамках кхмерских традиций храм стал и усыпальницей Сурьявармана II.

Опорой Сурьявармана II во многом были северные районы — бассейн р. Мун, где менее искусственный характер экономики (т. е. меньшая зависимость от крупных ирригационных систем), отсутствие постепенной латеризации почвы, начавшей подрывать экономику столичного района, и более позднее развитие новых аграрных тенденций сделали обстановку более стабильной. Опирался он и на соседние монские области и на поддержку тайских вассалов.

Конкретно военная политика Камбуджадеши при Сурьявармане II выглядела следующим образом. В 1128, 1129 и 1132 гг. (совместно с Тьямпой) и в 1136 г. ее армии вторгались, идя вдоль Меконга, а порой и морем, в южные провинции Дайвьета. Но войскам каждый раз приходилось уходить, порой после временных успехов; Дайвьет был уже сильным государством. В 1145 г. Сурьяварман II захватил северные и центральные области Тьямпы; но на юге продолжал править тьямский король Джаяхариварман I. Поход против него в 1147 г. окончился поражением кхмеров под Пандурангой, тяжелым было и пораже-

ние при Вирапуре в 1148 г. В 1149 г. кхмерский ставленник, тьямский король севера был убит Джаяхариварманом I, занявшим столицу Тьямпы — Виджайю. Предпринятый в 1150 г. новый поход кхмеров на Дайвьет также не принес успеха.

Но эти войны не были походами, напрягавшими все силы империи. Они велись отдельными армиями, сразу по нескольку, и, напомним, никогда не сопровождались боевыми действиями на территории самой империи. В 40-х годах кхмерские армии вторглись в Харипунджайю и осадили ее столицу, где засел монский король Адитьяраджа. Часть страны была присоединена к империи. Именно в ходе этих войн укрепилось влияние империи в тайских горных княжествах.

Преемником Сурьявармана II был буддист Дхараниндраварман II (1150—1160). При нем началось усиление роли буддизма в духовной жизни страны. Он продолжал войны с Тьямпой, во главе армии был поставлен его сын (будущий Джаяварман VII). Хотя война оказалась трудной, наступление удалось, и Виджайя была осаждена. Продолжались при Дхараниндравармане и контакты с Сунами (посольство 1155 г.); его правление было спокойным. В отличие от Сурьявармана I он, будучи буддистом, уже не строил индуистских храмов и не осуществлял крупных земельных раздач. От него власть перешла по наследству к его родственнику Яшоварману II (1160—1165).

В середине XII в. в стране началось массовое народное восстание, связанное с описанным выше разорением больших масс средних крестьян-землевладельцев и приближением их к положению зависимых; оно вошло в историю под данным ему в феодальных кругах названием «восстание Раху» (Раху в индуистской мифологии — злобное чудище). Восстание было крупным, Яшоварман спасся благодаря личной храбрости одного из военачальников — Индракумары, сына будущего Джаяварман VII.

Вскоре после подавления восстания придворный заговор положил конец жизни и правлению Яшовармана II. Вдохновитель заговора, придворный сановник, стал править под именем Трибхуванадитьявармана (1165—1177). При нем социальный кризис в собственно кхмерских землях, проявившийся в восстании Раху, обострился в связи с нежеланием правителя проводить какие-либо реформы и продолжением неудачных войн с Тьямпой. Война шла с переменным успехом, но в отличие от предыдущих десятилетий успехи все чаще приходили к меньшей по размерам, но богатой и имевшей сильную армию Тьямпе. Накопив опыт наступательных действий против кхмеров и убедившись в невозможности для тьямской пехоты и конницы пробить их оборону на границе, тьямский король использовал мощный флот, наиболее сильную часть армии торгового государства, которым в значительной степени была Тьямпа. В 1177 г., обойдя восточные области империи, близ которых шли основные сражения, тьямский флот неожиданно поднялся по Меконгу, Тонле-

сапу и Большому Озеру, вошел в р. Сиемреап и осадил Яшодхарапуру. Прежде чем кхмерские армии стянулись к столице, тьямы начали штурм, город был взят, Трибхуванадитьяварман пал в бою. Но этот быстрый рейд не завершился и не мог завершиться занятием каких-либо территорий; тьямский флот быстро ушел.

В этот тяжелый момент власть взял уже принимавший участие в военной и политической деятельности кхмерской монархии сын Дхараниндравармана II — Джаяварман VII (1177—1181 — около 1220). Верно определив причины успеха тьямов, страну которых он хорошо знал, Джаяварман VII начал с усиления флота. Четыре года длилась его война с тьямами. При оценке ее хода необходимо учитывать факт контактов Джаявармана VII и до войны, и в ее ходе, и после нее с какой-то частью тьямской феодальной знати. Борьба была более сложной, чем просто война Камбуджадеши с Тьямпой, особенно если учесть факт пребывания Джаявармана в Тьямпе во времена Трибхуванадитьявармана и критическое отношение авторов надписей времен Джаявармана VII к положению в стране при его предшественнике. Возможно, первоначальные успехи тьямов были связаны с помощью Джаявармана VII, а их поражение — с выступлением Джаявармана и его тьямских сторонников против короля Тьямпы. Не случайно, видимо, именно тьямский принц оказался среди военачальников Джаявармана VII спустя всего год после победы над тьямским королем и получил ответственнейшее поручение. Так или иначе, в 1181 г. морской бой решил исход войны, тьямы потерпели поражение, Джаяиндраварман IV погиб в сражении. В том же году официально короновался Джаяварман VII. Подавив выступление против своей власти в 1182 г., он на долгие годы стал правителем огромной империи.

События конца 70-х годов показали необходимость проведения реформ для сохранения империи. В ходе этих событий разрушилось многое из того, что было архаическим в кхмерском обществе, расчистился путь для тех преобразований в социальной жизни, которые диктовались изменениями в экономике ее основных, кхмерских, районов. Проведенные преобразования оказались перспективными для веков дальнейшего развития, и уже поэтому они, бесспорно, соответствовали основной линии развития кхмерского общества. Военные поражения показали невозможность сохранения старых устоев общества и открыли наряду со многими, уже сделанными в первой половине века изменениями путь к пониманию необходимости реформ. Об этом понимании говорит то, как быстро привились в обществе новации, возникшие в это время. Попытка повернуть развитие вспять, предпринятая одним из преемников Джаявармана VII, является дополнительным тому доказательством, поскольку окончилась провалом; общество подтвердило свою приверженность возникающим новым формам социальной организации.

Для сохранения сильной империи необходим был учет новых явлений в экономике и общественной жизни, и это во многом было сделано при Джаяврамане VII. Его длительное правление открыло новый, переходный период в жизни феодального кхмерского общества, характеризующийся принципиальными изменениями в сфере идеологии. Они, в свою очередь, подготовили социально мотивированный переход кхмеров к следующей идеологической системе, господствовавшей у них до нового времени, — к буддизму теравады. Это был переход от сочетания элитарных индуизированных верований «наверху» и их внешних общедоступных проявлений (храмы, процессии и проч.), соотносящихся с народными верованиями «внизу», к всеобъемлющей религиозной системе, к религии с массовой философией, в большей степени способной обслуживать феодальное общество в той его форме, которая сложилась в эти века и надолго стала основной в Кампучии. В области социальных отношений эти изменения сопровождали постепенный упадок крупного духовного и крупного наследственного светского землевладения (отмечавшийся в XIII—XV вв. везде в Юго-Восточной Азии) и расширение числа феодально зависимых, но самостоятельно ведущих свое хозяйство крестьян за счет слияния бывших кньомов и анакое в одно сословие (будущие «неактьеа»), тип зависимости которого будет описан ниже. Утратившее общинную организацию кхмерское крестьянство было поставлено в зависимость прежде всего от государства и от условных держателей земли — феодалов-чиновников.

Борьба 1177—1182 гг. не оставила заметных следов в жизни страны. Она не занимала всех сил империи, для которой набег тьямов на столицу был скорее всего случайностью. Известно, что в 1178 г. империя владела рядом малайских княжеств, или захваченных в этом году, или не отложившихся, несмотря на падение столицы, в 1177 г. То же можно сказать и о южномонских территориях на берегу Бенгальского залива. О том же, т. е. о сохранении империей своей военной силы, сообщает и надпись 1191 г., где говорится о вассальных малайских правителях. Дайвьет также рассматривался как вассал: это, несомненно, преувеличение, Дайвьет был независим, но преувеличением могли быть и рассказы о разгроме 1177 г., если учесть общую критическую по отношению к Трибхуванадитье направленность надписей времен Джаявармана VII, явно заинтересованного в дискредитации своего предшественника.

К 1186 г. владения империи расширились до района современного Вьентьяна. Возможно, даже империя Паган признала зависимость от Камбуджадеши, хотя, если учесть усиление Пагана при Кансу II, такая возможность невелика. Во всяком случае, все правление Джаявармана до 1220 г. было временем успешных войн и ограбления завоеванных территорий. В 1216 и в 1218 гг. кхмеро-тьямская армия дважды нападала на Дай-

вьет, но в предшествующий период отношения с Дайвьетом были спокойными; он не вмешивался в войны, закончившиеся наконец покорением Тьямпы и установлением там на длительный срок кхмерского управления.

Войны эти развертывались следующим образом. В 1190 г. в ходе очередной войны войска Джаявармана VII не только заняли Виджайю, но и впервые захватили страну целиком. После десятилетий борьбы была достигнута старая цель империи — значительная часть Тьямпы стала владением кхмерского принца; по своим масштабам это было равно захвату Лаво в XI в. Юг Тьямпы достался тьямскому стороннику Джаявармана VII — Видьянанде, около десяти лет жившему при кхмерском дворе и выполнявшему ответственные поручения. Вскоре он, подавив антикхмерское восстание 1191 г., объединил Тьямпу. Но в 1192 г. Видьянанда провозгласил себя независимым, и это вызвало немедленное возобновление войны. Походы 1193, 1194 гг. не принесли кхмерам победы: определенную роль в этом сыграло и изменение позиции Дайвьета, объявившего в 1199 г. ослабевшую от войн Тьямпу своим вассалом. Остановить Кампучию это не смогло, и четыре года спустя Тьямпа была захвачена, тьямский король бежал в Дайвьет; Тьямпа превратилась в провинцию империи, которая достигла новых успехов, причем достаточно долговременных. Позиция Дайвьета во время войн с Тьямпой привела к новому походу на север (1207 г.). Как обычно, поход продемонстрировал способность империи отомстить и привел к разорению часть вьетнамских земель, но территориальными приращениями не увенчался.

Экономическое положение государства также существенно не ухудшилось от событий конца 70-х годов, о чем свидетельствует то, что Джаяварман вел широчайшее строительство, не вызвавшее заметных внутренних трудностей. Необходимо, впрочем, учитывать тот факт, что захват и эксплуатация Тьямпы и других стран — результат этого третьего и последнего этапа эффективной экспансии — в первое время не могли не дать дополнительных средств. И если вначале определенная часть этих средств шла на фортификационные сооружения, то в дальнейшем Джаяварман VII вкладывал их в религиозное строительство, что типично для практики культа дева-раджи (хотя и на буддийской махаянистской основе). Теперь строительство вело само государство; в этом сказалось ослабление самостоятельности крупных феодалов (в основном — шиваитов) и соответствующее ослабление их экономической мощи. Важнейшей чертой эпохи было увеличение числа и богатства «государственных храмов», контролировавшихся монархом.

Политическая программа Джаявармана VII была связана, с одной стороны, с унификацией огромной империи, с другой — с преобразованиями, которых требовали социально-экономические изменения в ее центральных кхмерских областях.

На первом направлении он устранил долгое соперничество двух кхмерских династий, объединив в своем лице Лунную династию (сроднившуюся к этому времени с Солнечной) с династией Махидхарапуры. Им же была введена система прямого управления вместо ряда ранее вассальных владений, продолжалось насаждение кхмерских феодалов-чиновников и духовенства на окраинных территориях.

Наиболее важной мерой применительно к обоим направлениям была религиозная реформа. Ощущавшаяся в течение века недостаточность старых элитарных верований и их простейших массовых проявлений для эффективной организации феодального общества, потребность в более массовой религии с более «демократической» философией диктовались тем же стремлением удержать в подчинении эксплуатируемое население. Такой религией стал в период последнего расцвета империи буддизм махаяны, а затем — теравады. Отныне буддизм (с XIII в. — в форме теравады) на века стал государственной религией кхмеров.

Но поворот от строго организованного и элитарного культа дева-раджи и подчиненных ему культов к расплывчатым концепциям теравады не мог быть быстрым, тем более что окончательно «сочетались» буддизм теравады и кхмерская королевская власть уже в послеимперский период, когда культ дева-раджи постепенно утратил свои позиции. На пути этого перехода важным этапом был культ, который можно назвать культом Будда-раджи, в свою очередь подготовленный временем господства вишнуизма в первой половине XII в. Менее массовый и с менее простым изложением философских положений, чем теравада, буддизм махаяны с его культом бодисатв (в определенном плане — богов-людей) легко мог сочетаться и сочетался с находившимся тогда в расцвете общеимперским культом бога-царя. Культ бодисатвы Авалокитешвары, заменивший при Джаявармане VII культ Вишну, по своим социальным функциям был тем же культом бога-царя, даже еще в большей степени, так как теперь изображениям Авалокитешвары придавались портретные черты Джаявармана VII. Многое сделано для изучения духовной жизни кхмеров этого времени, но до сих пор трудно представить себе общество, где главное божество смотрело на подданных с гигантских башен и из небольших ниш глазами живого монарха.

Широкое распространение буддизма и энергичная пропаганда его более гибкой и доступной философии при Джаявармане VII были, несомненно, исторически обоснованным шагом. Необходимость укрепления новой государственной религии, с одной стороны, и наличие бесчисленных храмов старой религии, с другой — вызвали к жизни небывалую строительную активность; перед строителями и архитекторами Джаявармана VII явно была поставлена задача «перекрыть» число небуддийских сооружений. При этом осторожный и достаточно богатый монарх не при-

бегал к перестройкам храмов других богов или их разборке (первое пытались потом делать его обедневшие преемники). Было высказано мнение о том, что строили тогда в спешке и непрочно; хочется напомнить, что большинство этих «непрочных» зданий простояло в тропическом лесу восемь столетий, чем может похвастаться далеко не каждая национальная архитектура. Авторы положения о поспешности строительства приводили сравнения с храмами царской линги более ранних периодов, но это вряд ли правомерно, ибо они отличались ювелирной подгонкой камней (хотя только у центральных зданий комплекса), строительство же Джаявармана VII было «просто» на уровне тогдашних лучших «мировых стандартов». Помимо знаменитого Байона были построены крупные храмы Прах Кхан, Бантеай Кдей, Та Прохм (в совр. пров. Бати). Основное строительство шло в столице, откуда распространялся новый культ. Яшодхарапура тех десятилетий была одним из величайших городов мира, Европа XII в. не знала ничего подобного, кроме строившегося веками Константинополя. В столице кроме храмов строили дороги, каналы, рвы, укрепления. Пропаганда новой религии велась не только при помощи каменных стел-«листовок» с текстами, славившими в соответствии с буддийской доктриной государства заботу монарха о своем народе; строились госпитали, дома для путешественников и пр.

Кхмерское общество начало поворот к новой идеологической системе в конце XII — начале XIII в. Этот поворот был социально обусловлен, так как перечисленные выше социально-экономические процессы привели к тому, что крестьянин оказался в гуще сложных новых отношений и его не удовлетворяли старые верования, созданные для объяснения уже исчезающих условий существования и уделявшие низам очень малое из «объясняющей» части своей идеологии. Для «объясняющей» проповеди буддизма создавались средние и высшие школы, где успешно готовили массовые кадры образованных монахов, без которых невозможна была идеологическая обработка широких масс. Переориентировалось и изобразительное искусство, возникали новые образы, стили, архитектурные приемы. Эта огромная работа заняла всю вторую половину долгого правления Джаявармана VII. Но она была плодотворной, так как именно идеологическая борьба конца XII — начала XIII в. подготовила дальнейшее развитие идеологической и культурной жизни средневекового кхмерского общества. Во всех областях культуры, в поэзии, в науках, изобразительном искусстве наблюдались новые явления, многие из которых развивались и в дальнейшем.

Отметим, что хотя при энергичной пропаганде буддизма старые культы не преследовались, но средства для них выделялись крайне скупо. За брахманами в государстве остались только отправление модифицированного культа дева-раджи и некоторые права при дворце.

Идейно-геомантическим символом начала «новых времен» было частичное перенесение центра города, что в тогдашних представлениях должно было указывать на ошибки предшественников, неверно определивших центр государства. План нового города был проникнут не брахманистскими, как прежде, а буддийскими идеями. Именно эта часть города в дальнейшем, при монархах, исповедовавших тераваду, оставалась главной; они считали тем самым, что Джаяварман выбрал место правильно и объявляли себя его преемниками.

Резко изменилась политика в отношении индуизма как государственной религии. Если прежние правители, будучи порой буддистами, сохраняли шиваитский культ царской линги, то теперь символом мощи монарха стали не линги, а статуи бодисатвы Авалокитешвары, вообще почитаемого в Юго-Восточной Азии. Храмом Авалокитешвары был центральный храм столицы — Байон. Возник культ Будды-царя, впоследствии распространившийся и на Яве. Чрезвычайно важно, что в своей пропаганде буддизма Джаяварман не выказал себя ревностным махаянистом. Зная потребности страны и возможности именно теравадского буддизма, приобретавшего господствующие позиции в признанном центре буддизма — Ланке (Цейлон), он послал туда одного из своих сыновей со специальным поручением изучать буддизм, что в тогдашних условиях означало знакомство с теравадой. Возможно уже сам Джаяварман ощущал временный характер преобладания махаяны в Кампучии и дал санкцию на постепенный переход к тераваде, который и происходил в период поздней империи, наступивший при его преемниках. Во всяком случае, он сделал многое для пропаганды теравады, придав этой пропаганде официальный характер.

Период поздней империи. При другом его сыне, избравшем светскую карьеру и ставшем его преемником, Индравармане II (после 1220—1243), процветание империи продолжалось. В 1223 г. был посажен на восстановленный с согласия империи тьямский трон тьямский принц; это был тот самый принц, который до этого был здесь кхмерским губернатором. Никаких конфликтов с Тьямпой в течение долгого царствования Индравармана II не было, и какой-то контроль над своим восточным соседом он сохранял. Источники указывают в составе его владений в 1225 г. все наследство Джаявармана VII, а именно: ряд малайских княжеств на Малаккском п-ове, перешеек Кра, Лаво, тайские княжества на верхней Тяо-Прайе, часть западномонских территорий, где власть слабеющего Пагана становилась все более номинальной, и еще другие земли, место которых современные ученые не в состоянии определить. На всех этих территориях осуществлялось либо прямое управление, либо там правили вассальные князья, иногда даже породнившиеся с кхмерской династией, как тайский вождь Пха Мыанг.

К середине XIII в. процесс социальной эволюции стал соче-

таться с экономическим кризисом, связанным с истощением почв и водных ресурсов столичной области. Интенсивный полив водами, не содержащими органических веществ, засорение каналов, часто проложенных по насыпным руслам, и регулярная распашка привели здесь к латеризации почвы и резкому падению урожайности (в восточном очаге с его орошением богатыми илом водами этого не было); одновременно часть ирригационных систем (но не городского водоснабжения) стала интенсивно заноситься. Как сейчас известно, латеризация почвы вызвала упадок сельского хозяйства и начался постепенный уход крестьян-анаков из района столицы. Стал иссякать важнейший источник доходов и людских ресурсов, особенно удобный для империи тем, что то и другое было сосредоточено в значительной части в одном месте и могло быть быстро аккумулировано в период экономических или военных трудностей; теперь положение стало меняться.

Это не могло не усложнить политическую обстановку в империи, тем более что изменения в духовной сфере продолжались, и это порождало конфликты. В буддизме во второй четверти XIII в. ощущается влияние если еще не теории, то практики теравады (сокращается строительство, постепенно выходят из моды надписи на камнях, сменяясь надписями на статуях и движимости, меняется содержание тех надписей, которые продолжают создаваться, они уже имеют или чисто религиозное, или, несколько позднее, почти чисто светское, но не экономическое содержание). Как известно, именно буддизм теравады отрицал (хотя и не всегда следовал этому на практике) пышное строительство из вечных материалов и нерелигиозные тексты на «вечных» материалах. Таким образом, упадок эпиграфики, судя по той, которая еще создавалась, был связан не с упадком экономики (внешние источники говорят о процветании), а с упадком каменной «экономической» эпиграфики.

Имеющаяся эпиграфика дает весьма ценные данные о социально-экономических процессах того времени. Основу экономики составляли, насколько можно судить, государственные налоги с крестьян-анаков. Это единственная категория крестьян в то время; анаки XIII в., видимо, непосредственные предшественники «неактьеа» (анак соответствует неак) последующих веков. По-прежнему воздвигались межевые камни, совершались сделки с землей, но надписи говорят только о дарении движимости, что безусловно связано с запретами на «каменные» документы, а не с прекращением земельных операций.

Интересные изменения происходили в социальной сфере. Исчезает в документах вся пышная титулатура, кроме титула монарха — врах камратенг ань, да и в нем есть изменения. Возможно, многие титулы не исчезли из быта, так как ряд их сохранился в более позднее время, но в отличие от времен расцвета культа дева-раджи они были несущественны при общении

с богом и не упоминаются в эпиграфике; буддизм теравады отрицал существенность земного положения при общении с богом. В этой же связи находится исчезновение ссылок на предшествующие времена, почти нет биографий дарителей; тераваду интересовала только данная личность. Аналогичные процессы шли в эти века и у монов на западе полуострова. В целом дарения продолжают быть достаточно широко распространены, они есть и в бассейне р. Мун, и в других местах.

Интересно сравнительное обилие в XIII в. буддийских божеств с «цареобразными» именами; с XIV в. этот остаток культа бога-царя исчез. Другим явлением времен расцвета империи, сохраняющимся в это время, была система датировок надписей, впоследствии изменившаяся. Для XIII в. характерен такой, впоследствии вымерший вид надписи (популярный и в буддийском Пагане), как поясняющая надпись к изображению. В дальнейшем число изображений упало (это была дань изобразительным в основном методам массовой пропаганды во времена дева-раджи), стали резко преобладать «просто надписи».

В середине XIII в. на смену политикам, стремившимся сохранить империю за счет модернизации, пришли, как это часто бывало, консервативные сторонники «древнего благочестия». При Джаявармане VIII (1243—1295) наблюдается усиление шиваитов, восстановление культа линги; буддизм отошел на второй план, хотя, как свидетельствуют источники конца века, и в столице и в провинциях его распространение продолжалось. Возврат Джаявармана VIII к культу линги не повлек за собой разграбления и закрытия крупнейших буддийских храмов. Мало того, именно в это время наряду с сохранением махаянистского буддизма (которому, как носителю идей Будды-царя, восстановление культа царской линги нанесло основной удар) активно распространялся теравадский буддизм хинаяны; продолжались и дарения буддийским храмам. К концу века теравадский буддизм стал господствующим, и его распространение в бóльшей степени характеризует эпоху, чем попытки восстановления шиваизма в сфере придворного культа. Интересна деталь, также связанная с «демократизацией» культовой жизни, — появление имен скульпторов на статуях.

Но сам факт религиозной борьбы и противопоставления политики двора общим массовым традициям привел к расколу и ослаблению империи, что, в свою очередь, ослабило ее военный потенциал. Положение в верхах было неспокойным, к власти пришли новые феодальные роды, началось прерванное уже давно строительство шиваитских храмов, возобновились дарения им (правда, как и буддийским, в основном движимости). Насколько можно судить, Джаяварман VIII пришел на трон (как и ушел с него) путем переворота; он не имел никаких связей с династией, и его воцарение не могло не вызвать сопротивления. Новый монарх окружил себя новыми людьми и теми,

кто сохранился из старой шиваитской знати; страна погрузилась в пучину религиозной борьбы, в ходе которой не раз применялось насилие. На экономическую и социальную структуру собственно кхмерских земель это не оказало существенного воздействия, Кампучия продолжала быть «богатой и знатной», но для судеб окраинных владений, предоставленных самим себе, борьба в Яшодхарапуре сыграла важную роль. Неменьшее значение имело и то, что военные силы империи были оттянуты на восток для отражения монгольского нашествия; позиции империи на западе были тем самым ослаблены.

Как следствие внутренней борьбы, ухода войск на восток и нарастающего экономического кризиса центра империи усилились центробежные тенденции на некхмерских окраинах. Особенно это коснулось тайских княжеств на верхней Тяо-Прайе, где внутреннее равновесие с середины 50-х годов было нарушено прибытием феодальных дружин и значительных групп населения с севера, из района империи Дали, особенно после ее окончательного захвата монголами в 1253 г. Уже занявшие часть земель Харипунджайи, тайские княжества в 50—60-х годах начали вытеснять кхмерские гарнизоны из городов средней Тяо-Прайи, где возникло тайское государство Сукотаи. Это было началом уменьшения империи. Когда же в ходе борьбы 1283—1287 гг. восстановило свою независимость монское государство Лаво, начавшийся распад империи стал очевиден. В отделении Лаво прямую роль сыграло монгольское нашествие, когда кхмерские армии были отвлечены на северо-восток, где в 80-х годах решались судьбы Дайвьета, Тьямпы и Камбуджадеши. Монголы были разбиты и ушли, основную роль в их разгроме сыграл Дайвьет, но и кхмерская армия нанесла монголам крупное поражение.

Более серьезным было вооруженное столкновение с объединением тайских князей в последние годы правления Джаявармана VIII. Хотя война была неудачной для таи и они ничего не приобрели, большого напряжения она потребовала и от империи. Тем не менее ее сила и блеск поражали современников даже через год после этой войны. Ее единственный след, подмеченный юаньским послом Чжоу Да Гуанем, — разграбленные дома для путешественников (постройки Джаявармана VII) вдоль больших дорог, где проходили армии.

Кхмерское общество к концу XIII в. завершило свою идеологическую реконструкцию, буддизм теравады распространялся все шире, оказывая влияние на тайские и лаосские княжества. Массы хинаянских монахов вряд ли обходились дешевле пышных, но немногочисленных храмов X—XIII вв., зато первые более эффективно выполняли те же задачи. Сокращение имперских расходов было, возможно, даже благотворным для кхмерского государства, и только прогрессирующее обеднение западного рисового очага оставалось нерешенной проблемой.

В целом постепенность перехода от империи к моноэтническому государству, начавшегося в середине XIII в., позволила, несмотря на экономические трудности, связанные с обеднением западного района, найти новые формы государственной организации.

Аналогичные процессы шли в это время в Пагане, Шривиджайе, век спустя — в Маджапахите. Повсюду в Юго-Восточной Азии феодальные империи в XIV—XV вв. уступали место (порой без сколько-нибудь существенного давления извне) меньшим по размерам, но более совершенным по своей социальной организации (порой более простой, но охватывающей большие слои населения) и более многочисленным моноэтническим государствам. Одним из них и становится кхмерский центр империи Камбуджадеша, с конца XIII в. уже называвшийся своим современным названием Кампучия (Камбоджа). Этот процесс, общий для региона, не был специфичным для Кампучии; нельзя было бы считать его регрессом. Страна в то время, по мнению, например, П. Пелльо, «полностью процветала». Вывод этот вытекает из подробного описания, сделанного в конце XIII в. Чжоу Да Гуанем, жившим в стране и отнюдь не склонным, как и большинство китайских дипломатов, превозносить «варварское» государство, к тому же такое, которое нанесло поражение его стране. Империя значительно уменьшилась, но на положение в собственно кхмерских землях это не повлияло, что позволяет рассматривать отказ от имперской политики как объективно прогрессивное явление. Как показывает вся история Юго-Восточной Азии, именно в послеимперский период повсеместно были заложены основы государств XVI—XIX вв.

Войны с Сукотаи в первой половине 90-х годов не привели, даже в победных реляциях тайских правителей, к отторжению хотя бы части кхмерских земель; о победах над кхмерами в тайских надписях вообще не сообщается. Отбило таев и монское государство Лаво, западный сосед Кампучии. Таи, как видно из надписей, прошли на юг западнее Лаво и Кампучии.

Более важными были для империи внутренние последствия этих войн. В экономике они не имели тяжелых последствий, и соответствующие места в общих работах обязаны своим происхождением «псевдоцитате» из перевода П. Пелльо записок Чжоу Да Гуаня, составленной Ж. Седесом из двух сведенных в одну фразу отрывков из этого сочинения (в тексте они разделены несколькими страницами). Из фразы «На главных дорогах имеются места для отдыха, схожие с нашими почтовыми станциями: они называются се-му. Недавно, в ходе войны с сиамцами они были полностью опустошены» и фразы «Сообщают, что во время войны с сиамцами обязали весь народ сражаться; в целом эти люди не знают ни стратегии, ни тактики» у Ж. Седеса получилось следующее: «В недавней войне с сиамцами весь кхмерский народ должен был сражаться и вся страна была опу-

стошена». И это было снабжено общими кавычками и сноской на перевод П. Пелльо (на две разные страницы). Напомним, что фраза об «обязанности всего народа сражаться» содержится не в описании истории Кампучии, а в списке особенностей армии в разделе «Армия», где говорится о вооружении и других общих особенностях армии, а не о конкретных событиях. Также и приведенный отрывок призван был на конкретном примере описать ведущий для кхмерской армии и до и после XIII в. принцип набора в армию по мобилизации крестьян из деревень. Послу монгольской династии, имевшей профессиональную армию, этот способ, типичный для всей Юго-Восточной Азии, показался примечательным и объясняющим отсутствие того, что он считал «стратегией и тактикой».

Если же говорить обо всем сочинении Чжоу Да Гуаня в целом (где больше нет и упоминаний о войне с таи), то, прибыв в страну два года спустя после войны, китайский посол не нашел почти никаких ее следов, кроме разоренных гостиниц. Весь остальной текст описывает процветающее государство, и сам автор говорит о Кампучии как о «богатой и знатной», присоединяясь тем самым к характеристике этой страны, данной его предшественниками. Описание Чжоу Да Гуаня, хотя и содержит ряд противоречий по второстепенным вопросам, дает много ценных данных по эпохе поздней империи. Он пишет о богатом и процветающем государстве, где самые бедные жители столицы имели несколько «рабов» в услужении, подробно описывает экономику, торговлю и города. Власть монарха была сильной, а престиж его, даже по юаньским меркам, — высоким. Китайский посол не сообщает о каких-либо признаках недовольства, хотя обстановку он знал хорошо, получая информацию от живших здесь китайцев. Китайцам очень нравилось, по словам Чжоу Да Гуаня, жить в Кампучии, и многие из них жили там постоянно.

Страна была в основном буддийской, везде стояли изображения Будды, причем храмы были уже хинаянскими. Образование также полностью находилось в руках буддийских монахов-хинаянистов; китаец, хорошо знакомый на родине с махаяной, подчеркивал типичные черты, отличающие хинаяну от махаяны. Посол четко отличал и индуистов от буддистов; в отношении первых он писал, и это соответствует данным других источников, что придворные брахманы уже превратились в разновидность сановников, в то время как священники-индуисты вне двора были немногочисленны по сравнению с буддийскими монахами. Ощущалось влияние буддизма и в системе наказаний.

Традиции времен Джаявармана VII проявлялись в самых разных областях общественной жизни. Это и наличие буддийских монахов-чиновников (традиция сращения служилого сословия и духовенства, впоследствии изжитая), и культовый харак-

тер ряда государственных церемоний, и наличие храмов-мавзолеев. По-прежнему златоглавый Байон был центром не только планировки, но и духовной жизни столицы. Сохранился и имперский династический миф: Индраварман III (1295—1307) считал себя потомком Камбу и Наги-Сомы. Сохранился культ дева-раджи в приданном ему Джаяварманом VII буддийском виде; описываемый в источнике мистический брак монарха с Нагой надо рассматривать с точки зрения той роли, которую Нага играет в буддизме как охранитель Будды Шакьямуни. В то же время элитарные традиции сочетались с «демократизацией» поведения монарха, сравнительно свободно общавшегося с народом, что типично для последующих веков кхмерской истории.

Примечательно, что в восприятии Чжоу Да Гуаня таи были не мигрирующими ордами, «навалившимися» на империю, а просто соседями кхмеров; от них, в частности, распространились новые приемы шелководства и шелкоткачества, с ними шла регулярная торговля и т. д. Наличие у таи китайских навыков шелкоткачества еще раз свидетельствует о том, что приток населения с севера после разгрома Дали был значительным.

Практическим результатом войн с таи в начале 90-х годов, когда им удалось вторгнуться в кхмерские земли, был временный отказ правящей верхушки от чреватых внутренними конфликтами реакционных экспериментов с реставрацией шиваизма. Все развитие общества обусловливало дальнейшее распространение буддизма теравады, и двор не мог длительное время идти против течения. Видимо, армия, связывающая свои неудачи с борьбой при дворе, сыграла свою роль в развитии событий; во всяком случае, монарх-реформатор Джаяварман VIII был свергнут своим зятем, главнокомандующим, правившим под именем Шри Индраварман III. Этот последний претендовал на родство с Камбу и Нага-Сомой и тем самым на восстановление старой династии. В то же время концепция власти монарха в это время претерпевала некоторые изменения, что выразилось в появлении с этого времени перед именем монарха слова «Шри» (величие).

При Индравармане III буддизм теравады стал господствовать в стране; индуизм сохранился в качестве одного из придворных культов и в значительно меньшей степени при некоторых старых храмах на периферии. Сам Индраварман III был буддистом-теравадином, являясь не только по своей официальной биографии, но и по вере потомком Тамалинды, привезшего тераваду в Кампучию при сыне Джаявармана VII. При нем официальным языком стал язык теравадского буддизма — пали, сменивший санскрит. Изменилось содержание надписей на камне и быстро пошло на убыль их число, что соответствовало установкам теравады. К сожалению, это привело к уменьшению сведений об экономике и общественной жизни. При Индравармане III продолжалось развитие экономики и культуры, внутреннее положение было спокойным, шиваитов не преследовали.

Во внешней политике страна не вела наступательных войн, как, впрочем, и оборонительных; после неудач 90-х годов таи с кхмерами воевать не стремились.

Но внутреннее положение еще не стабилизировалось полностью. Шиваитским кругам трудно было отказаться от вековой привычки властвовать, да и честолюбию отдельных монархов больше импонировали времена бога-царя. Когда в 1308 г. Индраварман III ушел в монастырь, власть перешла при неясных обстоятельствах к Индраджаяварману (1308—1327), который пошел на последнюю отчаянную попытку восстановить шиваизм как государственную религию в уже почти полностью буддийской стране. В отличие от Джаявармана VIII он не рассчитывал на постепенное вытеснение буддизма и предпочел насильственные меры. Не ограничиваясь строительством новых шиваитских храмов и украшением построенных при Джаявармане VIII, он начал разрушение буддийских храмов и преследование буддистов. Значительную роль во всем этом сыграл глава шиваитов Джая Мангаларатха, бывший «ведущим идеологом» реставрации шиваизма еще при Джаявармане VIII. Видимо, опыт провала Джаявармана VIII заставил его и других лидеров шиваитов пойти на крайние меры для достижения прежней цели. Результатом реакции была ожесточенная внутренняя борьба, в которой буддистов существенно потеснить не удалось. Попытка продолжения этой политики при Джаявармане IX (1327—1336), когда опять появились надписи на санскрите, конкурирующем с пали, когда приглашали шиваитов-ученых из Индии на пост раджа-гуру, когда объектом посягательства стала святыня буддистов — Байон, привела к открытому выступлению большинства населения. Джаяварман IX был свергнут и, судя по некоторым свидетельствам, убит.

Массовое движение протеста привело на трон человека «из низов»; к власти в 1336 г. (дата приблизительная) пришел Чай (1336—1340), которому приписывается убийство его предшественника. Он стал, согласно данным кхмерской исторической традиции, основателем новой, буддийской династии. При ней новому типу социальной организации относительно адекватно соответствовали идеологические институты, оформленные в рамках буддийской теравадской философии.

Глава 3

КАМПУЧИЯ СЕРЕДИНЫ XIV—XVI вв.

Переход власти к новой династии ознаменовал собой конец существования поздней империи. 20—30-е годы были временем внешнеполитической стабильности, отношения с таи, Дайвьетом и Юанями были мирными (посольство в Дайвьет в 1335 г.,

обмен посольствами с Юанями в 1320 и 1330 гг.). В то же время упрочение позиций буддистов привело к появлению ряда тенденций, типичных уже не для имперского, а для последующего этапа развития страны. В сфере культуры целый ряд явлений свидетельствовал об усилении кхмерского элемента в связи с переходом от элитарной культуры к массовой. Кхмерский язык, включивший много палийских слов, впервые стал языком культа, одновременно появились экономические документы на пали: в этот переходный период в кхмерские тексты без учета индийской грамматики включались слова палийские, санскритские, пали-санскритские; то и другое свидетельствует об исчезновении связи «сакральное — язык». В самом кхмерском языке произошел ряд изменений, он приблизился к современному по фонетике.

В общественной жизни победа теравадского буддизма сопровождалась приглашением ученых-буддистов с Ланки, строительством буддийских религиозных сооружений. По-прежнему тесно связанная с культом монархия ввела в обращение доживший до XX в. титул «самдеать» (сдать). Тогда же появился новый тип надписи — надпись-пропагандистский документ, более светский, что соответствовало менее сакральному характеру власти монарха в стране теравадского буддизма. Новизна концепции власти выразилась в светском характере надписей монарха. Именно в этой манере писались кхмерские хроники этого времени, многое заимствовавшие из буддийских норм летописания Ланки. Вряд ли случайно появление в том же веке подобных надписей и у таи, заимствовавших у кхмеров и монов в конце XIII—XIV вв. религиозные нормы, письменность, нормы государственности, соответствующие лексические элементы, приемы строительства, архитектурные и скульптурные приемы, сакральный балет и многое другое.

В культуре XV—XVI вв. продолжалось самостоятельное развитие традиций имперского периода, без каких-либо влияний извне (сиамского, китайского и др.). На старых храмах, буддийских и индуистских, высекались новые рельефы, обновлялись деревянные части декора, ставились новые статуи и т. д.

Средоточием культурной жизни при новой династии по-прежнему была Яшодхарапура; в XIV в. особенно расцвел ее пригород — Капилапура. Но более эффективно новая социальная структура развивалась не в беднеющем западном очаге, а в древних районах восточного, между Меконгом и Большим Озером. Упадок района Яшодхарапуры обусловил и упадок влияния шиваитского духовенства и связанных с ним столичных феодалов, чьи владения в основном находились именно там. Этот перенос «центра тяжести» был длительным и затянулся на 100 лет, в течение которых кхмерское государство все менее было заинтересовано в сохранении столицы в беднеющем районе. Эффективно защищая границы страны, превращающейся в моноэтни-

ческое кхмерское государство, оно все более ощущало необходимость иметь столицу в ее экономическом центре (каким была до латеризации почв Яшодхарапура). В качестве такого центра все более очевидно выступал треугольник Ловек — Удонг — Пномпень к востоку от Большого Озера.

Районы дельты Меконга, где земельные ресурсы были использованы традиционными для кхмерских крестьян методами уже к XIV в., в последующие века не были центрами экономической, политической и культурной активности, в отличие от времен империи и особенно до IX в. Примечательно и то, что внутри дельтовых районов относительно более развитыми были северные, более близкие к Пномпеню, а некогда составляющие важную часть государства приморские районы все более превращались в отдаленную периферию.

Период интенсивных культурных контактов кхмеров с таи и лао был мирным. Некоторые исследователи предполагают, что имевшая место война 1313 г. между таи или лаосцами (которых нечетко различали сообщающие об этой войне вьетнамские летописи), с одной стороны, и тьямами — с другой, затронула и кхмеров; но никаких свидетельств этого нет, а наличие общих границ у лао и тьямов делает возможными их войны, минуя Кампучию. Лаосские княжества в это время занимали районы современного Луангпхабанга и Вьентьяна, и через перевал Кыажао их войска могли выйти к тьямским землям.

До середины XIV в. современный восточный Таиланд к северу от долины р. Мун принадлежал кхмерскому государству. В целом XIV век был мирным столетием, Кампучия была сильна, ее соседи на западе еще слишком слабы, чтобы вести войны. Только усиление их государственности под культурным воздействием монов и кхмеров подготовило впоследствии превращение более экономически развитой их части, таи, в соперника Кампучии. Лишь государственно оформившись и выработав соответствующую местным условиям систему эксплуатации, тайские и лаосские государства и княжества смогли активно выступить на исторической арене.

Рассматривая военную историю середины XIV в., необходимо отметить, что значительная часть межгосударственных войн была следствием внутренней борьбы и последняя часто предопределяла исход внешних столкновений. Не случайно, что именно после открытого конфликта между монархами-шиваитами и их противниками, после смены династии в кхмерском государстве на неокрепшее после 20 лет потрясений государство смогли совершить первые успешные набеги усилившиеся таи.

Первые короли новой династии, Чай и Нирванапада (Нипнеан Бат), занятые внутренней борьбой и сменой центрального аппарата (бывшего основной опорой их противников), не смогли оказать сопротивление отпадению последних имперских владений на Тяо-Прайе и оставшихся тайских и лаосских вассаль-

ных княжеств. Но необходимо помнить, что многое еще неизвестно; в частности, остается без объяснения факт появления в 1380 г. в тайском (как принято считать) городе на Тяо-Прайе, Аютии, кхмерской буддийской надписи. Но более существенным итогом второй половины XIV в. было то, что завершилась внутренняя борьба, сопровождавшая перестройку кхмерского общества, из жизни которого ушли многие архаические элементы имперского периода. Экономическое и социальное положение собственно кхмерских земель не изменилось, несмотря на обеднение западного рисового очага; автор середины XIV в. Ван Да Юань сообщает о «богатой Камбодже», «стране ста храмов».

Аграрные отношения XIV в. во многом выросли из отношений XIII в. Имеющиеся сведения говорят о земельных операциях с теми же деревнями-сруками, о землях-бхуми и рисовых полях — сре.

Феодальная верхушка окончательно приобрела новые формы, монархическая власть стала «ближе» к средним и мелким феодалам — чиновникам и народу, культ недосягаемого бога-царя исчез почти полностью, король больше не был посредником между небом и людьми. Монархи расстались с торжественным титулом «варман», сакральные функции придворных брахманов сузились. Теравадский буддизм полностью закрепился, санскритская литература была частично вытеснена более доступной массовой палийской литературой. Деревянные буддийские статуи были не менее художественными, чем каменные, и наверняка более многочисленными. Новые храмы были меньше, но были широко распространены по стране. Все эти изменения сохранились на века и, безусловно, были проверены временем, подтвердившим их перспективность.

Обеднение западного района, питавшего империю и ею питавшегося, наряду с общими для региона процессами упадка империй, связанными с глубинными процессами распада сельских общин и основывавшегося на них механизма феодальной деспотии, закономерно и постепенно привело, как и во всех развитых районах Юго-Восточной Азии, к возникновению феодального моноэтнического государства кхмеров — феодального королевства Кампучия.

На начало 50-х годов пришлось новое объединение тайских княжеств, возникло мощное государство Аютия (Сиам), начавшее во второй половине XIV в. серию войн на востоке. Ничего не дав Аютии, они в то же время привели (впервые в истории кхмеров) к длительным войнам на их собственной территории. Отношения Аютии с Кампучией с самого начала (с 1350 г.) были напряженными, объединение таи явно было направлено против наиболее сильного противника — кхмеров. В 1351 г. две тайские армии начали первое большое наступление. После сражений с кхмерскими гарнизонами на западной границе они вторглись в страну; попытка взять Яшодхарапуру была отбита,

таи отступили, но тут правящий страной король Лампонг (1346—1352) совершил ошибку, связанную с непониманием масштабов опасности, которую представляли объединившиеся таи, — он распустил армию по домам и отменил уже проводившуюся мобилизацию. Именно в это время новая тайская армия присоединилась к двум отброшенным, и началась осада Яшодхарапуры. Как и в последующих войнах, целью таи был захват Яшодхарапуры. Дальше продвинуться им не удавалось веками; восточный рисовый очаг в таких войнах всегда был опорой кхмерского контрнаступления и освобождения Яшодхарапуры.

Осада огромного города с приблизительным 200-тысячным населением длилась год, в течение которого Лампонг умер и власть перешла к его брату Сорьотею. В городе, у которого тайский король Рамадхипати собрал все свои войска, свирепствовали болезни. Кхмерская армия пыталась прорвать блокаду извне, но эти попытки были отбиты, и она отошла в соседние провинции. Некоторое время спустя был осуществлен прорыв у восточных ворот; несколько дней шли бои в городе. Сорьотей пал в рукопашной схватке, кхмерские войска были вытеснены из города. Это произошло в 1353 г. Десятки тысяч жителей были переселены в Аютию, в городе был оставлен тайский гарнизон с одним из принцев во главе, но таи продержались там недолго, немногим больше тьямов в 1177 г. В 1357 г. кхмерская армия под командованием ставшего королем брата Лампонга, Сорьовонга, уничтожила тайский гарнизон в Яшодхарапуре, куда и вступил Сорьовонг (Сурьявамса, 1357—1363). Ему принадлежали по-прежнему все кхмерские земли, которыми владел Лампонг; тайские походы окончились ничем.

Сорьовонгу наследовал его племянник Баром Рама (Парамарама, 1363—1373), стремившийся поддерживать мирные отношения с соседями. Таи, видимо, дорого обошелся грабительский рейд на Яшодхарапуру, и они прекратили свои нападения. Кампучия также не выступала против Аютии. В 1373 г. на смену Баром Раме пришел его брат Дхармашока (1373—1393). О его правлении известно очень мало, войн он не вел, хотя есть косвенные сведения о его вторжениях в Аютию. Дхармашока поддерживал торгово-дипломатические контакты с Минами (1379, 1387 гг.), как и Баром Рама.

В 1398 г., почти полвека спустя после первого нападения, войска Аютии повторили рейд на Яшодхарапуру, и снова сказались преимущества и недостатки обеих армий. Сильная своим первым ударом тайская армия добилась первоначальных успехов, но в дальнейшем ее «короткое дыхание» привело все начинание к провалу.

События развертывались следующим образом. Четыре кхмерские армии проиграли четыре сражения у западной границы, и началась новая осада Яшодхарапуры, снова затянувшаяся на много месяцев. После семи месяцев осады, когда в обороне го-

рода принимало участие все его население, предательство облегчило общий штурм. И снова упорные бои шли на улицах великого города, и снова кхмерский король погиб в одной из схваток. Но закрепиться в Кампучии таи не удалось даже на такой короткий срок, как в первый раз. Стоило части армии уйти, угоняя десятки тысяч горожан, и через несколько месяцев кхмерская армия под командованием нового короля Тяо Понья (Сурьявармана, 1394—1404), родственника Дхармашоки, окружила и уничтожила часть тайского гарнизона: его командующий был убит, остатки гарнизона удержались в городе или его части и были там окружены.

Тяо Понья собрал свою армию во временной укрепленной столице Срей Сантхоре. Его правление прошло в борьбе с оставшимися тайскими гарнизонами. Как и его предшественники, он поддерживал дипломатические связи с Минами. После его смерти к власти пришел Понья Ят (Сорьопор Сурьяварман, 1405—1467), который полностью очистил страну и Яшодхарапуру от остатков тайских войск. При освобождении Яшодхарапуры население с оружием в руках поддержало кхмерские войска. Аютия даже не попыталась оказать помощь окруженным гарнизонам, затяжная война исчерпала, видимо, силы тайских армий. Эта победа кхмеров на длительный период привела к мирным отношениям между сторонами, Сурьяварман торжественно короновался в Яшодхарапуре.

Но военная победа не могла оживить западный район, где к экономическому упадку добавились разрушения от длительных военных действий и где латеризация почв привела к уменьшению числа сельских жителей. Источники не сообщают о разрушениях, связанных с войной, но естественно предположить, что тайские рейды, имевшие целью ослабить угрожавший их владениям западный рисовый очаг в Яшодхарапуре, достигли каких-то результатов. В целом два захвата столицы, как показали, например, войны Тьямпы и Дайвьета в том же столетии или войны Аютии с бирманскими государствами впоследствии, мало что меняли в общем соотношении сил, но в сочетании с естественным экономическим упадком района это создало трудную ситуацию. И Понья Ят принял оправданное, как показала история последующих веков, решение о возвращении в район старых столиц к востоку от Большого Озера, в восточный рисовый очаг, мотивируя это именно обезлюдением района имперской столицы. При этом имелся в виду не сам город (там оставалось достаточное количество населения, судя как по его участию в освобождении города, так и по сведениям о населенности Яшодхарапуры в следующем, XVI в.), а именно земледельческий район по р. Сиемреап. Как и Джаяварман II, Понья Ят не сразу нашел место для новой столицы. После пребывания в 1433 г. в Срей Сантхоре он обосновался в 1434 г. в Тядомуке (близ современного Пномпеня; «пном» — по-кхмерски холм, слово «пень»

не этимологизируется, легенда считает его именем женщины, нашедшей статую Будды и поместившей ее в ступу). Сильно укрепленная Яшодхарапура, за которой именно с этого времени укрепляется название Ангкор — Королевский город, стала основной крепостью страны на западе и осталась религиозным центром государства.

Надписи XV в. уже группируются в районе новых столиц, где велись раздачи земли и где в старых индуистских храмах появляются буддийские реликвии. Буддизм окончательно побеждает и при дворе, историки-буддисты пишут свою, привязанную к истории этой религии историю страны. Примечательно, что в этом веке монарх еще сохранял некоторые функции религиозного главы, так же как и буддийские аскеты в какой-то степени нуждались в королевской санкции на свое положение.

Перенос столицы требовал времени для переориентации веками складывавшегося государственного механизма, а ее создание на новом месте требовало усилий в социальной, военной, экономической сферах большого нового строительства на месте прежнего города средних размеров. Как и Яшодхарапура, Пномпень не был городом-ставкой, он был Городом, хотя новая идеология и не требовала столь пышной столицы-храма, как культ дева-раджи, включавший в себя идею о том, что данное государство — лучшее на земле. Поэтому, обеспечив внешнеполитическое спокойствие, Понья Ят занялся устройством столицы. Как и Яшодхарапура, она была обнесена каменной стеной; укреплялись и другие города. Кампучийский город быстро приобретал новый вид, более схожий с европейским по сравнению с малайским или тайским. На старую традицию аграрного города наложился город-крепость.

При Понья Яте продолжалась торговля с Минской империей, туда ездили посольства, как и в другие страны Юго-Восточной Азии, развивалось судоходство по Меконгу. Мирными были отношения с Тьямпой. Феодальная Кампучия вышла из кхмеро-тайских войн и периода внутренней перестройки, закрепив границы и утвердив у себя новый тип социальной и государственной организации. Государственная власть становилась все более военно-светской; соответственно, как и два века спустя в Дайвьете, упрощался государственный аппарат. В западном очаге роль городов ослабевала, складывался его современный облик аграрного района, в котором все бóльшую роль начинает играть его западная часть, связанная с растущим городом Баттамбангом.

В 1467 г. престарелый Понья Ят отрекся в пользу своего старшего сына Нореая (1467—1472). Несколько лет спустя Понья Ят умер, его прах был помещен в святилище (чеди) на том же холме, где стоит древняя буддийская ступа, давшая название городу; тем самым продолжалась практика строительства храмов-мавзолеев в столице, существовавшая в Яшодхара-

пуре. Нореай продолжал укреплять государственную власть, но многого сделать не успел. Придя к власти уже пожилым, он вскоре умер, и трон перешел к его младшему брату Раме Тхуфдею (1472—1473), девятнадцатилетнему юноше. В отличие от воцарения Нореая, прошедшего при жизни предыдущего монарха, которым к тому же был обладавший огромным авторитетом Понья Ят, воцарение Рамы Тхуфдея привело к вспышке борьбы за власть, облегченной, как это часто бывало в Кампучии, отсутствием определенного принципа наследования. Определением кандидатуры следующего монарха (среди родственников предыдущего) занималась верхушка двора; это гарантировало страну от случайностей рождения. В то же время ситуация выбора давала простор для дворцовых заговоров и т. п. Против Рамы Тхуфдея сразу же выступил его племянник Сорьотей (сын Нореая). Поскольку войны с таи окончились уже давно и неудачно для таи, Сорьотей позволил себе политический ход, казавшийся ему допустимым, — призвал на помощь войска Аютии. Помощи они ему особой не оказали, но, воспользовавшись сосредоточением большей части войск в центре, где сражались претенденты, тайские войска разграбили западные области: Чантабун, Корат (западная часть бассейна р. Мун) и Ангкор. Королевские же войска тем временем осаждали Сорьотея, укрепившегося в Срей Сантхоре, большом городе на левом берегу Меконга, вверх от Пномпеня. Осада городов (причем не только столиц и центров приграничных областей) становится специфической чертой истории Кампучии второй половины XV—XVII вв.

При дворе короля Рамы Тхуфдея в это время выдвинулся его брат Тхоммо Реатеа (Дхармараджа). Ему были даны регентские полномочия для борьбы на западном фронте против Аютии, а король взял на себя Сорьотея. Оба были настолько уверены в победе, что не стали бить врагов поодиночке, а разделили армию. Но Тхоммо Реатеа войска в бой не повел, а засел в Пномпене, где присвоил регалии ушедшего под Срей Сантхор короля и вступил в переговоры с Аютией; в историю он заслуженно вошел как предатель дела своей страны. Именно он отдал Аютии (правда, неизвестно, на какой срок) Чантабун и Корат, полностью заселенные тогда кхмерами. Тем временем юный король продолжал осаду Сорьотея в Срей Сантхоре; положение Тхоммо Реатеа оставалось ненадежным. Но таи решили вмешаться во внутреннюю борьбу всерьез, так как им впервые представлялся случай приобрести часть собственно кхмерской территории.

Две тайские армии вторглись в страну: одна шла сушей через Баттамбанг, руководимая тайским королем, другая высадилась в южном порту Пеам и пошла на столицу, где сидел Тхоммо Реатеа. Соединенные войска агрессора и предателя встретились с шедшей им навстречу армией кхмерского короля при

Самронг-Тонге. Рама Тхуфдей, наиболее ответственный из трех кхмерских лидеров, боровшихся за власть, проявил редкое благоразумие: видя явный перевес противника, он отказался от обещающей быть кровопролитной, но явно проигранной битвы. В тайском плену его ждала верная гибель (через несколько месяцев его по-буддийски, без пролития крови, уморили голодом). Смерть была уготована тайским королем и предателю Сорьотею. Призвавший таи, он сам был обойден более изворотливым Тхоммо Реатеа и по прибытии за наградой в лагерь тайского короля уведен в Аютию и уморен там голодом.

Началось бесславное правление Тхоммо Реатеа (1474—1494). Монарх милостью Аютии, отдавший Чантабун и Корат, он теперь рьяно изучал буддийские сочинения и посещал монастыри. Но в памяти кхмерского народа и его летописцев он остался первым королем, признавшим над собой чью-то власть и потерявшим часть коренных кхмерских земель.

Преемник Тхоммо Реатеа, его старший сын Дамкхат Сокontхор (1494—1498) не пользовался уже никаким авторитетом. С самого начала правления его власть оспаривал его брат Анг Тян, собравший войска и захвативший столицу; Дамкхат скрылся в укреплениях Срей Сантхора. Новая разорительная междоусобная склока на фоне позорных уступок Аютии со стороны отца короля вызвала массовое восстание в стране, направленное против всех претендентов. Его возглавил не очередной брат или племянник короля, а бывший храмовый крепостной Най Кан. Восстание быстро охватило несколько провинций, войска Най Кана двинулись на столицу. Не надеясь победить восставших, Анг Тян ушел в кхмерские земли, находившиеся под контролем Аютии, и был пригрет тайцами; Най Кан вошел в Пномпень. Он был «крестьянским царем», выступавшим под лозунгом восстановления единства страны против всех враждующих группировок и против короля. Най Кан отверг обычные феодальные «правила игры» и провозгласил себя в 1498 г. королем новой династии при живом Дамкхате Сокontхоре. Опираясь на широкую поддержку южных провинций, он нанес несколько поражений войскам Дамкхата, но против «крестьянского царя» выступили феодалы многих провинций и столицы. Ему помешали короноваться по всем правилам (что дало бы ему, по представлениям людей того времени, сакральную мощь монарха), скрыв королевские регалии: священные меч и копье. Это было сделано группой придворных брахманов, ведавших соответствующими церемониями. Впрочем, отсутствие сакральной мощи не помешало армии Кана занять в 1502 г. крепость на р. Стунг Сен на востоке, где сидел Дамкхат; «официальный» лидер феодалов был казнен. Его младшему брату Анг Тяну удалось бежать, и вокруг него начали группироваться кхмерские феодалы.

Придя к власти, Най Кан снизил налоги и нормы феодальной эксплуатации, облегчил наказания и т. п. Помимо мер по

облегчению положения крестьян он поощрял торговлю, при нем начали чеканить золотые, серебряные и медные кхмерские монеты, вес которых гарантировался государством. Это было важным экономическим мероприятием, быстро привившимся; монеты Най Кана в значительном количестве дошли до нашего времени.

Укрепление власти «крестьянского царя» не устраивало кхмерских феодалов. Они пошли на предательство интересов страны во имя классовых: Анг Тян, «забыв» свои выступления против Аютии, договорился о получении военной помощи. Ополчения кхмерских феодалов и вспомогательный тайский отряд заняли цитадель Ангкора и подчинили себе западные провинции, далекие от очага крестьянского восстания. Временной ставкой Анг Тяна стал Поусат, куда стекались феодалы со всей страны.

Противники сошлись близ Пномпеня, где Анг Тяну удалось обмануть «крестьянского царя»; под предлогом празднования нового года, а также завершения сельскохозяйственных работ он добился перемирия. Не надеясь на победу и не обладая еще достаточным авторитетом (он не был королем), Анг Тян во время перемирия собрал феодальных лидеров из своего окружения, и они провозгласили его, как родственника Дамкхата, королем. Теперь, с 1505 г., шла уже борьба двух королей, что во многом облегчало консолидацию сил феодалов. Тем не менее война с армией «крестьянского царя» продолжалась еще десять лет, до 1515 г.; восточная часть страны управлялась Каном, западная — Анг Тяном. Закупив у европейцев пушки и аркебузы, армия феодалов обеспечила себе перевес; Кан был осажден в Самронг Прей Нокоре. После трехмесячной осады крепость была взята штурмом, раненый Най Кан был взят в плен и казнен. Но это не означало конца борьбы, и отряды сторонников Кана сражались еще несколько лет в разных частях страны.

Восстание Кана, имевшее и антифеодальную и патриотическую направленность, показало Анг Тяну и его окружению силу патриотического подъема. Это оказало влияние на дальнейшую политику феодальных верхов. Когда Аютия впервые в истории взаимоотношений двух стран потребовала официального признания своего главенства (настаивая на поднесении белого слона), Анг Тян начал войну. Требование Аютии явно не соответствовало реальному соотношению сил. В разыгравшемся в 1510 г. близ Ангкора решающем сражении тайские войска были наголову разбиты (с этого времени и появилось название «Сием-Реап» («Разгром Сиамцев»).

Утвердив внешнеполитическое могущество страны, Анг Тян, опираясь на экономический эффект мероприятий Най Кана, позволивших, по-видимому, крестьянам укрепить свои хозяйства, начал вести широкое военное и гражданское строительство. Первые европейские описания Кампучии, относящиеся к 10-м го-

дам XVI в., дают картину сильного процветающего государства. Самыми ранними являются сообщения Томе Пиреша (1512—1515). Он писал о Кампучии как об очень воинственной стране, которая «не подчиняется никому» и ведет войны с тьямами и бирманцами. Флот Кампучии изгонял из ее прибрежных вод всех противников, кхмерские суда плавали до северных малайских княжеств. Уже в то время Кампучия была известна как поставщик лучшего риса, как страна, богатая пищевыми ресурсами. В числе предметов ее вывоза Т. Пиреш указывал золото, лак, бивни слонов, сушеную рыбу; ввозились определенные сорта хлопчатобумажной ткани, ртуть, киноварь, ладан, гвоздика.

Анг Тян выстроил новую столицу, Ловек, на правом берегу Меконга, на мысу. Она была окружена каменной стеной, тройной — на полевой стороне, одинарной — на стороне, обращенной к Меконгу и двойной — по двум другим сторонам. Религиозным центром города стала статуя Ганеши, бога ученых и знания, покровителя города. Тогда же было построено много буддийских храмов, в самом большом из которых, Траленг Кенге, была помещена огромная статуя четырехликого Будды, ступня которого имела в длину 1,4 м; частично статуя сохранилась до сих пор. В 1529 г. в Ловеке была проведена вторая, более торжественная коронация Анг Тяна. Через два года он начал войну с Аютией, добиваясь возвращения Кората и Чантабуна, в 1531 г. кхмеры вторглись в Аютию и разорили пров. Прачин. Король Аютии попытался, желая разжечь междоусобицу и воспользоваться ее результатами, противопоставить Анг Тяну принца Онга, развернувшего вооруженную борьбу в районе Кората, но в 1534 г. принц был разгромлен и казнен, его тайские воины взяты в плен. Успешная борьба с Аютией принесла Анг Тяну признание всех феодалов страны, в 1539 г. ему торжественно были возвращены (как «случайно найденные») укрытые от Най Кана священные регалии власти: меч, инсигния империи, и копье — инсигния династии Чая. В 1549 г. он снова вторгся в земли Аютии.

Первым из известных нам европейцев, побывавших в Кампучии, был прибывший ко двору в 1555 г. португальский доминиканец Гаспар де Круа. Буддийская веротерпимость короля повлекла за собой разрешение проповедовать христианство, но, как и впоследствии, кхмеры не проявили никакого интереса к этой религии, и в 1557 г. миссионер отбыл обратно в Малакку. Собранные им сведения легли в основу европейских представлений о Кампучии в середине XVI в.

В стране сохранялись элементы обожествления монарха, в местах побед строились пагоды, куда помещали прах родственников монарха. К королю обращались, употребляя титул «преах» (священный). Сам Анг Тян неоднократно обращался к традициям империи, много внимания уделял Яшодхарапуре, где в начале 50-х годов провел восстановительные работы и которую

часто посещал. Восстановительные работы производились в пределах наиболее пострадавшей части города — в Ангкор Томе[1]. Город продолжал существовать непрерывно, и его городская система водоснабжения продолжала функционировать, по свидетельству европейцев, лично побывавших в городе в конце XVI в. Но его аграрная округа резко обеднела, о чем уже говорилось.

Подъем, начавшийся в 30-х годах, продолжался при сыне Анг Тяна — Бором Реатеа (1556—1567). Он избрал новую столицу в современном Кампонгкрасанге, к северо-западу от Ловека, начал там широкое строительство, но затем вернулся в Ловек. Бором Реатеа вел и активную военную политику, в ходе ряда походов на Аютию был окончательно возвращен Корат. Затем кхмерская армия нанесла тяжелое поражение армии лаосского короля Сеттатирата в сражении при горе Сантук, когда пехота и флот лаосцев были разгромлены, а армия Бором Реатеа захватила много пленных. После этого кхмерские армии снова вторглись в Аютию и дошли до ее столицы; хотя город взят не был, военный перевес Кампучии был очевиден и в 1566 г. Аютия, не дожидаясь нового вторжения, вернула Чантабун. Восстановленная граница XIV в. была отмечена каменными пограничными столбами. Армия кхмеров быстро обратилась против Сеттатирата, потерпевшего второй сокрушительный разгром в битве при Ка Чхораме, где тысячи лаосцев были взяты в плен. После Ка Чхорама Лансанг (Лаос) перестал быть военной угрозой для Кампучии, хотя территориальных приобретений за его счет сделано не было. В правление Бором Реатеа в Кампучии побывал великий португальский поэт Камоэнс, посвятивший стране и ее «гостеприимным берегам» немало строк в своей знаменитой поэме.

Кампучия была одним из сильнейших государств полуострова и при сыне Бором Реатеа, Сатхе I (1567—1574), короновавшемся в Ловеке. Он также совершил ряд походов на Аютию. В 1574 г. Сатха I отрекся от престола в пользу своего десятилетнего сына Чей Четты II, но фактическая власть оставалась в его руках до 1594 г. В эти десятилетия продолжалось широкое религиозное строительство; в частности, реконструировался, судя по надписям 1577 и 1579 гг., Ангкор Ват, несмотря на то что он сохранял свой вишнуитский характер. Организовывались пышные религиозные церемонии с участием членов королевской семьи; королевская власть во многом по-прежнему носила и религиозный характер. В 1577 и 1579 гг. состоялись торжественные церемонии с участием женщин королевской семьи в Ангко-

[1] Переданная Диогу де Коута одним из португальских авторов (по признанию последнего, тоже с чужих слов) легенда о случайном обнаружении Анг Тяном Ангкора в 1550 г. никак не может соответствовать действительности, так как он укрепился там еще в 1515 г. Скорее всего это искаженное отражение старой кхмерской легенды об обнаружении удобных для строительства мест в процессе охоты на слонов, легенды, восходящей еще к IX в.

ре — массовые религиозно-монархические манифестации. Наследник при рождении был посвящен Будде; эти и многие другие факты прямо связывались с необходимостью божественного покровительства государству. Но вряд ли справедливы утверждения ряда португальцев, что Ангкор снова стал столицей; хроники, обычно тщательно фиксировавшие переносы столицы, ничего об этом не сообщают.

То процветание, которое в отличие от многих других государств Юго-Восточной Азии европейские авторы отмечали в Кампучии в первой половине XVI в., продолжалось и во второй половине этого века. Регулярно расширялись и ремонтировались ирригационные системы, в чем значительную роль играло использование государственной барщины крестьян. Страна производила и вывозила массу зерна, скота и рыбы; высоко ценилось качество кхмерского риса. В аграрных отношениях уже полностью исчезли остатки имперской системы, верховная собственность монарха на землю приобрела законченный характер. Крестьяне имели владельческие права только при условии обработки земли; если трудоспособный глава семьи умирал и хозяйство как экономическая единица исчезало, его семья не могла претендовать на остающиеся необработанными и теряющие свою ценность земли. В условиях многоземелья и исчезновения сельских общин, отличавших Кампучию в XV—XVI вв., подобное положение не означало гибель семьи от голода, поскольку малолетний наследник мужского пола по возмужании (до этого, по свидетельству источников, такие семьи пользовались поддержкой родственников) свободно получал новый участок, если уже был в состоянии его обработать. Эта система сохранилась в Кампучии до XIX в. и будет более подробно описана далее, поскольку сделать это позволяют именно поздние источники.

В правовом отношении власть монарха продолжала быть абсолютной, не существовало наследственных сословных привилегий, ограничивающих власть монарха.

Города Кампучии, такие, как Ловек, Ангкор, Срей Сантхор, Пномпень и другие, были густо заселены ремесленниками и торговцами (помимо чиновников, солдат и многочисленных слуг, кньомов и свободных). Кампучия производила шелковые, конопляные и хлопчатобумажные ткани, лак, квасцы, производились и добывались на месте или реэкспортировались золото, серебро, олово, свинец, медь, вывозились сандал, опиум, слоновая кость, камфора, воск, благовония, драгоценные камни. Особую традиционную отрасль представлял вывоз обученных слонов. Развита была и внутренняя торговля по водным артериям, многие предметы экспорта накапливались в результате внутренней торговли и торговли с лаосцами. Широко использовались кхмерские деньги, а для мелких операций — небольшие штуки материи, как и в других странах Юго-Восточной Азии.

Ввозили изделия из фарфора, серу, ртуть, определенные ви-

ды шелковых тканей, пушки, ружья и боеприпасы. Внешняя торговля (что составляет специфическую особенность Кампучии, как и Сиама этих веков) находилась в руках местных китайцев, которых в одной только столице было несколько тысяч. Но верховная власть в сфере торговли принадлежала специальным королевским чиновникам, многие товары были монополией короны.

В 70-х годах Аютия начинает стремиться вернуть себе военную инициативу на востоке. Ее король Пра Нарет к 1583 г. собрал армию в 100 тыс. (по другим данным, 50 тыс.) солдат и начал войну. Тайской армии удалось захватить Баттамбанг и Поусат; затем началась осада столицы. Как это бывало и раньше, исход войны решила полевая кхмерская армия, подошедшая к столице и разбившая таи; они были быстро изгнаны из страны. Но в это время в Кампучии началась эпидемия холеры, в ряде областей вымерла значительная часть населения, начался голод. Напряженным, несмотря на победу, было и внешнеполитическое положение, необходимо было усиливать армию.

В ходе усиления армии при кхмерском дворе, как это делали тогда многие государи Юго-Восточной Азии, была сформирована небольшая гвардия из испанских, малайских и португальских наемников. Из их среды выделился энергичный португалец Велосо, вскоре женившийся на отдаленной родственнице Сатхи I. Его деятельность при кхмерском дворе впоследствии стала одним из сюжетов португальской приключенческой литературы, данные которой при достаточно критическом подходе могут быть использованы для восстановления ситуации при дворе в годы его пребывания там. К сожалению, историки не располагают конкретными воспоминаниями участников событий (кроме писем миссионеров, как правило), а их литературные переработки, как уже давно установлено, были сделаны далеко от Кампучии и содержат массу откровенных вымыслов, никем из исследователей не принимаемых за действительные события. Б. Гролье провел значительную часть критического исследования этих текстов, показав противоречивость многих из них. Но и теперь трудно сказать о роли европейцев что-либо определенное, кроме того, что их появление оба раза вызывало кровавые столкновения в портовой части столицы и что двое португальцев входили в состав двора Сатхи I и его преемника. В кхмерских Королевских хрониках португальцам уделяется всего несколько слов.

Ангкор производил на португальцев впечатление «самого красивого, прекрасно оборудованного для жизни и самого чистого города в мире». Действительно, подробное описание цветущего, с дворцами, широкими улицами и каналами, с прекрасно действующей системой водоснабжения Ангкора 80-х годов XVI в. заставляет вспомнить, что ни один источник не сообщал о разрушении города в предшествующие века, а только о гра-

бежах и угонах горожан, после которых в городе всегда оставалось еще много жителей. В то же время очевидно, что численность горожан там несомненно уменьшилась по сравнению со временами империи; достаточно вспомнить десятки тысяч, угнанных в Аютию, и более скромные, чем ранее, цифры населения в источниках XVI в. При этом необходимо учитывать, что одновременно стало больше крупных городов, чем во времена империи с ее мегаполисом Яшодхарапурой и средними по размерам другими городами.

Все авторы пишут о величии кхмерского короля, о силе его власти, пышности двора, в практике которого осталось многое от времен дева-раджи; экономическая и политическая власть короля была всеобъемлющей. В то же время церемониал заметно упростился по сравнению с концом XIII в.

Основу класса феодалов составляли служилые феодалы-чиновники, многочисленные родственники короля, придворное индуистское духовенство и буддийское монашество. Наследственная земельная собственность существовала, насколько можно судить, только для высших феодалов, родственников короля. Неотъемлемой считалась и земельная собственность буддийских храмов, заметно сократившаяся в размерах. Обрабатывали землю юридически свободные крестьяне, а также во владениях светских и духовных феодалов — кньомы, сидящие на земле. Примечательно, что институт рабства, так поражавший европейцев в кхмерском законодательстве начала XIX в., португальцы и испанцы, знакомые лишь с практикой общественных отношений, почти не описывали; в этой связи отметим, что фактическое положение «раба» было близко к положению зависимого крестьянина или потомственного слуги в доме.

Европейцы, подробно описывая сложный государственный аппарат, отмечали специфическое для Кампучии высокое развитие судебных институтов, столичных и провинциальных судов. Страна делилась на провинции (сроки) и города (пномы). Города управлялись королевскими чиновниками, городское самоуправление отсутствовало.

В духовной жизни страны безраздельно господствовал буддизм теравады; монахов, как и во всех теравадских странах, было очень много, но монастыри и храмы владели незначительными участками земли.

Что касается роли португальцев и испанцев, то они в основном были нужны не как военная сила (ни одной битвы их участие не решило, даже по их рассказам), а как посредники в приглашении европейских флотов для участия в военных действиях; так делали в XVI—XVII вв. также вьетнамцы и таи. В обмен представлялись те или иные торговые привилегии. В качестве таких посредников выступали и миссионеры (отец Азеведо). Теперь, на рубеже 90-х годов, когда военное счастье склонялось на сторону Аютии, за флотом на Филиппины был

отправлен Велосо. Предлагая прислать военные корабли, вершину тогдашней боевой техники, Сатха I и его соправители соглашались и на приезд монахов, хотя никто при дворе в христианство не перешел и, насколько можно судить, даже не собирался. Велосо не удалось убедить испанские власти на Филиппинах, и соглашение не состоялось; в 1594 г. тайской армии с большими потерями удалось взять Ловек. Понимая, что о длительном пребывании в городе думать не приходится, тайцы разграбили город, уничтожили огромные архивы королевства, хроники, своды законов, религиозные сочинения. Были увезены многие буддийские святыни (в том числе Изумрудный Будда и статуя священного быка Нандина). Масса книг была увезена в Аютию, и средневековые кхмерские хронисты писали потом, что тогда таи украли у кхмеров многочисленные знания и стали благодаря этому сильными. Лишь у народа с глубочайшими традициями уважения к культуре могла возникнуть такая легенда.

В третий раз сложилась ситуация, при которой в столице сидел тайский гарнизон, а кхмерский король и его армия контролировали остальную страну. Но эта война была труднее предыдущих. Сатхе I и его сыну-королю пришлось отступить и укрепиться в старой столице, Срей Сантхоре, откуда они отступили дальше к границе Лансанга. По всей стране полыхала война. Тем временем родственник Сатхи I, Тюнг Прей, собрал большую армию, и всего через несколько месяцев после падения Ловека город был взят кхмерами штурмом, тайский губернатор казнен. Тюнг Прей был провозглашен королем под именем Преах Реама (1595—1596); он также сделал своей резиденцией Срей Сантхор. Его правление длилось недолго, европейские наемники подняли мятеж, который был тут же подавлен, но в ночной битве король был убит случайным выстрелом. Сразу после провала мятежа отступил и испанский флот, пришедший в Кампучию уже после освобождения Ловека и не оказавший кхмерам помощи в войне.

После смерти Преах Реама власть перешла к одному из сыновей Сатхи I — принцу Тону. Именно тогда два португальца оказались в окружении короля; он возобновил при их посредничестве предложение о военном союзе, направленное испанским властям на Филиппинах. Союз был заключен, но прибытие испанских судов ознаменовалось грандиозной дракой с обитателями квартала азиатских купцов-иностранцев. Королевская армия в это время подавляла восстание в Тхбонг-Кхмуме и не могла прийти на помощь незадачливым союзникам. Не выдержав атаки разъяренных грабежами купцов, испано-португальское воинство разбежалось и было почти полностью истреблено, спасся только один корабль.

Интерес к европейской «помощи» после этого пропал, прекратилась и пропаганда христианства. Возвратившаяся армия

быстро укротила разбушевавшиеся страсти, но Тон был убит в уличном бою, и двор возвел на престол его дядю. Ему удалось быстро подавить городское восстание в Тядомуке, но в стране, разоряемой бессмысленными усобицами и еще не оправившейся от тайского набега, росло возмущение неспособностью феодального правительства обеспечить порядок в стране. Началось восстание, во многом напоминавшее восстание Най Кана, — восстание под руководством «чудотворца» Кео. В ходе войны с восставшими король был убит, но восстание Кео заставило кхмерских феодалов сплотиться вокруг третьего сына Сатхи I, принца Ниума; желая избежать новой борьбы за престол, придворные круги провозгласили его не королем, а регентом. Ниум смог подавить восстание Кео, вождь повстанцев был казнен. Вскоре энергичный регент был сменен по настоянию министров, ряда губернаторов провинций и глав духовенства, пригласивших на трон «законного» наследника Сорьопора (Баром Реатеа IV, 1603—1618), находившегося в плену в Аютии. Он был отпущен тайским королем на определенных условиях, смысл которых стал очевиден вскоре после его возвращения. Возвращение Сорьопора вызвало сопротивление противников тайского влияния во главе с регентом: тогда Сорьопор развязал междоусобную войну и попросил помощи у Аютии. Его опорой стали южные провинции, захваченные войсками его сына Преах Утея. Армия Ниума была разбита, а сам он казнен. Сорьопор занял Срей Сантхор и территорию современной пров. Кампонгсвай, затем Ангкор и восточный рисовый район. После поражения Ниума его власть устанавливалась везде сравнительно легко, кроме пров. Треанг, где сопротивление было подавлено силой оружия. Определенную роль в укреплении власти нового короля сыграли щедрые дары буддийскому духовенству, раздача земель и строительство храмов.

Платой за военную помощь Аютии было усиление при дворе тайского влияния. На короткий срок Сорьопору удалось ввести при дворе ряд тайских обычаев в этикете, одежде, но дальше этого он пойти не успел. Хотя власть от него мирно (через отречение) перешла к Чей Четте II (1618—1628), новый король вернулся к традиционной политике, немедленно отменил тайские обычаи, перенес столицу в Удонг. При нем были проведены важные реформы в административном управлении и судопроизводстве.

Глава 4

КАМПУЧИЯ В XVII—XVIII вв.

Экономика страны за мирный период правления Сорьопора явно укрепилась, средств у Чей Четты II было достаточно. Благодаря его строительству Удонг быстро разросся и стал столи-

цей на века, до 1867 г. Близ столицы воздвигались огромные ступы над могилами кхмерских королей и в честь побед кхмерской армии. При Чей Четте II начались дипломатические контакты с укрепившимся на юге Дайвьета родом Нгуенов, дочь главы этого феодального рода в 1620 г. стала одной из жен Чей Четты II. В Удонге появились вьетнамские торговцы и предприниматели, конкурировавшие с японскими и китайскими купцами, была основана и голландская торговая фактория, ведшая крупные операции.

По инициативе Чей Четты II были начаты разработки золота на севере в Аттопе. Но, когда разработки уже начались, разразилась эпидемия, и горняки и администрация вымерли почти полностью.

В 1625 г. кхмерская армия нанесла два поражения тайским войскам: одна победа была одержана самим Чей Четтой II при Барибауре, вторая — принцем Утеем в Баттамбанге. Попытка тайского флота подняться в следующем году по Меконгу окончилась его разгромом. В последние годы правления Чей Четты в юго-восточной пров. Прейкор (Сайгон) стали появляться с разрешения кхмерской администрации вьетские крестьяне, устраивавшие свои поселения на свободных землях. Распространение поселений вьетских крестьян в дельте Меконга не шло за счет земель относительно немногочисленных здесь кхмерских крестьян, поскольку последние традиционно селились на небольших песчаных возвышенностях, а первые — у слияния рек, на мысах и других низинных участках. Налоги они платили, как и кхмерские крестьяне. Некоторое время спустя для организации их дел появился, также с разрешения кхмерских властей, специальный чиновник из Дангчаунга (так называлась южная часть Дайвьета, где под номинальным руководством общевьетнамской династии Ле правил род Нгуенов). Для содержания аппарата этого чиновника был выделен специальный торговый налог. Постепенно появилось вьетнамское поселение и в городах Прейкор, Бариа (совр. Бажя) и Кампеанг Срекатрей (совр. Бьенхоа). Отношения государств в этот период были дружественными, поскольку здесь осуществлялась власть кхмерских королей, а налогов стали собирать больше.

С конца 20-х годов при дворе вновь вспыхнула ожесточенная борьба за власть. Два года (1628—1629) после смерти Чей Четты II правил регент при То, сыне Чей Четты II. То (Тхоммо Реатеа II, 1629—1630) во время пребывания королевской семьи в Ангкоре влюбился в жену регента и забрал ее к себе во дворец. Началась его вооруженная борьба с регентом. Армия поддержала регента, королевская гвардия была разбита, Тхоммо Реатеа II захвачен в плен и расстрелян. На троне оказался его брат Понья Ниу (1630—1640), фактическая же власть осталась в руках регента. При нем возникший еще в 1627 г. конфликт с нидерландской Ост-Индской компанией был успешно разрешен

после уступок со стороны компании. Голландская фактория продолжала свою деятельность, особенно расширившуюся в 1640—1642 гг. В 30-е годы в пров. Ромеан Трул произошло народное восстание, подавленное королевской армией.

Смерть Понья Ниу дала регенту возможность попытаться посадить на трон собственного сына Анг Нона I (1640—1642), но эта попытка передать власть в руки новой ветви королевской семьи вызвала вспышку борьбы при дворе. Принц Чан, организовал заговор, регент был убит, Анг Нон I заточен в тюрьму. Многие министры, с которыми Преах Утей правил страной, были казнены, недолгое время спустя та же судьба постигла и Анг Нона. Жестоко расправившись со сторонниками регента, Чан короновался; он известен как Рама Тхуфдей Чан (1642—1659). После воцарения Чан пошел на компромисс с оставшимися сторонниками Преах Утея, и родственник последнего получил третий в государстве пост оббореатя. Отношения с голландцами в начале 40-х годов были ровными, торговля приносила значительные выгоды компании; из страны вывозили лак, сандал, слоновую кость, ввозили огнестрельное оружие, серебро.

Середина XVII в. в Кампучии ознаменовалась острым религиозным конфликтом. Жестокий и неуравновешенный, боявшийся своего двора и окруживший себя тьямско-малайской гвардией, Рама Тхуфдей Чан в 1643 г. неожиданно принял ислам, сменил имя (стал зваться Чан-Ибрагим) и попытался, опираясь на религиозный авторитет монарха, внедрить в стране новую религию. Но пропаганда ислама имела не больший успех, чем пропаганда христианства; тогда Чан-Ибрагим вступил в открытое противоборство с большинством населения страны и двора. Ориентация на малайский мир принесла с собой и конфликт с компанией, чья фактория была разгромлена в 1643 г.; год спустя голландский корабль был захвачен кхмерским флотом. Ответное нападение войск компании провалилось, так как кхмерские батареи нанесли голландскому флоту большой ущерб. Вслед за этим флот Чана повредил и чуть не захватил еще один голландский корабль. Дальнейшие внешнеполитические осложнения в сочетании с брожением в стране были невыгодны Чану, и впоследствии он возместил компании убытки, хотя и отказал голландцам в монополии в европейской торговле в Кампучии. Переговоры 1652 г. окончились компромиссом, но восстановленная фактория вскоре была разгромлена вьетнамскими конкурентами компании.

Сторонники буддизма скоро нашли себе вождя среди потомков Преах Утея; им стал его сын Преах Батом Реатеа, открыто выступивший в 1658 г. Хотя первые сражения он проиграл, общенародная поддержка помогла ему продолжить борьбу, тем более что на помощь ему пришли небольшие отряды вьетнамцев и, главное, их флот, разбивший флот Чана при Бариа. Вскоре и на суше Преах Батом Реатеа разбил Чана, взятого в

плен и вскоре умершего (1659). Преах Батом Реатеа (Батом Реатеа, 1659—1672) немедленно восстановил буддизм как государственную религию. В благодарность за поддержку в борьбе с исламом он расширил привилегии вьетнамцев в Прейкоре, где их имущественные права были приравнены к правам кхмеров. Тогда же он поднес подарки Нгуенам. Положение в стране некоторое время оставалось еще неспокойным (в 1660 г. пришлось подавлять в Тхбонг-Кхмуме восстание тьямских и малайских наемников Чана); этим и могли объясняться уступки Нгуенам. В 1665 г. восстановилась торговля с голландцами, которые вывозили перец, ставший экспортной культурой Кампучии в XVII в., слоновую кость, рога буйволов и оленьи шкуры. В 1666 г. в Понхеалу возникла первая христианская община, паства которой состояла из португальцев, китайцев и вьетнамцев.

В 1672 г. дворцовый заговор привел к смерти Батом Реатеа, а вскоре — и организатора заговора. Сын Батом Реатеа, при котором был восстановлен порядок, короновался в 1673 г., но в том же году против него выступил его двоюродный брат Анг Тан (отметим, что обилие придворных переворотов — это специфика не столько Кампучии, сколько кхмерских хроник, чьи авторы проявляли исключительный, даже для феодальных времен, интерес к жизни двора и не замалчивали даже незначительные конфликты). Борьба братьев дала Нгуенам долгожданный предлог для вмешательства в дела страны. Тюа (правитель) Дангчаунга из династии Нгуенов, Хиен, послал значительные силы для вмешательства в борьбу в Кампучии, в которой участвовал и Сиам. Это было крупное по масштабам участие Нгуенов в кхмерских делах. Войска под командованием полководца Зыонг Лама пошли на помощь одному из двух претендентов на престол — Анг Тану; его соперником был занимавший престол Анг Тей. С Зыонг Ламом шло 22 тыс. человек, конница и слоны, по тем временам это была большая армия. К этому моменту Анг Тан уже многое потерял и находился в Восточной Кампучии, да и там ряд городов был занят сторонниками Анг Тея. Зыонг Лам начал с осады городов Прейкора и Битьдоя, а после их взятия развил наступление дальше. К этому времени Анг Тей погиб, вскоре умер и Анг Тан. Хотя его преемник Анг Нон (1674—1675) вступил в столицу — Удонг, брат Анг Тея собрал новые войска и изгнал Анг Нона и Зыонг Лама из столицы и центральных районов страны. Вскоре он короновался под именем Чей Четта IV. При нем войска Нгуенов не рисковали вторгаться глубоко в страну, зато они пригрели Анг Нона и помогли ему закрепиться в районе Прейкора. Там он объявил себя независимым под сюзеренитетом Нгуенов. Это был первый серьезный успех южной политики Нгуенов, хотя война не увенчалась для них непосредственными территориальными приращениями.

Чей Четта IV правил страной с 1675 г., его правление зна-

меновало собой начало периода политической стабилизации. Он ввел в управление страной принцип, давно применявшийся вьетнамцами, — прижизненное отречение от трона с сохранением реальной власти и права на возвращение на трон. Это позволяло избегать столь частых при кхмерской системе наследования (отсутствие официально признанной традиции предпочтения старшего сына) дворцовых потрясений, социально не мотивированных, но ослаблявших страну. Эта устаревшая система сложилась еще в период империй, когда больший объем власти монарха заставлял компенсировать возможные случайности рождения практической выборностью монарха, но отсутствие столь же сильных, как империя, соседей не позволяло им использовать периоды «посмертной нестабильности». Теперь же эта система стала столь же немотивированной, сколь и опасной, и от нее начали отходить.

Чей Четта IV продемонстрировал переход к новой политике, перенеся столицу из Удонга в Траном Чрунг (Самронг Тонг), но крупные изменения были проведены им позднее, так как продолжалась борьба с Анг Ноном. Когда к берегам Дангчаунга в 70-х годах стали прибывать беженцы из Китая, противники манчжуров, Нгуены, вспомнили о недавно приобретенном вассале — Анг Ноне. Его быстро убедили разрешить китайцам (их было несколько тысяч) поселиться на землях в дельте Меконга, права на которые у него оспаривались Чей Четтой IV; последнего, кстати, Нгуены считали «главным королем» Кампучии. Места эти всегда были слабо заселены, там гнездились морские пираты, и государственная власть ощущалась далеко не везде. В этих провинциях Бариа и Даунгнай уже имелись кроме кхмерских и поселения вьетнамских крестьян; официально левобережье дельты Меконга входило в княжество Анг Нона, и с ним вопрос согласовали, «чтобы Камбоджа не отделилась».

В 1682 г. Анг Нон, набрав в свою армию новых подданных— китайцев, напал на Чей Четту. Не ожидавшие нападения войска последнего вначале отступили из провинции Канкау (совр. Басак) и Прах Трапеанг (совр. Чавинь) на север; затем Чей Четта укрепил армию, получил помощь от тайцев и в 1684 г. вернул обе провинции, заставив Анг Нона отступить в Прейкор.

В 1687 г. Чей Четта IV отрекся от трона в пользу своего племянника, но тот вскоре умер, и Чей Четта вернулся из монастыря на трон. В 1688 г. глава группы южнокитайских беженцев Янь Аньди был убит неким Фо Хуаньцзинем. Хуаньцзинь назвался «Грозой полководцев», построил крепость, отлил пушки; его отряды занимались речным пиратством. Чей Четта, видя неспособность Анг Нона обуздать пиратов, начал борьбу за возвращение Прейкора. Им были прерваны дипломатические контакты с Дангчаунгом, построены по берегам Меконга три крепости; в судоходных протоках были натянуты железные цепи. Обеспокоенный Анг Нон сообщил Нгуенам о происходящем.

Тюа Нгиа и его советники решили попробовать устранить Фо Хуаньцзиня силами местных войск, а если не выйдет — послать войска Анг Нона и вьетнамские части.

Чей Четта грозил китайцам выселением за их вмешательство в отношения двух стран. Фо Хуаньцзинь отрицал грабежи и попытки создания собственного владения на территории Кампучии, говорил, что выступить его заставили притеснения вьетнамцев. Затем он скрылся в своей крепости в непроходимых джунглях, не пожелав сражаться ни с кхмерской, ни с вьетнамской армией (с юга уже подходила двадцатитысячная армия под командованием одного вьетнамского и одного кхмерского генералов). Вьетнамскому полководцу Ван Лонгу удалось выманить Фо из крепости; хотя сам мятежник скрылся, его крепость была взята, а семья казнена. Непосредственная задача похода была решена, но, видимо, у Ван Лонга имелись тайные инструкции, так как его армия вдруг двинулась вверх по реке, и три крепости Чей Четты были взяты. Вскоре, впрочем, авангард союзной армии, руководимый Анг Ноном (5 тыс. человек), был разбит Чей Четтой в битве при Веал-Хонге. Вьетнамские войска, продвинувшиеся дальше, узнав о поражении, повернули назад и ушли. Поход, видимо, был тяжелым: несмотря на отсутствие победы и отказ Чей Четты от уплаты «дани», Ван Лонг увел армию в Дангчаунг и там распустил.

Зато Анг Нон энергично готовился к новому походу. В 1689 г., набрав тьямов в Дангчаунге и китайцев из поселений дельты Меконга, он снова двинулся на север, где его войскам удалось захватить Пномпень. На этот раз Чей Четте пришлось выделить Анг Нону город Срей Сантхор и признать сюзеренитет Нгуенов. Анг Нон очень скоро умер, сюзеренитет остался мертвой буквой, но после смерти Анг Нона Нгуены объявили, что, поскольку тот не назначил наследника для своих владений в Прейкоре (хотя самостоятельным монархом он не был даже в глазах Нгуенов), эти земли по левому берегу дельты Меконга присоединяются к Дангчаунгу.

В 1691 г. Чей Четта IV официально короновался в качестве короля. 90-е годы ознаменовались усилением феодально-бюрократического аппарата, усилением власти феодалов над крестьянами в рамках широких законодательных реформ этого монарха. Кодекс был пересмотрен и приспособлен к новым условиям, отменен ряд жестоких наказаний, изменена организация судов; особенно важно законодательное закрепление социальных изменений в обществе в XVI—XVII вв.

Отношения с Дангчаунгом постоянно оставались напряженными, в 1692 г. в Кампучии получили приют бежавшие оттуда после исчезновения последнего тьямского княжества Пандуранга тьямы; они были поселены близ Ловека. Тогда же в пров. Бати были расселены лаосские военнопленные. Второе правление Чей Четты IV (1695—1699) было отмечено мятежом Ема — одного

из высших сановников; несмотря на поддержку Дангчаунга, он был разбит в Компонг-Хнанге (совр. Кампонгчнанг) и убит. Но основная цель кхмерского короля — возвращение Прейкора, Бариа и Кампеанг Срекатрея достигнута не была. Там уже сложилось значительное вьетнамское и китайское население. Опираясь на соглашения с Анг Ноном, Нгуены превратили эти три провинции в часть Дангчаунга.

В 1699 г. Чей Четта вторично отрекся в пользу своего зятя, известного полководца Анг Ема (1699—1701), но вскоре его отстранил, объявив неспособным к управлению государством, и в третий раз взял власть. Это было своевременно, ибо конфликт с Дангчаунгом продолжался. Поддержанный Нгуенами вельможа Ким поднял новое восстание, и Чей Четта, опасаясь неблагоприятного исхода событий, переехал в Поусат. Впрочем, восстание Кима было быстро подавлено, сам он сдался в плен. В 1702 г. Чей Четта официально передал власть своему 12-летнему сыну Тхоммо Реатеа (его первое правление — 1702—1704), продолжая фактически управлять страной. В 1704 г. он вновь взял власть, а в 1706 г. кончилось его последнее официальное правление; на трон был возвращен Тхоммо Реатеа (его второе правление — 1706—1710).

Длительное правление Чей Четты IV сопровождалось укреплением внутреннего и внешнеполитического положения страны.

К середине XVII в. Кампучия продолжала оставаться одним из сильнейших государств полуострова. Она занимала среднее и нижнее течение Меконга, часть его дельты и восточную часть бассейна Менама и вела упорную борьбу на севере и западе с тайскими феодалами.

Основой административного деления страны была в то время провинция — кхет, состоявшая из округов — сроков. Срок состоял из нескольких деревень — кхумов. Кхум состоял из нескольких десятков дворов, внутренними делами кхума руководил выборный староста — мекхум. При сохранении ряда элементов общинной жизни (совместное выполнение некоторых сельскохозяйственных работ, решение месроком мелких судебных дел и т. д.) в кхмерской деревне основной единицей была уже не община, а двор. Крестьяне не были приписаны к определенной деревне и могли перемещаться по стране, чему способствовало обилие удобных для обработки земель. Но где бы ни жил крестьянин, он платил налог государству и выполнял различные обязанности в отношении того феодала (мекомланга), в число «клиентов» (членов комланга) которого он входил. Своеобразная форма феодальной зависимости, для которой термин «клиент» подходит в наибольшей степени, сводилась к следующему. Каждый крестьянин обязан был иметь «патрона» (мекомланга) из числа феодалов, обычно столичных (где жили почти все крупные сановники государства). Наличие патрона делало крестьянина юридическим лицом, если он вступал в какие-либо де-

ловые или юридические контакты вне своего срока. Со своей стороны, он делал «патрону» определенные взносы продуктами и деньгами, выполнял под его руководством государственную барщину, порой работал на него. Но все эти повинности имели место в том случае, если крестьянину было что-то нужно от «патрона», если он уже обращался к «патрону» ранее и пользовался его поддержкой или если он прибыл отбывать государственную барщину. Более регулярной формой эксплуатации были налоги, часть которых шла местным феодалам-чиновникам, часть — на содержание королевского двора и крупных столичных сановников. Крупные феодалы — члены королевской семьи имели право на сбор налогов с целой провинции, средние и мелкие феодалы — чиновники пользовались правом сбора налога с меньшей территории, а также имели земельные участки, сдаваемые в аренду крестьянам. Подобные земли были и у буддийских храмов.

В XVII—XVIII вв. произошли заметные изменения в культуре. На смену искусству, вдохновляющемуся образцами эпохи империи, пришел новый, глубоко кхмерский стиль, отличающийся большим многообразием, более кхмерскими антропологическими чертами статуй и рядом особенностей, связанных с преобладанием деревянной скульптуры.

К началу XVIII в. военная ситуация на западных границах Кампучии уже длительное время характеризовалась равновесием сил; тайцы не могли ассимилировать даже ранее занятые ими земли на востоке Сиама. Начало правления Тхоммо Реатеа II (1706—1717) было спокойным, но в 1708 г. ему пришлось столкнуться с восстанием лаосских военнопленных, поселенных ранее в Бати. Во главе восставших стал смещенный в 1701 г. Чей Четтой IV экс-король Анг Ем. К восстанию примкнули племена шамров и куи в районах Ангкора и Компонг-Тхома (совр. Кампонгтхом), Анг Ема поддержали также Нгуены. Лаосцы и ополчения племен осадили Удонг, Нгуены заняли часть восточных провинций. После трехмесячной осады Тхоммо Реатеа отступил из столицы на запад и укрылся в Сиаме. Анг Ем вновь занял трон (1710—1722), но ему пришлось воевать с Тхоммо Реатеа и поддерживающими его сиамцами. Сложными были и отношения с недолговечным княжеством Маков в Южной Кампучии.

Когда в конце XVII в. в странах южных морей появились гуандунцы — сторонники династии Южных Мин, часть из них высадилась с разрешения кхмерских властей в кхмерской провинции Пеам; руководил ими некий гуандунец, известный впоследствии как Мак Кыу. Его самого и его спутников обязали изгнать пиратов с излюбленного теми участка побережья; в случае успеха этот участок (Бантеай Мас) мог стать местом поселения китайцев как подданных кхмерского короля. К 1710 г. Мак Кыу успешно справился с пиратами и получил звание гу-

бернатора Пеама, а затем и соседних Кампота, Компонг-Сома (совр. Кампонгсаом) и острова, ныне известного как Фукуок. Крепость Пеам получила название Хатиен (совр. Хатьен). Беглецы стекались к Мак Кыу, ехали сюда и вьетнамцы, хотя эта часть Кампучии тогда с Дангчаунгом не граничила. Города Хатиена стали получать дополнительные прибыли от растущей торговли, что первоначально было выгодно Кампучии, тем более что новые подданные служили в армии и флоте во время войн с Сиамом. Население в центральной и западной частях Хатиена оставалось кхмерским, а в восточной росло число китайцев и вьетнамцев. Где-то между 1708 и 1715 гг. Мак Кыу признал сюзеренитет правителя Дангчаунга Куок-тюа и вышел из-под непосредственного подчинения кхмерскому королю, хотя тот тоже оставался его сюзереном; в результате кхмерский король отнял у него большинство владений, ограничив их теперь только Пеамом, Фукуоком, Жатьзя и Камау. Этот район получил название «Торжище Хатиен» («Торжище Волшебной реки»). В этом маленьком княжестве, руководимом родом Ма (Мак), быстро развивалась торговля, возникла даже своеобразная литературная школа, питавшаяся буддийскими идеями из Дангчаунга и конфуцианскими из Фуцзяни.

Войны с Тхоммо Реатеа и его сиамскими союзниками в 1711 и 1716—1717 гг. были безрезультатны. Когда Сиам в 1717 г. опять ввел свои войска, чтобы поддержать Тхоммо Реатеа, Мак Кыу выступил на стороне Анг Ема, выполняя свой долг вассала Кампучии и Дангчаунга; за это тайский флот сжег город Хатиен. В это время на театре военных действий появился флот Куок-тюа, одержавший частичную победу над тайским флотом; угроза голода заставила отступить остальной тайский флот. Правда, сухопутная армия тайцев заняла Удонг, и на троне был восстановлен Тхоммо Реатеа. Анг Ем отступил в леса, где продолжал сражаться и звал на помощь войска Куок-тюа. Так как Нгуены не очень торопились, то тайские войска, не видя вьетнамцев, ушли [1].

Анг Ем вскоре изгнал Тхоммо Реатеа, нападения с запада были отбиты, но напряженность на западе облегчила Хатиену его сближение с Дайвьетом; в 1715 г. Маки стали вассалами Нгуенов, оставаясь кхмерскими наследственными губернаторами.

В 1722 г. Анг Ем отрекся в пользу своего сына, двадцатилетнего Сатхи II (1722—1736). Бо́льшая часть его правления, как и его отца, прошла в условиях экономической и социальной (хотя и не всегда политической) стабильности, отличавшей Кампучию первой трети XVIII в. Но в 1730 г. периодические конфликты между кхмерами и вьетнамцами в дельте Меконга приняли

---

[1] Тайские короли не нуждались в те времена в землях Кампучии, во всяком случае, не предпринимали попыток заселения занятых ими областей.

вид открытых столкновений. Часть кхмерского населения в провинциях дельты Меконга объединилась вокруг самозваного буддийского «святого» и стала нападать на вьетнамских поселенцев в районе Банама. Королевское правительство пресекло беспорядки, расследованием занялась специальная правительственная комиссия, но Нгуены использовали случившееся как предлог для начала войны. Их армии не удалось взять столицу, но и Сатха II, отступивший на северо-запад от нее в Сантук (пров. Кампонгтхом), изгнать их тоже не мог. Соглашение привело к уступке в 1731 г. лежащих на Меконге провинций Меса (совр. Митхо) и Лонгхор (совр. Виньлонг).

Проигранная война подорвала престиж Сатхи II, в 1736 г. при дворе возник заговор в пользу все того же Тхоммо Реатеа, возглавленный женой и двумя братьями короля. Прежде чем заговор был подавлен, Тхоммо Реатеа высадился в Кампоте, к Ангкору двинулись его союзники — таи, войска брата Тхоммо Реатеа, Анг Тонга, из западных районов страны двинулись на Удонг. Сатха II бежал в Дангчаунг в 1738 г. Тхоммо Реатеа был коронован в третий и последний раз в Удонге (1738—1747); Анг Тонг стал при нем оббореатем.

Поскольку территориальных конфликтов с Сиамом не было и Кампучии тогда на западе ничего не угрожало, основное внимание в это время уделялось юго-востоку. Отметим, что Кампучия XVIII в. вела меньше войн (и менее крупных по масштабам), чем Сиам или Дайвьет, но недостаточная исследованность внутренней истории привела авторов многих общих работ к впечатлению, что войны составляли основное содержание ее истории в это время.

Восстановив порядок в стране и проведя ряд мер по укреплению экономики, Тхоммо Реатеа не смог приостановить новую волну конфликтов в пограничных областях на юго-востоке. Часть подвергавшихся нападению переселенцев укрепилась на о-ве Лонг Пеам Миса, который Нгуены объявили частью своей территории. Тхоммо Реатеа начал поход на Пеам и в 1738 г. лишил Мак Тхиен Ты, сына Мак Кыа, прав наследственного губернаторства. Надеясь на помощь Нгуенов, Мак Тхиен Ты открыто отмежевался от Кампучии, и началась война. В 1739 г. соединенным войскам Маков и Нгуенов удалось отбить наступление войск Тхоммо Реатеа, но наступать союзники не рискнули. Тхоммо Реатеа, восстановив контроль над Кампотом и Компонг-Спе (совр. Кампонгспы), также не продолжал войну.

На смену Тхоммо Реатеа пришел выбранный сановниками и баку — придворным духовенством — Анг Тонг (1747—1749); «законные наследники» — сыновья Тхоммо Реатеа вынуждены были бежать в Дангчаунг. Тюа Во-вьонг в 1748 г. снабдил войсками экс-короля Кампучии Сатху II, и тот временно занял столицу Удонг, но вскоре восставшие крестьяне под руководством вельможи Ока выгнали Сатху II за пределы страны.

Новый король, Чей Четта V (1749—1755), был противником Нгуенов. Военный и внешнеполитический провал ознаменовал собой начало обострения ситуации в Дангчаунге. Война оказалась долгой и разорительной, Дангчаунг не имел сил для победы, как и Кампучия. Раз за разом вводил Во-вьюнг войска в Кампучию и, как правило, неудачно.

В упорной борьбе Чей Четта V смог отстоять границы королевства на западе и востоке и укрепить королевскую власть, но вскоре он умер. К власти вторично пришел Анг Тонг (1755—1757). При нем кризис кхмерского феодального общества проявился уже открыто. Стало ясно, что феодальные склоки были следствием каких-то глубинных явлений в социальной и политической жизни кхмерского общества, которые мешали его дальнейшему развитию. Быстро усиливавшиеся Сиам и Дайвьет, обогнав Кампучию в своем экономическом развитии, становились все более опасными соперниками.

При Анг Тонге была сделана попытка укрепления королевской власти за счет приведения ее в большее соответствие с социально-экономическими реальностями развивающейся страны, за счет отказа от устаревших династических традиций и архаического религиозного ореола вокруг личности монарха. Этот новый, более реалистический взгляд на королевскую власть проявился в политике Анг Тонга и его сына и преемника Преах Утея (1759—1775). Первый из них придал большой политический вес титулу оббореатя, первого принца крови; отныне при монархе было второе лицо, не наследник, но человек, кровно заинтересованный в прочности власти правящего монарха. Еще дальше пошел по этому пути Преах Утей, понимавший, что усиление соседей требует крутых мер по укреплению государства. Горький опыт дворцовой борьбы, с которой всегда начинались неудачные для кхмеров войны предшествующих десятилетий, заставил его отменить ряд привилегий членов королевской семьи, резко выделив из нее самого монарха. То чрезмерное почитание членов королевской семьи, которое избавляло их, как правило, от личного риска даже в случае поражения заговора, перестало быть практикой кхмерского государства.

Еще до своего прихода к власти, при втором правлении Анг Тонга, Утей, весьма либеральный в своих отношениях с чиновниками и вошедший в кхмерскую историческую традицию как добрый «милосердный монарх», провел последовательное физическое уничтожение многих представителей династий и высокопоставленных заговорщиков, как светских, так и ушедших в монахи. Это было не проявлением личной жестокости, тем более что преследования прошли быстро и не были массовыми, а утверждением нового принципа монархической власти как светской по преимуществу и личной, а не семейной. Преах Утей заложил основу новой структуры феодальной монархии, более соответствующей новым внутренним и внешним условиям, более

сходной с тогдашними нормами в других государствах Юго-Восточной Азии. И не случайно, что эту же политику проводил король-реформатор Анг Дуонг.

Дворцовые козни надолго прекратились, правление Преах Утея было длительным и успешным. Он признал за Нгуенами права на две провинции на юго-востоке — Срок Чанг (совр. Сокчанг) и Преах Трапеанг (совр. Чавинь); на длительный период положение на восточной границе стало спокойным.

Сложившаяся постепенно система двойного вассалитета в отношении Сиама и Дайвьета отражала факт неспособности этих феодальных государств захватить Кампучию. Напомним, что взгляд французских историков на эти процессы во многом определялся отождествлением этой ситуации с разделами на сферы влияния, типичными для эпохи империализма. На самом деле это была форма феодальных межгосударственных отношений, в выгодной для соседей форме отражавшая их неспособность к реальному контролю над страной.

Когда вследствие политического конфликта Преах Утей II односторонним актом разорвал вассальные отношения с Сиамом, сиамский король Пья Таксин в отместку стал поддерживать принца Анг Нона, бежавшего в Сиам. Последовавшие затем попытки Пья Таксина нанести поражение кхмерской армии в 1769 г. кончились неудачей. В 1770 г. сиамцы напали вновь, в развернувшейся войне Маки поддержали Преах Утея II, остававшегося в какой-то мере их сюзереном; военные действия шли с переменным успехом.

После смерти Пья Таксина сиамцы были изгнаны, но при дворе обострилась внутренняя борьба в связи с усилением влияния Нгуенов, чьи отряды помогли Преах Утею II. Анг Нон с кучкой сторонников еще сидел в пров. Кампот, однако его положение неожиданно стало улучшаться за счет бегства к нему противников усиления влияния Нгуенов. Напряженными были и отношения с ними у самого Преах Утея II, поскольку в это время началось восстание кхмеров в дельте Меконга. Помимо этого, патриотически настроенная часть феодалов-чиновников (особенно в провинциях) и буддийского монашества создала группу противников и Анг Нона и Преах Утея II. Бессмысленные войны претендентов после уступок 50-х годов наталкивались на растущее внутреннее противодействие. Именно дискредитация верхов вследствие придворных драк и дала, по-видимому, моральную основу в глазах всего общества для казней времен Преах Утея II. На подобные настроения оказало влияние и разорение Баттамбанга и Поусата во время войны с сиамцами, откуда сиамцы, отступая, пытались угнать максимум трудоспособного населения. Дополнительные трудности создали разразившиеся эпидемии холеры, затем оспы.

Страна нуждалась в передышке, и ее попытался дать Преах Утей II, отдав власть своему сопернику Анг Нону II (1775—

1779), чтобы прекратить внутреннюю борьбу. Получив власть, Анг Нон II принял ряд мер по ослаблению влияния Нгуенов. Это можно было сделать, поскольку в Дайвьете в это время началась крестьянская война тэйшонов, поставившая династию Нгуенов на грань гибели. Анг Нон повел войска в дельту Меконга и разбил отряды сторонников Нгуенов, группировавшихся возле Сайгона.

Но казнь Преах Утея II и министра общественных работ и перевозок Срея привела к возникновению заговора при дворе. Четыре брата-губернатора, сыновья казненного министра, свергли и казнили Анг Нона II. Главой правительства стал один из губернаторов — Му; на трон был посажен сын убитого Преах Утея II — Анг Енг (1779—1796). Практически власть находилась в руках триумвирата высших сановников: Бена, Му и Су.

Середина XVIII в. была отмечена наводнением, уничтожившим много рисовых полей. В конце 50-х годов развернулось восстание «людей леса», к которым примкнули «люди рисовых полей»; руководил восстанием, как и в 1700-х и 1710-х годах, некий маг (желание выработать свою, отличную от официальной, идеологию, не раз толкало крестьянство феодальной Кампучии к носителям «тайного знания»). Собрав около 3 тыс. человек, маг двинулся на столицу; правил он в занятых восставшими районах, по свидетельству историков, «очень сурово». После поражения вождь восстания был посажен в клетку и затем казнен. Следует подчеркнуть, что в XVIII в. в Кампучии несколько раз бывали привлекаемы к участию во внутренней борьбе так называемые люди леса, отряды которых выступали против центральной власти и нападали на столицу. Судя по данным хроники «Понгсавада», это были не представители племен и не крестьяне основных рисопроизводящих районов (их участие также специально оговаривается в хронике), а крестьяне из малонаселенных лесных районов, слабо контролируемых центральной властью.

В конце 70-х годов началось еще более крупное восстание крестьян в центральном сроке Кампонгсвай; в нем «лесные люди» уже не участвовали. Мобилизация мужчин в армию, а женщин и детей — на обрушивание (обмолот) риса для нужд экспедиционного корпуса, отправляемого вместе с сиамской армией в поход, проводилась здесь самыми суровыми мерами и повлекла за собой, по свидетельству хроники, «всеобщее разорение». Мобилизованные начали разбегаться, многие укрылись с семьями в лесу. Пытаясь остановить бегство, представители правительства прибегли к жестоким казням, а это повлекло за собой общее восстание. Правитель Кампонгсвая и представитель короля были убиты, а их головы выставлены на большой дороге. Анг Нон вынужден был провести расследование и наказать виновных в злоупотреблениях. К 1779 г. восстание постепенно пошло на убыль, но 80-е годы не принесли крестьянам

облегчения. Правление временщиков (Бена и др.) отмечено массовыми реквизициями, разгулом чиновничьего произвола, мобилизациями в армию и на строительство как в Сиаме, так и в Кампучии (укрепления в Удонге и др.). Во многих деревнях оставались одни женщины, значительная часть мужчин скрывалась в лесах, отряды бандитов действовали в это время, как пишет кхмерская хроника «Понгсавада», «во всем королевстве».

В последнее двадцатилетие XVIII в. Дайвьет, где шла война феодалов с крестьянами, не мог вмешиваться в дела Кампучии, но со стороны Сиама были предприняты серьезные попытки подчинения страны. Попытки эти были неудачны, хотя Кампучии и был нанесен большой урон. Нападения Пья Таксина закончились неудачей, сам он был казнен в 1792 г., и активность Сиама временно ослабла; зато внутри Кампучии началась борьба триумвиров Му и Су; Бен выступил на стороне Су. Они захватили Удонг, Му был казнен. Успешный заговор и убийство Су привели было Бена к власти, но войска убитого не допустили этого, и Бен бежал в Сиам, увезя с собой юного короля. Мальчика заставили вновь признать сиамский сюзеренитет (1794 г.). После этого Бен в сопровождении сиамских войск эскортировал короля в Удонг. В 1795 г. была проведена крупная административная реформа, призванная усилить централизацию, но политическая обстановка не способствовала ее успеху. Убедившись в отсутствии в Кампучии твердой власти, Сиам передал Корат, Сизофон, Баттамбанг, Ангкор и Монкол-Борей под управление Бена. Имея резиденцию в Баттамбанге, Бен правил от имени Анг Енга, но подати посылал в Бангкок. Тогда же 10 тыс. кхмеров были отправлены на строительство канала под Бангкоком и на другие работы.

Когда в 1796 г. Анг Енг умер, Бен не признал власть его малолетнего сына. Опасаясь за судьбу западных провинций, придворные круги оглядывались на позицию сиамского короля и не торопились с выборами нового монарха. Практическая власть оказалась в руках регента Пока, назначенного под сиамским давлением. В 1796—1806 гг. Пок правил, руководствуясь пожеланиями Сиама; кхмерская армия воевала вместе с сиамцами против Бирмы. Захваченные в ходе войны пленные частично были переданы Кампучии и поселены в Пайлине, где работали в копях по добыче драгоценных камней.

В 1800 г. кхмерская армия с согласия Сиама помогала Нгуенам в войне с восставшими крестьянами — тэйшонами. Но в бой кхмеры шли неохотно, массами дезертировали. Кроме того, они не очень разбирались в положении и, считая Нгуенов своими врагами, громили их сторонников тоже. Тем не менее Нгуен фук Ань (будущий император Вьетнама Жя Лаунг) благодарил их и вернул трофеи, прежде захваченные войсками Нгуенов.

В 1806 г. Пок умер, власть перешла к Анг Тяну (1806—1834), сыну Анг Ема. Хотя сиамскому двору и удалось добиться его коронации в Бангкоке, с самого начала своего правления юный король и его окружение начали успешную борьбу с сиамским засильем при дворе.

Что представляла собой Кампучия в XVIII в. в социально-экономическом плане? К этому времени там сложилась своеобразная разновидность феодализма, исследованием которой наука обязана советскому ученому Л. Д. Спекторову. Давний распад сельской общины, отличавший кхмерское общество, и обилие пригодных для обработки земель привели к тому, что при официальной собственности монарха на всю землю основной земельный фонд находился в частном владении юридически свободных крестьян и мелких феодалов. Помимо этого, существовали наследственное владение монархов в домениальных землях, служебное владение крупных и средних феодалов и «вечное владение» буддийских храмов.

Объектом владения применительно к основному земельному фонду была обработанная земля, так как необрабатываемое поле после трех лет, когда оно зарастало, уже не отличалось от необработанных земель, из фонда которых свободно выдавались участки любому свободному при условии уплаты налогов или несения службы. Основой владения был факт обработки данного участка, лишавший другое лицо права его занимать, но обязывавший обрабатывающего платить ренту-налог государству. Земельное право устанавливалось определенными государственными чиновниками на основе факта обработки. Напомним, что в условиях распада сельской общины с ее тесными экономическими и социальными связями и с учетом сравнительного многоземелья и отсутствия личной поземельной зависимости большинства населения иная система феодальной эксплуатации из числа известных нам не могла и возникнуть.

В отношении обрабатываемого и, следовательно, официально признанного земельным владением участка крестьянин мог осуществлять право наследования, дарения, купли, продажи, отдачи в залог. Во всех случаях предметом операции была земля плюс овеществленный труд по превращению ее в обрабатываемое поле. Но все приобретенные права имели место лишь при условии обработки земли и выполнения соответствующих обязанностей по отношению к государству и его чиновникам. При этом личное участие владельца в обработке земли могло и не иметь места, как было на землях феодалов, которые обрабатывались кньомами — лично несвободным кхмерским населением. Часть кньомов, в основном потерявших свободу в связи с неуплатой долгов, находилась в домашнем услужении, а часть их, кньом-край, обрабатывала землю кредитора. Земли феодалов могли обрабатывать и свободные крестьяне, не имевшие средств для подъема целины. Такие крестьяне платили земле-

владельцу арендную плату, тогда как кньом-краy платили оброк; Кампучия не знала барщинного хозяйства. Средние и даже порой крупные земельные владения складывались из удаленных друг от друга участков, на которых находились хозяйства кньом-краy.

В принципе все свободные землевладельцы, как неактьеа (свободные люди), так и представители аристократии и чиновничества, должны были выполнять повинности реатьэка (трудовая повинность) и платить налог; но последние были от них освобождены, как и их кньомы. В таком случае вся рента-налог шла феодалу. Если землю феодала обрабатывали неактьеа-арендаторы, то налоги с этой земли все равно не уплачивались. Это было основой феодальной эксплуатации крестьянства.

К классу феодалов относились прежде всего многочисленные родственники династии до пятого колена — преах вонгса (их было несколько сотен человек), затем родственники более далеких степеней — преах вонг (их были тысячи). Преах вонгса в значительной степени существовали на раздачи из дворца (поскольку в основном жили в столице), но могли иметь и земли. Преах вонг, находившиеся по преимуществу в провинциях, жили на доходы от своих земель; жившие в столице обычно еще и служили в государственных учреждениях. Владели частными землями наряду с должностными полями и намоэны—чиновники центрального аппарата в столице и на местах и намоэны — чиновники местного аппарата (тяувайкхеты и др.). Низшие группы местных чиновников не имели налогового иммунитета, но фактически всегда имели возможность уклониться от уплаты налога. Имели частные земли, свободные от обложения, преам или баку, — кхмерское индуистское духовенство. Все эти виды владения существовали лишь на обрабатываемых землях, необрабатываемые принадлежали государству, и в этом сказывалась верховная собственность кхмерского государства (конкретно — сдатя, монарха) на всю землю, собственность, выраженная в Кампучии очень ярко.

Имелись в стране и промежуточные слои, представленные низшими группами намоэнов, частью неслужащих преах вонг и небольшой частью неактьеа. Представители этих слоев не имели иммунитетов на всю свою землю, но использовали чужой труд на больших участках земли и так получали ренту. Сюда же входили преах вонг, которые сами обрабатывали свою землю, но налогов не платили.

Таким образом, имелись и наследственные титулованные феодалы — родственники сдатя, и условные феодальные держатели земли (чиновники-тяувайкхеты и другие), и свободные крестьяне, платившие государству ренту-налог, и зависимые крестьяне, обрабатывавшие землю феодальных владельцев. При этом официально все, кроме последних, были обязаны сдатю или налогом, или трудовой повинностью, или службой в

государственном аппарате. Последнее положение было юридическим оформлением феодальной структуры общества, так как давало право на иммунитет и труд зависимых. Но внешне все выглядели юридически равными перед сдатем в важнейшей сфере — владении землей, и это создавало ту иллюзию монолитности общества, которая была наряду с буддизмом тхеравады одной из форм идеологического подчинения трудящихся масс населения. Однако по своей социально-экономической сущности отношения эти были чисто феодальными, поэтому совершенно справедливо утверждение Л. Д. Спекторова о том, что «вся эта система была построена полностью в интересах господствующих в обществе слоев в нормах государственно-феодальной и частной феодальной собственности при номинальном юридически равенстве прав всех лично свободных подданных на землю перед лицом государя и по отношению друг к другу» [2].

Основным налогом был понг-срэу, налог с урожая в неочищенном рисе, равный одной десятой урожая. Помимо понг-срэу была еще масса регулярных налогов, транспортная повинность (она одна порой равнялась еще одной десятой доле урожая). Платить разрешалось и рисом и деньгами, широко проникшими в деревенский обмен в XVIII в. Для определения размера поступлений укажем, что урожай риса в Кампучии колебался от 20 до 32 ц с 1 га, что говорит о хорошем положении в сельском хозяйстве даже в политически трудные первые десятилетия XIX в. Примечательно, что в колониальной Кампучии 30-х годов XX в. производительность крестьянского хозяйства была ниже.

Важной формой эксплуатации было принудительное распределение между владельцами полей различной урожайности; лучшие земли путем внеэкономического принуждения оказались в руках сдатя и феодалов, что делало даже для свободных крестьян порой более выгодной аренду этих земель по сравнению с ведением самостоятельного хозяйства на худших землях. На землях среднего и худшего качества неурожаи постоянно разоряли часть неактьеа, что обеспечивало феодальным владельцам резерв рабочей силы — неактьеа, становившихся кньомами-должниками. Известно, что большая часть неактьеа сидела на землях предпоследней по качеству, третьей категории; на ней только простое воспроизводство требовало при среднем урожае площади в 3—4 га, для чего размер трудовых возможностей средней семьи был недостаточен. Таким образом, положение основной массы неактьеа было неустойчивым, в первой половине XIX в. регулярным явлением стало бегство крестьян, еще не превратившихся в кньомов, но уже обязанных столько отрабатывать кредиторам, что на своем поле они уже не могли вести

---

[2] Л. Д. Спекторов. Частновладельческие земли в Камбодже. — «Народы Азии и Африки». 1975, № 3, с. 92.

рентабельного хозяйства. Анг Доунг (1841—1860) решительно пресекал закабаление неактьеа; судя по объективной обоснованности этих мероприятий и их эффективности в других странах Юго-Восточной Азии, такая политика имела будущее. Но ее результаты не успели сказаться к середине XIX в.

Возвращаясь к средней норме эксплуатации для свободного крестьянина, укажем, что она составляла, по подсчетам Л. Д. Спекторова, от одной пятой до одной четвертой части урожая. Помимо риса значительный доход казне давало обложение плантаций перца, сезама, арахиса, шелковицы.

Трудовая повинность была организована при помощи специфических для Кампучии объединений свободных, называвшихся комлангами. Эта система (французские исследователи называли ее «клиентелой») сводилась к тому, что каждый неактьеа входил в комланг, подчиненный тому или иному преах вонгса или столичному намоэну, в отношении которого последний находился в состоянии личной, но не наследственной зависимости. Мекомланга — главу комланга, каждый член выбирал себе сам и не по территориальному, а по личному принципу; в основной массе мекомланги жили в столице. Разделение поземельной и личной зависимости отражало существенную специфику кхмерского общества, но обе эти формы зависимости были феодальными, так как обусловленную получением земли трудовую повинность неактьеа отрабатывал в составе комланга и под руководством его главы. В момент отработки трудовой повинности неактьеа попадал в зависимость от своего мекомланга, которому был поручен тот или иной объект трудовой повинности, тот или иной вид работы. Это усиливало личную зависимость неактьеа и заменяло отсутствующую в Кампучии общинную администрацию, обычно отвечающую за проведение такого рода работ. По мере развития общества и усложнения его хозяйственной деятельности это затрудняло проведение общественных работ; не случайно одной из реформ Анг Доунга был переход к более общей системе сбора крестьян на трудовую повинность через местных чиновников-тяувайкхетов, по территориальному принципу. Но в XVIII в. мекомланги были еще основными организаторами государственной барщины, и поскольку им за это причиталась четвертая часть отрабатываемых дней, они реализовывали внеэкономическое принуждение и в отношении лично свободных крестьян. Норма отработок при этом часто превышалась. Впрочем, этим злоупотреблениям не были чужды и тяувайкхеты XIX в., часто неактьеа гнали на личные земли тяувайкхета. Но подобная эксплуатация не была связана с проживанием неактьеа на этих землях и не приводила к созданию крупных земельных владений с большими компактными группами зависимых крестьян, так как эксплуатация эта была нерегулярной.

Работая на государство, неактьеа, как и анаки VIII—XV вв.,

строили дороги, крепости, зернохранилища, заготовляли строительные материалы. Многие откупались от повинностей, тем самым последние превращались в налог; это характеризует все экономическое развитие Кампучии в XIX в.

Уже говорилось, что феодальное землевладение пользовалось или трудом зависимых — кньомов, или трудом арендаторов — неактьеа. Основным источником пополнения рядов кньомов были обедневшие неактьеа, не сумевшие выплатить долги. Часть из них оставалась на земле, перешедшей к кредитору, некоторые (в городах) становились домашними слугами или оброчными торговцами. Более распространенной была эксплуатация кньома, в основном бывшего крестьянина, на земле как кньом-крау. Они могли эксплуатироваться или регулярно, или в определенных случаях; статус их был очень гибким. Поскольку часть кньомов регулярно выкупалась, можно сказать, что их эксплуатация ни в коем случае не сопоставима с рабской ни по социальному статусу, ни по экономическому положению. Накопленное кньомом для своего выкупа или для своих нужд имущество, в том числе скот, сельскохозяйственный инвентарь, запасы риса, не могло быть у него отнято. Это был зависимый крестьянин, но при этом не самый зависимый из известных разновидностей этой социальной группы. Мало того, при выкупе он получал свою, т. е. обработанную и имеющую определенную ценность, землю обратно. После смерти кньом-крау его имущество, нажитое после перехода в кньомы, доставалось его наследникам или родственникам, а не хозяину. Как видно из изложенного, статус кньома с XIII в. принципиально изменился, кньом-крау — фигура чисто феодальная.

Прочие категории зависимых — это в основном кон кхмуон, «добровольные слуги», сохранившие принадлежность к неактьеа, но не платившие налогов и не отбывавшие трудовую повинность. Доходы с земли такого лица делились между кон кхмуон и его хозяином. Группа эта была сравнительно малочисленна.

Был распространен и наемный труд в форме «помощи» феодальному землевладельцу со стороны неактьеа в рамках «йокка» — взаимопомощи. За этим архаическим понятием скрывалась обязанность неактьеа выполнять наиболее трудоемкие работы для какого-либо соседнего феодала. Он им не платил за это, а только кормил.

Остановимся на организации феодального государства в том виде, который она приобрела в XVIII в. Во главе государства стоял сдать, и от связей с ним зависело положение в иерархии для значительного числа феодалов. Дело в том, что привилегии в феодальной Кампучии не были строго наследственными, доходы родственников различных степеней родства были установлены различными. Естественно, что с приходом к власти каждого нового сдатя весь порядок внутри преах вонгса менялся, как и их доходы. Чиновничий аппарат также часто менялся,

поскольку был тесно связан с кадрами преах вонгса. Эта архаическая особенность, обусловленная тесной связью феодального класса с королевской семьей, также препятствовала укреплению наследственного феодального землевладения. Кроме того, новые начальники сами подбирали себе подчиненных, а это повышало мобильность кадрового состава аппарата. В то же время существовала и в значительной степени реализовывалась тенденция к наследованию должности. В целом кхмерское государство создало своеобразную и эффективную систему поддержания феодального класса в гораздо большей зависимости от монарха, чем в большинстве феодальных государств. Это, в частности, объясняет столь частую и ожесточенную борьбу за трон, порой при общем спокойствии в стране, которую эта борьба обычно не затрагивала.

Формально основой государственного аппарата были четыре «дома»: «дом сдатя»; «дом упайуреатя — наследника», «дом упрареатя» (или оббореатя) — «второго короля» и «дом варьеатини» — «жены короля». Номинально в каждом имелся двор, министры и т. п., но фактически все это было только у сдатя, а остальные «дома» были ведомствами по сбору в пользу данного лица доходов с тех кхетов, которые данному члену семьи сдатя полагались по титулу. Из 50 кхетов страны 35 были приписаны к «дому сдатя», остальным доставались соответственно 7, 5, 3 кхета. Понг-срэу из этих кхетов шел в соответствующий дом и собирался штатом этого «дома». «Дом сдатя» был собственно общегосударственным ведомством, и сбором понг-срэу здесь руководил главный казначей — вэанг. Административная власть во всех кхетах подчинялась сдатю, во главе кхета стоял тяувайкхет, во главе составлявших кхет сроков — месроки. Далее шли деревни, кхумы, со своими меккумами из крестьян.

Собираемый рис шел на прокормление столичной титулованной знати и обслуживающего персонала, на расходы двора сдатя и на армию. Значительную часть доходов столичных и местных служилых феодалов составляла десятая часть (иногда — треть) собранного ими налога, шедшая им как плата за организацию сбора. Пожалованные земли в бюджете феодалов особой роли не играли, так как необработанные земли мог брать любой свободный. За отработанную же землю, когда сдать ее жаловал, что бывало в XVIII—XIX вв., надо было платить ее цену; фактически сдать продавал ее. Чаще покупали обработанную землю у непосредственных владельцев или получали ее в залог. Основной формой расширения земельных владений была обработка новых земель теми, кто имел для этого средства или право на принудительный труд. Еще одним из источников роста феодального землевладения был переход некоторых неактьеа в кньомы со своим участком земли.

Возникшая в Кампучии во второй половине XVIII в. кризисная политическая ситуация, на фоне которой в стране ощутимо

усиливалось влияние Сиама, имела вполне определенные корни — архаичность структуры верхних звеньев феодального кхмерского общества, в котором слой крупных феодалов был представлен огромной (в силу многоженства) семьей сдатя. С этой архаичностью начали бороться Анг Тонг и Преах Утей, но она не была еще преодолена. Возникшее еще во времена культа бога-царя предпочтение интересов правящего монарха (или собирающегося править претендента) интересам государства в целом и даже интересам династии повлекло за собой поражающее порой пренебрежение потребностями государства и народа, особенно со стороны претендентов на престол и их крупных сановников. И хотя такое поведение не могло иметь поддержки в народе, а в среде самих феодалов, особенно среди духовенства, и в окружении сдатя оно подвергалось критике с позиций необходимости защиты общегосударственных интересов, во второй половине XVIII в. оно было достаточно типичным. В то же время симпатии крестьян явно не были на стороне политиков подобного толка, последние никогда не пользовались широкой поддержкой, которую порой имела централизаторская политика, и поэтому широко прибегали к помощи извне. Именно усиление военной мощи соседей сделало указанные элементы, и ранее существовавшие в кхмерском обществе, особенно вредными для его развития.

В этих конкретных условиях, не имея опоры в виде феодалов-землевладельцев, мелких и средних, феодальный государственный аппарат должен был черпать силы для своего восстановления только из себя самого, поскольку другой группы светских феодалов в Кампучии не было, а буддийское духовенство тех веков не могло стать материальной, людской и организационной основой возрождения централизованного государства. В условиях частых внешних войн и внутренних конфликтов аппарат был сильно дезорганизован и разрушен, а того общего патриотического подъема, который стал основой укрепления центральной власти в 40-х годах XIX в., в это время не было. И хотя существовало острое ощущение угрозы постоянных мятежей высших сановников, хотя отдельные сдати боролись за укрепление центральной власти, в целом противодействие сиамских королей и их ставленников преодолено не было.

Упадок власти сдатей привел к возвышению роли крупных сановников, всегда — из столичных, хотя порой они жили в провинциях. Они правили провинциями, выделенными им сдатем, соответственно их должности, и получали все доходы с них, но правили временно, закрепить их за собой ни прежде ни теперь им не удавалось (хотя тенденции такие в это время были). Они не были крупными феодальными землевладельцами. Основой их экономической и политической силы были получаемые ими с провинций доходы, а также зависимые от них люди не из этих провинций, а из числа членов комланга данно-

го сановника. У влиятельных лиц комланги в это время росли весьма быстро, насколько можно судить. Часто большие группы слуг, воинов и членов комланга с семьями переселялись вместе со своим главой в другую провинцию, а иногда и за пределы страны. Это не способствовало стремлению крупных сановников сохранять за собой определенные территории, которые, как «свои», они должны были бы защищать. Облегчали возникновение такой ситуации и относительная легкость перемещения крестьян из деревни в деревню, а также то, что государство во время войн не раз организовывало переселение крестьян семьями из одних сроков в другие. Рост динамики такого рода, наряду с опустошением ряда областей, ослабил влияние центральной власти, ее эффективность, уменьшились влияние власти сдатя и роль столицы, всегда очень высокая в кхмерском феодальном обществе. Столицы XVIII в. часто переносились и часто были местом сражений. Их население не раз выступало как самостоятельная сила, поддерживая того или иного претендента. Эти столицы нередко осаждались ополчениями «лесных людей», различных племен, сиамцами, отрядами феодальных клик; в результате они играли все меньшую роль в жизни страны. Немало этому способствовало и экономическое ослабление тех инокультурных и иноэтнических групп (тьямов, малайцев, китайцев, потомков португальцев), которые в феодальной Кампучии сосредоточивались в основном в столице и которые в это время периодически подвергались разграблению и погромам.

Борьба придворных группировок, используя которую Сиам постепенно ставил под свой контроль кхмерского сдатя, постепенно встречала все более сильный отпор в стране. При дворе открыто порицали людей, «предающих страну», эта тема была ведущей в спорах при дворе. Руководство буддийской сангхи в значительной своей части выступило в поддержку внутреннего мира, монахи проповедывали успокоение страны, критиковали (в пределах возможного для буддийского монаха) крупных сановников, губящих страну из-за мелких личных дрязг и ничтожных выгод. Сангхараджа, глава сангхи, выступал организатором переговоров между Преах Утеем II и Анг Ноном II, закончившихся примирением. Можно говорить о поддержке такой политики мелким чиновничеством и многими сановниками двора. Заинтересовано в мирс было и много перенесшее кхмерское крестьянство, население столицы и других городов. Но к концу XVIII в. это движение еще не имело достаточной силы.

Кампучия в XVIII в. была типичным аграрным государством, в котором роль городского населения, хотя и возросшая по сравнению с предшествующими веками, в целом была менее значительна, чем в соседних государствах. Городские ремесленники и их деревенские коллеги снабжали деревню всем необходимым через достаточно разветвленную сеть внутреннего рынка, но накопление капиталов и кадров ремесленников в городах шло

медленно. Немалую роль здесь сыграло и то, что крупные торговцы в основной массе, как и в Сиаме, были китайцами и что значительной морской торговли в XVIII в. Кампучия не вела, а экспортных товаров было сравнительно мало.

Глава 5

КАМПУЧИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первая половина XIX в. была временем развития внутреннего рынка, улучшения денежного обращения и инфраструктуры. В сочетании с постоянно росшим спросом на рис на мировом рынке это создавало благоприятную ситуацию, но определенная зависимость Кампучии от соседей не позволила ей в отличие от Сиама использовать возникшую ситуацию.

Длительное правление Анг Тяна II (1806—1834) в своем начале ознаменовалось борьбой с усиливавшимся сиамским давлением. Женитьбой на дочери правителя западных кхетов Бена Анг Тяну удалось поставить эти земли в прямую зависимость от короны (поскольку отныне ими правил близкий родственник сдатя), но реальностью эта связь могла стать лишь после военного усиления страны или изменения международного положения. Последнее произошло после того, как Жя Лаунг укрепился на троне и начал в интересах вьетнамских феодалов борьбу с сиамским влиянием при кхмерском дворе. Хотя военное давление, оказанное им на Кампучию, было незначительным, сдать быстро пошел на соглашение, к чему его вынуждало принявшее неприемлемые формы вмешательство Сиама во внутренние дела страны. Анг Тян согласился на предложенный Жя Лаунгом двойной сюзеренитет Сиама и Вьетнама. Как показало дальнейшее, этот ход кхмерской внешней политики позволял уравновешивать позиции обоих соседей и давал свободу маневра на длительный период. Кхмерское посольство 1807 г. оформило сложившиеся отношения, привезя в Хюэ подарки: слонов, слоновую кость, кардамон и пр. Вьетнамских войск на территории страны не было, и положение можно было считать стабилизировавшимся.

Но Сиам продолжал традиционную политику использования придворных трений, и, когда два брата сдатя, Дуонг и Ем, отправились для присутствия на кремации сиамского короля Рамы I в Бангкок, новый король, Рама II, назначил их упайуреатем и упрареатем без ведома Анг Тяна. Это было в 1810 г. Отношения сдатя с братьями после их возвращения резко обострились, сопровождавшие их министры были казнены, и Дуонг счел за благо перебраться из столицы во владения Бена. Опасаясь сиамского вмешательства, которое вскоре и последовало, сдать потребовал помощи у Жя Лаунга, но присланных войск

оказалось недостаточно. Сиамская армия нанесла поражение войскам короля, а сам он с вьетнамским эскортом уехал в 1812 г. во Вьетнам. В Удонге снова ненадолго воцарились Дуонг и Ем, в правительство которых впервые были введены сиамские чиновники. Положение в Удонге оставалось неопределенным, тем более что союз с Сиамом для Дуонга, последовательного сторонника независимости Кампучии, был временным. Возможно, именно потому он не стал провозглашать себя королем и вскоре уехал из Удонга (не исключено, что в Сиам его вывезли не доверявшие ему сиамцы). Так или иначе, братья не представили Сиаму козыря, каким всегда был «надежный» претендент на престол, и это облегчило возвращение Анг Тяна.

Двадцатитысячная армия из Вьетнама под командованием знаменитого маршала Ле Ван Зюета выбила сиамцев из Удонга, куда в 1813 г. и вернулся после нескольких месяцев отсутствия Анг Тян. Но сиамцы тем временем смогли подбить на восстание губернатора Кампонгсвая и получить у него «разрешение» на захват трех северных кхетов страны. Их войска начали вскоре широкое наступление и временно поставили Кампучию в тяжелое положение, которое, впрочем, длилось недолго. В 1814 г. были захвачены кхеты Млу-Прей и Тонле-Репу на современном севере страны, в какой-то степени сиамцам удалось поставить под свой контроль и соседний Стунг-Тренг (совр. Стынгтраенг).

Анг Тян не признал этих захватов, но изгнать сиамцев в то время не смог. Успех Сиама подтолкнул Жя Лаунга на новый шаг — земли на правом берегу Меконга к югу от канала Хатиен были поставлены под административный контроль Вьетнама. Новой границей стал канал Хатиен, строившийся в 1815—1820 гг. кхмерскими и вьетнамскими крестьянами. Тогда же контакты, военные и гражданские, с Кампучией были переданы из ведения двора в ведение губернатора юга Вьетнама. Это ставило страну в положение зависимой территории. Хотя реальная власть оставалась в руках Анг Тяна, стремившегося продолжать борьбу, полоса засух, наводнений и эпидемий сильно ослабила страну и не позволила организовать действенный отпор на границах. А вскоре война пришла и в центральный район.

10—30-е годы XIX в. были временем резкого военного усиления Сиама и Вьетнама, а для Кампучии они были временем короткого, но резкого ослабления. В 1818 г. вьетнамский двор потребовал разрешения своими силами подавить выступления в юго-восточной пров. Бапном, и Анг Тян вынужден был согласиться. Однако вскоре войска Нгуенов ушли, и на полтора десятилетия в стране установилось спокойствие.

30-е годы начались событием, превратившим Кампучию в арену разорительных войн и послужившим прологом вначале к попытке ликвидации ее независимости, а затем — к победе, по-

казавшей, что страна выходит из кризиса. В 1831 г. победоносные армии Рамы III, только что разгромившие лаосское княжество Вьентьян, ворвались в Кампучию. Кхмерская армия потерпела поражение при Компонг-Чхнанге, были захвачены Удонг и Пномпень. В столице снова появились Дуонг и Ем. Но в восточных провинциях перегруппировывалась королевская армия, большая часть которой сохранилась, а по всей стране ширилось партизанское движение. Быстрого контрнаступления пятнадцатитысячной вьетнамской армии оказалось в этой ситуации достаточно — тайцы бежали после ряда поражений. Вьетнамские войска, не вступая в Баттамбанг, отбыли на родину, восстановив Анг Тяна на троне.

Отношения с Вьетнамом изменились, когда в 1834 г. Анг Тян умер, а Минь Мангу, вьетнамскому императору, удалось укрепить свое положение на юге Вьетнама. Недооценив роль партизанской борьбы в поражении сиамских войск и переоценив роль своего небольшого отряда, Минь Манг начал вести дело к включению Кампучии в состав своего государства. Прибывший в Удонг представитель Нгуенов настоял на избрании на трон юной женщины, королевы Анг Мей, что само по себе, по вьетнамским традициям, должно было рассматриваться как прелюдия к исчезновению династии. И действительно, вскоре страна была разделена на провинции с вьетнамскими названиями. Во главе государства были поставлены три чиновника Минь Манга, столица переименована. Началась замена формы чиновников на вьетнамскую. По всей центральной и восточной Кампучии были расквартированы войска Нгуенов, построена стратегическая дорога к Сайгону. Это потребовало новых расходов, целиком легших на плечи неактьеа. Период номинального правления Анг Мей (1834—1841), министры которой были увезены в Сайгон и которую вскоре лишили королевского титула, был временем постоянного усиления администрации Минь Манга. К каждому тяувайкхету был приставлен резидент, кхмерская армия была превращена в милицию и подчинена офицерам Нгуенов. В управлении вводился вьетнамский язык. И, что было весьма существенно, чиновники Минь Манга, буддисты-махаянисты и конфуцианцы, начали гонения на монахов теравады.

Захватив Ема, Минь Манг не предложил ему власти в стране, а увез во Вьетнам. В 1841 г. королева и ее сестра-упрареать были также вывезены из страны. В Кампучии на четыре года было введено прямое управление, возглавляемое генералом Чыонг Минь Зянгом. Но оно повлекло за собой восстание. Более 50 крепостей было захвачено восставшими крестьянами под руководством крестьянских вожаков, монахов, мелких намоэнов.

Не удалось укрепить свои позиции и вмешавшемуся в события Сиаму. Пришедший к власти Дуонг (Анг Дуонг, 1845—1859) был последовательным противником иноземного влияния,

и принятый им в самом начале правления двойной сюзеренитет стал основой для борьбы с претензиями обоих сюзеренов.

Уже первые сражения соединенной кхмеро-сиамской армии с войсками Чыонг Минь Зянга отличались упорством. Кхмерская армия Анг Дуонга не раз выручала сиамскую армию, постепенно переходившую к пассивной обороне, и вскоре основными на театре военных действий стали войска Анг Дуонга. Несмотря на перевес в вооружении и обученности, несмотря на серию побед (Банам, Бантай Дек, Тядомук), войну в целом войска Нгуенов выиграть не смогли. Быстро росло число крестьянских отрядов. Их соединенные силы разгромили войска Минь Манга под Ловеком. Анг Дуонг вступил в Пномпень. В этой обстановке был подписан мирный договор 1845 г.

Став монархом с сиамской помощью и используя сиамскую поддержку, Анг Дуонг ни в чем не доверял сиамцам и проводил политику реформ, опираясь на патриотическое движение народа, мелкого буддийского духовенства и части феодалов. Основой его внешнеполитической линии продолжало оставаться стремление уравновесить сиамское и вьетнамское влияние в стране. В 1847 г. Анг Дуонг был коронован представителями Сиама и Вьетнама как вассал обоих этих государств. Лавируя между ними, Анг Дуонг стремился восстановить единство страны, избегая при этом войн с более сильными соседями.

Не желая развертывать широкое народное движение в защиту независимости, правящие феодальные круги Кампучии напряженно искали какую-то новую внешнюю силу, которую можно было бы противопоставить противникам (как это делалось ранее с бирманским государством Авой и лаосскими княжествами — противниками Сиама). Такой силой Анг Дуонг и его окружение считали европейские страны, чья захватническая политика еще не проявилась в полной мере в континентальном Индокитае. Кхмерские феодалы рассчитывали на помощь, подобную той, какую получил Зя Лаунг во Вьетнаме в 90-е годы XVIII в., когда он перед лицом всеобщего крестьянского восстания находился в гораздо более трудном положении. На мысль о контакте с европейцами наталкивала Анг Дуонга и политика Монгкута, пришедшего к власти в Сиаме четыре года спустя после коронации Анг Дуонга и с 1855 г. проводившего политику европеизации и лавирования между европейскими державами. Восприняв второе, «взяв на вооружение» политику лавирования и признавая необходимость реформ, кхмерские феодалы не решились, однако, идти по пути европеизации. Анг Дуонг провел многочисленные реформы, во многом перекликавшиеся с сиамскими, кроме главного — частичной европеизации (в первую очередь армии и верхушки государственного аппарата). В этом сыграло свою роль отсутствие в Кампучии опыта общения с европейцами, столь богатого у сиамцев, а также отсутствие здесь товаров, интересующих европейцев. Тем не менее Анг

Дуонг пригласил в страну группу миссионеров и вел с ними переговоры.

Внутриполитические реформы времени Анг Дуонга сыграли большую роль в развитии страны, хотя многие из них дали свои плоды уже после его 20-летнего (фактически Анг Дуонг правил с 1841 г.) правления. Наиболее крупным мероприятием была коренная чистка государственного аппарата от бесчисленных продажных чиновников, агентов иноземных феодалов. Расшатанный долгими войнами и безначалием аппарат был централизован и обновлен. Все важнейшие дела решались при личном участии короля, все сколько-нибудь важные документы были действительны только с его печатью. Широко пропагандировалось единение народа вокруг монарха под буддийскими лозунгами; буддизм в Кампучии, как и в ряде других стран ЮВА, переживал в середине XIX в. период подъема.

Анг Дуонгом был реформирован кампучийский кодекс. Ростовщический процент был ограничен 30% годовых. Были отменены долги, в отношении которых не имелось письменных подтверждений займа, уменьшены и упорядочены налоги, введены более удобные для крестьян сроки их взимания.

Усиление централизации и повышение обороноспособности страны были невозможны без создания сети дорог в основных районах Кампучии. Их строительство облегчило внутриэкономические связи, позволило дать работу многочисленным деклассированным элементам, порожденным прежними войнами и усобицами. Была построена дорога через всю центральную часть королевства к морю: Удонг — порт Кампот с ответвлением на Пномпень. Вся дорога шла по высокой насыпной дамбе, не заливавшейся во время дождей, и действовала круглый год; в комплекс дорог входили многочисленные мосты, гостиницы, водоемы для скота. Аналогичная дорога, но с твердым покрытием шла от Удонга к Компонг-Пнонгу (совр. Кампонгпнонг), порту на Большом Озере.

В укреплении внутриполитического положения важная роль отводилась буддийскому духовенству, которое стало получать широкие субсидии (отчасти это была благодарность короля за поддержку в период его прихода к власти), что позволило повысить степень образованности монахов и священников и очистить сангху от особенно невежественных ее членов, а также от политических противников Анг Дуонга.

Наиболее крупной прогрессивной социальной реформой было освобождение и выкуп рабов, еще многочисленных в кхмерском обществе XIX в. Начатая незадолго до смерти Анг Дуонга реформа была завершена после его смерти.

Энергично решая внутриполитические проблемы, Анг Дуонг вел примирительную политику на юге, переселял немногочисленное кхмерское население из районов к востоку от Хатиена в центральные области.

Гораздо напряженнее было положение в западной части страны. Правители Сиама, редконаселенной страны с крестьянским населением, не стремились к захвату территорий для заселения, а желали подчинения густонаселенных кхмерских областей для их налоговой эксплуатации. К тому же здесь речь шла о коренных кхмерских землях западной «рисовой корзины» и об историческом центре кхмерского государства — районе Ангкора. Поставив под свой контроль три западные и три северные провинции Кампучии, Сиам сохранил там всю кхмерскую администрацию вплоть до губернаторов. Желая укрепить свое влияние среди этнически и исторически чуждого таи населения и стремясь к созданию двуединого таи-кхмерского государства, сиамские феодалы ввели там относительно низкие налоги и не пытались проводить ассимиляторскую политику. Кхмеры занимали привилегированное положение в армии, из них комплектовался сиамский флот и т. д.

Для борьбы с Сиамом за западные земли Анг Дуонг должен был покончить с просиамскими элементами внутри страны, что он с успехом и сделал; при нем было только одно небольшое восстание тьямов, подавленное кхмерскими войсками под личным руководством Анг Дуонга. Другой задачей было усиление вооруженных сил, и для этого нужно было, по его мнению, приобретение союзника вовне, из числа европейских держав. Таким потенциальным союзником король, видимо, считал Францию.

Раздел II

КАМПУЧИЯ В ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА

Глава 1

ЗАХВАТ КАМПУЧИИ ФРАНЦИЕЙ

На первом этапе проникновения в Кампучию (1852—1858) французское правительство пыталось утвердиться в этой стране дипломатическим путем. Это объяснялось отсутствием французских войск в Восточной Азии, приближавшейся Крымской войной и нежеланием французского правительства в связи с этим обострять отношения с Англией.

Со своей стороны, Анг Дуонг наладил через французов-миссионеров контакт с французским консулом в Сингапуре, куда затем был послан кампучийский министр для официальных переговоров о союзе. Вскоре в Кампучию был направлен французский представитель для подписания договора, но Сиам решительно выступил против, и подписание договора было отложено. Когда же французы представили наконец проект договора, его чисто торговый характер не отвечал задачам, которые ставил перед собой Анг Дуонг, вступая в контакт с французским правительством. Кампучийское правительство стремилось использовать опыт Зя Лаунга, т. е. получить оружие и наемных инструкторов. Когда стало ясно, что Франция оказывать такого рода помощь не будет, Анг Дуонг отказался от заключения договора.

Следующий этап французского проникновения в Кампучию (1858—1862) тесно связан с судьбой экспедиции Второй империи в Южный Вьетнам. В конце этого периода французское командование в Южном Вьетнаме вступило в непосредственный контакт с Кампучией. После падения Сайгона 17 февраля 1859 г. Анг Дуонг решил использовать французскую интервенцию в Индокитае в собственных целях — для захвата Кохинхины. Под предлогом пограничного инцидента с вьетнамцами у Тяудока Анг Дуонг отдал распоряжение небольшому отряду своих войск вторгнуться в Кохинхину. В дальнейшем он рассчитывал повести переговоры с французским командованием, чтобы оговорить право Кампучии на эту территорию. Однако смерть в октябре 1860 г. помешала осуществлению его замыс-

лов; при известии о смерти короля кхмерские войска покинули территорию Кохинхины.

После заключения мира с Вьетнамом (1862 г.) Франция получила возможность начать, как выражались французские колонизаторы, «мирное проникновение» в Кампучию. Задачи французской политики в 1861—1862 гг. заключались в том, чтобы сдержать стремление Сиама к захватам в Кампучии, которые были тем более опасны, что за его спиной стояла Англия, получавшая, таким образом, возможность выхода к границам Южного Вьетнама. Вместе с тем французской дипломатии важно было, ввиду тяжелого положения французского экспедиционного корпуса в Южном Вьетнаме, обеспечить хотя бы благожелательный нейтралитет Кампучии. В этот момент на престоле Кампучии находился сын Анг Дуонга король Нородом (1860—1904).

В соответствии с соглашениями между Сиамом и Кампучией кандидатура Нородома была в свое время представлена на утверждение короля Сиама и одобрена. В то же время, чтобы иметь возможность в случае необходимости оказывать давление на нового короля, король Сиама отпустил в Кампучию сводного брата Нородома, Си Ватха, который до этого времени жил в Бангкоке в качестве заложника. Стремясь завладеть престолом, последний выступил против Нородома. Такова была обстановка в Кампучии, когда французское командование вступило в непосредственный контакт с королем Нородомом. 24 марта 1861 г. от имени французского правительства Нородому было направлено специальное послание с выражением «дружеских чувств». Нородом в ответ снарядил большое посольство в Сайгон, которое заверило французское правительство в дружеском расположении короля. Нородому важно было заручиться поддержкой Франции. Кроме того, ослабление Вьетнама значительно усиливало угрозу захвата Кампучии Сиамом, что также вызывало у Нородома стремление опереться на Францию, которая, по его мнению, в тот момент была менее опасна.

Со своей стороны, во Франции сторонники колониальных захватов нащупывали почву для расширения владений в Индокитае, в том числе и за счет Кампучии. В августе и октябре 1861 г. вверх по Меконгу поднималась французская канонерка якобы с целью «защиты» христиан. В сентябре 1862 г. французский правитель Южного Вьетнама адмирал Бонар посетил Кампучию и по возвращении подготовил экспедицию для исследования Меконга и оз. Сап.

Период активных действий Франции в Кампучии начался после прекращения военных операций во Вьетнаме.

Организатором авантюры в Кампучии стал сменивший Бонара губернатор французского Южного Вьетнама Ла Грандьер, который, правда, превысил свои полномочия, но сделал это явно в надежде на поддержку влиятельной группы сторонников

колониальных захватов в Индокитае, существовавшей в Париже.

Действительно, хотя в инструкциях Ла Грандьеру министр военно-морского флота отмечал важность Кампучии для обороны французской колонии в Южном Вьетнаме («в случае войны с европейской державой»), все же в них содержались и предостережения против какого-либо «нового предприятия»; рекомендовалось, однако, «провести зондаж у короля Камбоджи, послать к нему офицеров, которые могли бы проехать по стране, ознакомиться с ее ресурсами...». Подготовляя захват Кампучии, Ла Грандьер посылал вверх по Меконгу своих агентов с целью изучить обстановку. Так, в апреле 1863 г. в Удонге, в частности, побывал французский офицер Бриер де Лиль, затронувший в переговорах с королем Нородомом вопрос о протекторате Франции над Кампучией.

Воспользовавшись относительным спокойствием в Южном Вьетнаме, Ла Грандьер решил предпринять «мирное завоевание» Кампучии. Туда был направлен французский офицер Дудар де Лагре, которому предписывалось представлять в Кампучии политические, торговые и военные интересы Франции, имея конечной целью установление над ней французского протектората. К приезду Дудара де Лагре при дворе Нородома было сильно влияние противников дальнейшего подчинения Сиаму. При активной поддержке католических миссионеров, которые приобрели здесь значительное влияние, часть представителей придворной аристократии и высших сановников высказывалась за французскую ориентацию. Дудар де Лагре удачно использовал стремление Нородома избавиться от слишком назойливой опеки Сиама, который в тот период представлял наиболее реальную угрозу независимости Кампучии. Он стал внушать Нородому, что сохранить престол ему удастся только при поддержке Франции. Тогда король дал согласие на визит Ла Грандьера и подписание договора о протекторате. 3 августа Ла Грандьер прибыл в Пномпень, и после непродолжительных переговоров 11 августа 1863 г. был подписан секретный франко-кампучийский договор о протекторате. Впоследствии, когда дело раскрылось и Сиам заявил протест французскому правительству, Ла Грандьер категорически отрицал применение каких-либо форм давления с его стороны, в то время как Нородом в объяснениях Сиаму именно этим мотивировал свое поведение. Любопытно, что люди, близко знавшие закулисную сторону «подготовки» нового договора, считали, что на Нородома не только оказали давление, но и просто обманули.

Договор состоял из 19 статей. Статья 1 гласила, что французский император соглашается принять Кампучию под свой протекторат; Франция получала право назначать своего консула, которому в королевстве должны были воздаваться те же почести, что и важнейшим сановникам Кампучии. В статье 4

говорилось, что ни один представитель иностранного государства (в том числе Англии и Сиама) не имеет права находиться на территории страны без предварительного согласия губернатора Южного Вьетнама и правительства Кампучии. Договор лишал правительство Кампучии права проводить самостоятельную торговую политику: все порты страны открывались для французских торговых кораблей, французские подданные получали возможность свободно передвигаться и беспрепятственно торговать (ст. 10). Статья 15 устанавливала свободу деятельности католических миссионеров и давала им право строить храмы, семинарии, школы и т. д. Франция принимала на себя обязательство поддерживать в Кампучии «порядок и спокойствие и охранять ее от всякого рода внешних нападений»; французское правительство получало разрешение на устройство угольной базы и складов для кораблей французского флота (ст. 16). Правительство Кампучии предоставляло Франции право на разработки корабельного леса (ст. 17, 18).

Несмотря на настойчивость Дудара де Лагре, в договор не была включена статья, предоставлявшая французским подданным право покупать и продавать землю в Кампучии.

Этот неравноправный договор не только приносил Франции материальные выгоды, но и являлся прежде всего важным юридическим документом, давшим ей «право» на усиление своих позиций в Кампучии.

В Париже в правительственных сферах известие о подписании договора вызвало противоречивые чувства. Так, министр иностранных дел опасался, что «авантюра в Кампучии» осложнит отношения с Англией. И основания для беспокойства действительно были. В английской печати началась ожесточенная антифранцузская кампания в связи с заключением франко-кампучийского договора. Особое возмущение вызывали статьи договора, ставившие Францию в положение наиболее благоприятствуемой державы в Кампучии. Сторонники захватов в правительстве Франции, напротив, убеждали Наполеона III дать согласие на ратификацию договора.

Правительство Сиама стремилось использовать колебания Франции относительно ратификации договора с Кампучией в своих интересах. Сиамские сановники при дворе Нородома в беседах с королем подчеркивали неопределенность позиции Франции, убеждая его, что французское правительство — ненадежный союзник и в скором времени уйдет из Южного Вьетнама. Они угрожали, что Сиам выставит в качестве претендентов на престол Кампучии сводных братьев Нородома. Эти аргументы произвели сильное впечатление на короля, тем более что в Бангкоке по-прежнему хранились знаки его королевского достоинства, и вопрос о коронации, а следовательно, и о законном утверждении его на престоле имел для него большое значение.

1 декабря 1863 г. Кампучия заключила с Сиамом секретный

договор из 11 статей. В нем Нородом именовался правителем Кампучии, а королевство рассматривалось как данник Сиама. Договор устанавливал, что правитель Кампучии назначается только по распоряжению из Бангкока. По этому договору Нородом терял все права на провинции Баттамбанг и Ангкор, а Сиам оставлял за собой право забрать Поусат и Кампонгспы, если «...правитель Кампучии не будет вести себя хорошо» (ст. 11).

Французское правительство узнало о договоре Сиама с Кампучией только в сентябре 1864 г. из английской газеты, издававшейся в Сингапуре. Этот дипломатический просчет Дудара де Лагре (о котором неохотно упоминают французские историки) значительно усиливал позиции Сиама в последующих переговорах с Францией.

После подписания договора с Сиамом переговоры о коронации Нородома продолжались. Правительство Сиама, рассчитывая еще более утвердить свое влияние в Кампучии, стремилось к тому, чтобы Нородом получил корону из рук короля Сиама и желательно в отсутствие представителя Франции. Дудар де Лагре, выражая интересы наиболее агрессивной группы французских колонизаторов, употребил все усилия, чтобы помешать этому. На случай отказа короля прислушаться к его советам де Лагре тайно готовил государственный переворот.

Обстановка в стране складывалась чрезвычайно благоприятно для его замыслов. В Кампучии было тогда две партии; одна выступала против французов, за присоединение к Сиаму, ее возглавляли правители Кампонгтхома и Баттамбанга. Другая влиятельная группировка во главе с кларахомом — чиновником, ведающим военно-морскими делами, сельским хозяйством, промышленностью и торговлей, ориентировалась на Францию. Каждая из группировок стремилась использовать в своих интересах местное население, недовольство которого феодальным гнетом в обстановке борьбы Сиама и Франции за влияние в Кампучии принимало часто антисиамскую или антифранцузскую окраску.

3 марта 1864 г., после отъезда Нородома в Кампот по требованию сторонников просиамской ориентации, Дудар де Лагре с отрядом вооруженных матросов занял королевский дворец. Перед дворцом был водружен французский флаг, который должен был означать, как заявил Дудар де Лагре сановникам Нородома, что Франция не уступит никому «своих прав» и «будет всеми средствами обеспечивать спокойствие Кампучии». Реальная угроза потерять королевство заставила Нородома вернуться. После того как были получены подкрепления из Сайгона, в распоряжении Дудара де Лагре находилось уже 5 канонерских лодок и 100 человек морской пехоты, которые заняли Удонг и Пномпень. Сиамские войска, находившиеся в стране, никакого сопротивления французам не оказали.

Между тем правительство Второй империи ратифицировало договор с Кампучией о протекторате, и 8 апреля 1864 г. Ла Грандьер известил об этом Нородома. Обмен ратификационными грамотами состоялся 12 апреля 1864 г. Одновременно, уступая Сиаму часть территории Кампучии — богатые рисом провинции Баттамбанг и Ангкор — французское правительство договорилось с ним о коронации Нородома в присутствии представителей Франции и Сиама. Коронация состоялась 3 июня в Удонге. 19 июня последний отряд сиамских войск покинул Кампучию.

Тогда же французские колонизаторы предприняли энергичные попытки договориться с Сиамом об окончательном признании французских «прав» на Кампучию. Сложные переговоры были завершены только в 1867 г. В ходе этих переговоров выявились чрезвычайно резкие разногласия в правительственных сферах Второй империи по вопросу о дальнейших действиях в Индокитае. Победила точка зрения французского министерства иностранных дел, которое считало необходимым добиться формального отказа Сиама от претензий на Кампучию, пусть даже ценой значительных уступок. Правительство Франции пошло на уступки Сиаму при заключении договора 1867 г., по условиям которого соглашение между Кампучией и Сиамом от 1 декабря 1863 г. аннулировалось. «Права» Франции на протекторат над Кампучией были официально признаны Сиамом, за что Сиам получил Баттамбанг и Ангкор. Фактически это был раздел страны между Францией и Сиамом.

14 июня 1870 г. в Сайгоне была подписана дополнительная статья договора. Она провозглашала нейтралитет территории оз. Сап, как имеющего важное экономическое значение для Сиама и Кампучии.

Договор 1867 г. не удовлетворил сторонников колониальных захватов в Париже, которые считали его ошибкой французской дипломатии. Представители этой приобретавшей все большее влияние во французском правительстве группировки требовали возвращения Кампучии провинций Баттамбанг и Ангкор, так как, утверждали они, без обладания этими провинциями невозможно направить экспорт товаров из бассейна Меконга через Сайгон. Разумеется, все это прикрывалось рассуждениями о необходимости сохранить «единство» Кампучии и т. п.

Глава 2

КХМЕРСКАЯ МОНАРХИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Французские власти приступили к созданию колониальной администрации в Кампучии спустя довольно значительное время после подписания соглашений о протекторате. 15 января

1877 г. Нородом при непосредственном участии французского представителя подписал декрет, который должен был несколько ограничить власть короля и его семьи, упорядочить дела королевства и приблизить организацию этой феодальной страны к требованиям современности, которые в данном случае выражались от имени буржуазной Франции. По этому декрету члены королевской семьи лишились всяких административных функций, сохраняя, однако, свои титулы. Им назначалось государственное содержание. В декрете указывалось, что все новые налоги будут вводиться в стране только с одобрения Королевского совета. Устанавливался денежный выкуп за полагающиеся бесплатные общественные работы в количестве 90 дней в году [1]. Отменялись всякого рода государственные монополии, кроме монополии на продажу опиума и рисовой водки.

В столице учреждался Верховный суд, который одновременно являлся и апелляционным судебным органом для судов низшей инстанции. Судебные функции чиновников уточнялись и ограничивались.

В соответствии с указом короля в стране отменялось пожизненное рабство. Каждый, кто находился в рабстве за долги, мог быть выкуплен или получал право добиться освобождения с зачетом своей работы у хозяина. Приобретение всякого нового раба обусловливалось возможностью его выкупа. Причем специально подчеркивалось, что выкупленными могут быть даже «дикие» или «иностранцы любой национальности», попавшие в рабство. В указе короля специально оговаривались права семьи, глава которой попал в долговое рабство.

Указ короля, однако, оставался долгое время на бумаге, поскольку был встречен крайне неодобрительно дворцовой аристократией и сановниками королевства, посчитавшими его посягательством на свои доходы и власть.

С этого момента начинается длительная, то тайная, то явная борьба феодальной аристократии за сохранение кхмерской монархии как политического института, поскольку именно в рамках монархии это сословие и могло успешнее всего сохранять свои привилегии.

Колониальная администрация тоже принимала участие в попытках «модернизировать» кампучийскую монархию, поскольку последняя с трудом вписывалась в систему буржуазных социальных отношений, вводимую колонизаторами. Однако делать это колонизаторы были вынуждены осмотрительно, путем декретов «выкупая» у короля и феодальной верхушки часть их привилегий.

Французское правительство, действуя через свою админист-

---

[1] Население Кампучии издавна обязано было отрабатывать 90 дней в году, являясь на общественные работы по требованию администрации со своей повозкой и питанием.

рацию в Индокитае, продолжало методически вводить в Кампучии новые порядки. 26 марта 1882 г. Нородом подписал соглашение, по которому оружие в Кампучию могло ввозиться только через Сайгон. 6 мая 1882 г. был издан декрет Нородома, по которому лица европейского происхождения, проживающие в Кампучии, могли быть судимы только судебным органом, учрежденным в столице французской колонии Кохинхины — Сайгоне.

Буквально под угрозой штыков 17 июня 1884 г. Кампучия была вынуждена подписать с Францией новое соглашение, окончательно лишавшее страну самостоятельности. По этому соглашению (ст. 1) король заранее одобрял все реформы, которые французское правительство сочтет необходимым ввести в Кампучии. Кампучийские чиновники, возглавлявшие провинции, ставились под прямой контроль французских резидентов (ст. 3); количество провинций сокращалось с 57 до 8; они делились на округа, штат чиновников которых утверждался французским резидентом. При Нородоме учреждалась должность не дипломатического представителя Франции, как раньше, а Верховного резидента, подчинявшегося губернатору Кохинхины. Резидент получал свободный доступ к королю Кампучии (ст. 5). Устанавливался цивильный лист для содержания короля в размере 300 тыс. пиастров (1 пиастр=4,55 франкам), для содержания принцев и королевской семьи — 250 тыс. (ст. 7).

Установление и взимание налогов, таможенных сборов, косвенного обложения, общественные работы переходили целиком в ведение французской администрации (ст. 3). Резиденты или лица, исполняющие эту должность, назначались в провинции и туда, где их присутствие администрация сочла бы необходимым (ст. 4). Они были подчинены верховному резиденту в Пномпене. Столица королевства, Пномпень, отныне переходила под управление французского верховного резидента или его заместителя — председателя муниципального совета; совет состоял из 6 французов (чиновников или коммерсантов), назначаемых губернатором Кохинхины, 3 кхмеров, 1 вьетнамца, 2 китайцев и 1 малайца, назначаемых королем, но утверждавшихся губернатором Кохинхины. Рабство отменялось. Земля объявлялась объектом купли-продажи. В стране вводилось судопроизводство по европейским законам (французским).

Современники, оценивая значение этого договора, отмечали, что проще было бы сместить Нородома, а Кампучию поставить под прямое управление французской колониальной администрации.

Восстание кхмеров (движение «в защиту короля») не спасло страну от введения французской администрации, хотя и вынудило колонизаторов подписать в июне 1886 г. соглашение с Нородомом, по которому королю и чиновникам возвращались административные функции. С 1 января 1887 г. кампучийская адми-

нистрация в стране восстанавливалась. В Кампоте Франция сохраняла своего резидента. В ведении французских чиновников оставался надзор за таможней и торговлей опиумом. Но это было лишь временное отступление колонизаторов.

В период 1888—1896 гг. французская колониальная администрация заключила с供одомом ряд соглашений (в форме его указов), по которым у него постепенно «покупались» те уступки, на которые он отказался пойти в 1884 г. 8 августа 1890 г., например, французская администрация выкупила у кхмерской короны право налога на вывозимый из страны рис (внешняя торговля была монополией кхмерской монархии), предоставив взамен взнос в королевскую казну. В 1891 г. все налоги были поставлены под контроль французской администрации, взамен король получал цивильный лист на содержание двора и другие нужды. 1 января 1892 г. была создана специальная финансовая служба под контролем французской администрации, куда через кхмерских чиновников поступали все налоги, собиравшиеся в королевстве. Таким образом прямое налогообложение, вслед за косвенным, все же оказалось под контролем французской администрации.

Одновременно в стране усиливался аппарат французской администрации: в 1889 г. в Кампучии было четыре французских резидента, а в 1894 г. их стало десять.

После декрета об образовании Индокитайского Союза (17 октября 1887 г.) Франция объединила Кампучию с другими своими владениями в Индокитае через политическую систему Индокитайского Союза.

В 1897, 1898 и 1901 гг. под давлением французской администрации король Кампучии издал новые указы об исполнении законов, об организации административной власти, судебных органов, о полиции, налогах, рабстве, которые значительно расширяли и уточняли положения декрета 1877 г. и соглашения 1884 г.

Наибольшее значение имел указ Нородома от 11 июля 1897 г. По этому указу, изданному по требованию администрации Индокитайского Союза, Нородом отказывался от какого-либо участия в делах государственного управления по принципу «король царствует, но не управляет». Теперь он имел право только подписывать декреты; король оставался главой буддийского духовенства страны, пользовался правом помилования по отношению к своим подданным и являлся номинальным главой кхмерского административного аппарата.

Французская администрация предприняла также ряд мер, чтобы, не уменьшая доходов феодальной аристократии, лишить их некоторых феодальных привилегий, мешавших колониальной администрации управлять страной. 21 мая 1904 г. была отменена (правда, во многом это осталось лишь на бумаге) система «личного услужения», практиковавшаяся в Кампучии. Указами от 5 мая 1905 и от 1 мая 1907 г. была отменена так называемая

система уделов, по которой каждый член королевского дома, крупный чиновник (входящий в состав совета министров) «представлял» перед королем соответствующее количество провинций королевства и пользовался доходами с них.

Франко-сиамские договоры 1902, 1904 и 1907 гг. в пунктах, касающихся Кампучии, ничего не меняли в ее положении. По договору 1904 г. Кампучии отошли области Молупрей, Тонлерепу, район Прэахвихеа. В 1907 г. она получила обратно провинции Баттамбанг и Ангкор, ранее захваченные Сиамом.

К началу XX в. окончательно определилось положение Кампучии как в системе Индокитайского Союза, так и в плане организации ее внутреннего административного управления и в отношениях с органами метрополии.

Сразу же после учреждения протектората (1863 г.) Кампучия находилась в ведении французского министерства военно-морского флота, затем перешла в министерство торговли и колоний. Верховный резидент подчинялся губернатору французской колонии Кохинхины.

По декрету от 17 октября 1887 г. все французские владения в Индокитае, в том числе и Кампучия, были объединены в Индокитайский Союз, который переходил в ведение министерства торговли и колоний. Во главе Индокитайского Союза был поставлен генерал-губернатор. При генерал-губернаторе в качестве совещательного органа был создан Высший совет Индокитая. В 1897 г. в него были допущены два представителя от местного населения. В 1928 г. он был преобразован в Большой совет экономических и финансовых интересов Индокитая, куда допускались представители местной элиты. Власть Франции в Индокитае опиралась на армию и полицию, которые состояли из французов и местных жителей. В руках французской администрации были сосредоточены судебные функции, таможенный досмотр и контроль над финансами.

Внутреннее управление Кампучии было организовано в соответствии с двумя основными документами — франко-кампучийским соглашением от 17 июня 1884 г. и королевским указом от 11 июля 1897 г. Во главе кхмерской администрации стоял король, он же оставался главой буддийского духовенства в стране и по-прежнему обладал в отношении своих подданных высшей судебной властью — правом помилования. Управление страной осуществлялось в форме его указов и постановлений, которые получали силу только после подписи французского верховного резидента. В соответствии с договоренностью с администрацией Индокитайского Союза король получал ежегодное содержание, что ставило его в полную зависимость от колониальной администрации. Денежное содержание от колониальной администрации получали и феодалы более низкого ранга, и чиновники всех ступеней. Французская администрация стремилась постепенно отстранить от дел чиновников старой, феодальной администра-

тивной системы, не заменяя их по мере естественного отсева. Одновременно проводилась подготовка кадров чиновников «новой формации», которые со временем и составили новую элиту, тесно сотрудничавшую с французской колониальной администрацией.

Фактическое управление страной сосредоточилось в совете министров, состоявшем из пяти членов. Заседания совета министров проводились под председательством французского верховного резидента. Совет министров собирался на пленарное заседание каждую неделю, в случае необходимости он мог быть созван и во внеочередном порядке, по решению короля или верховного резидента. В перерывах между сессиями текущую работу выполняли чиновники секретариата совета министров (генеральный секретарь и два секретаря). Кроме того, министры могли собираться ежедневно под председательством премьер-министра для решения вопросов, предварительно подготовленных службами соответствующих министров.

Помимо совета министров при короле имелся также совет короны (или семейный совет) и трибунал по примирению. Совет короны был учрежден указом короля от 12 апреля 1915 г. и состоял из восьми принцев или принцесс, назначавшихся королем. Он контролировал поведение членов королевской семьи и занимался решением их дел, финансовыми, религиозными и административными вопросами, затрагивавшими членов королевской семьи, проблемами престолонаследия. Заседания совета короны проходили под председательством верховного резидента. Трибунал по примирению занимался улаживанием конфликтов, возникавших между лицами, живущими при дворе, обслуживающим персоналом и т. д.

Табель о рангах кхмерской администрации насчитывала 10 ступеней. Премьер-министр в случае выполнения им какой-либо особой миссии мог быть поднят до 11 ступени. Премьер-министр находился на высшей ступени иерархии. За ним следовали другие министры — в зависимости от времени вступления в должность. За министрами следовали генеральные секретари и начальники управлений.

Премьер-министр ведал министерством внутренних дел и культов. Он также являлся председателем постоянной комиссии совета министров и занимался отношениями между кхмерской администрацией (советом министров) и колониальной администрацией. В министерстве имелось два управления. Одно занималось вопросами внутренней администрации, другое ведало религиозными организациями страны.

Министерство двора, финансов и искусств занималось делами королевского двора, его отношениями с колониальной администрацией, церемониями, археологией, библиотекой, королевской музыкой.

Министерство юстиции также состояло из трех управлений.

Специальное министерство ведало военными делами, народным образованием и общественными работами.

Особое министерство ведало военно-морскими делами, сельским хозяйством, промышленностью и торговлей.

При кхмерском совете министров имелся французский чиновник, назначаемый администрацией протектората специально для связи с кхмерской администрацией, как по линии совета министров в целом, так и по линии каждого министерства в отдельности. Этот чиновник осуществлял также общий контроль за деятельностью кхмерского правительства.

Местная администрация строилась в соответствии с административным делением страны. Число провинций (кхетов) вновь увеличили с 8 до 14, а позднее и до 16. Во главе каждой из них стоял кхмерский чиновник, контролируемый французским; все распоряжения кхмерского администратора получали силу только с одобрения французского чиновника. У кхмерского чиновника, стоявшего во главе кхета — чауфайкхета, было два помощника; в штат его аппарата входили также секретарь и вахтер. Чауфайкхет следил за исполнением королевских указов и распоряжений, за общественным порядком в кхете и т. д. Французские чиновники контролировали действия кхмерской администрации, составляли списки налогоплательщиков, следили за поступлением налогов, занимались разбором судебных дел.

12 августа 1904 г. при французских чиновниках были созданы в качестве совещательного органа советы из представителей местного населения, которые собирались раз в году для обсуждения местных дел. Эти советы избирались путем многоступенчатых выборов.

Следующей ступенью административной лестницы был округ (срок) во главе которого стоял кхмерский чиновник — чауфайсрок, назначавшийся чауфайкхетом из числа представителей зажиточной верхушки кхмерского общества (с одобрения французского чиновника). Чауфайсрок выполнял на территории срока те же функции, что и чауфайкхет. В его аппарате также было четыре человека: два чиновника, которые могли его замещать, секретарь и вахтер.

На низшей ступени административной лестницы находилась община — кхум с мекхумом во главе. Эта низшая административная и фискальная единица была искусственным образованием, созданным французской колониальной администрацией для управления массой разбросанных по огромной территории деревень — пхумов, возглавлявшихся старостами — мепхумами. Мепхумы передавали жителям распоряжения мекхума, информировали его о положении дел в деревне, содействовали правильному поступлению налогов и т. д. Кхум объединял от одной до нескольких, иногда десяти таких деревень на территории, размеры которой зависели от степени населенности района. Население кхума могло колебаться от 4 до 8 тыс. человек.

Создание кхумов и их администрации было оформлено указами короля от 5 июня 1908 г., 24 сентября 1919 г. и 15 ноября 1925 г. Мекхум избирался советом кхума, состоящего из лиц, избираемых всеми налогоплательщиками кхума, достигшими 21 года (фактически мекхума просто назначал вышестоящий чиновник). Мекхум, в свою очередь, назначал из числа членов совета кхума двух помощников; по табели о рангах мекхум соответствовал четвертому классу, а его помощники третьему.

Совет кхума собирался четыре раза в год на пленарные заседания. Совет кхума составлял свой бюджет, который должен был затем утверждаться чауфайкхетом с одобрения французского чиновника.

Советы кхумов выполняли главным образом фискальные функции и были наделены в пределах общины широкими полномочиями — они решали вопросы о подушном налоге, определяли количество лиц, внесенных в списки, отвечали за поступление налогов, ведали распределением трудовой повинности, набором в армию, отвечали за «благонадежность» жителей деревни и т. д. В совете кхума имелось пропорциональное представительство от пхумов.

Пномпень был выделен в особую административную единицу и управлялся резидентом, при котором в качестве совещательного органа был создан совет из представителей местного населения.

В качестве «материальной силы», обеспечивающей французское господство в стране, помимо войск, размещавшихся в Кампучии в соответствии с указанием генерал-губернатора Индокитайского Союза и подчинявшихся центральным военным властям, в стране была создана сельская полиция и местные кхмерские войска силами до одного батальона, которые выполняли функции военизированной полиции.

Жизнь местного населения регламентировалась колониальным уголовным и гражданским кодексом. В нем предусматривались меры, ограничивающие свободу, преимущественно сельского населения. Крестьянин не имел права свободно разъезжать по стране и наниматься на работу без специального удостоверения об уплате налогов, а также удостоверения личности с отпечатками пальцев владельца. В сельской местности запрещалось без ведома властей предоставлять ночлег «неизвестным» лицам и т. д. Любое нарушение положений кодекса каралось штрафом или тюремным заключением.

Таким образом, действительным хозяином страны в Кампучии был не король, а французский верховный резидент.

В соответствии с общей эволюцией органов Индокитайского Союза при верховном резиденте имелся в качестве совещательного органа совет, состоявший из высших чиновников протектората.

Королевским указом от 18 марта 1913 г. была создана мест-

ная консультативная ассамблея, куда вошли представители местного населения, которые могли (не вынося решения) обсуждать вопросы, касающиеся финансов, управления и т. п. Состав ассамблеи был лишь частично выборным, а восьмая часть назначалась французской администрацией. При верховном резиденте была создана также смешанная торгово-сельскохозяйственная палата.

В Кампучии вначале осуществлялась раздельная юрисдикция: по французским законам — для французов и других европейцев, а по кампучийским — для кхмерского населения. С 20 ноября 1911 г. для местного населения были введены гражданский и уголовный кодексы, составленные на основе французского законодательства, но с учетом местных правовых форм.

Строго централизованная система установленного в Кампучии бюрократического аппарата была инструментом в руках французской колониальной администрации, с помощью которого она держала в подчинении народ Кампучии, а из страны выколачивались прибыли, шедшие на обогащение французской буржуазии.

Глава 3

МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КАМПУЧИИ И НАЧАЛО БОРЬБЫ КХМЕРСКОГО НАРОДА ЗА СВОЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Массовые движения, развернувшиеся в Кампучии во второй половине XIX в., — свидетельство того, что кхмерский народ мог отстоять свою национальную независимость, тем более что в ряде случаев, когда, например, речь шла об антифранцузских выступлениях, намечались возможности совместных действий кхмерских и вьетнамских повстанцев. По существу, поражение повстанцев в Кампучии было предопределено союзом правившего тогда Нородома и части кхмерской феодальной верхушки с французскими оккупационными властями. Примерно та же ситуация сложилась и в соседнем Вьетнаме.

По своей внешней форме массовые движения второй половины XIX в. были двух типов — так называемые династические, как условно можно назвать выступления с целью захвата трона вождем восставших (атяры Суа и По Камбау, Си Ватха), и восстания «в защиту короля». Все они проходили под флагом феодально-монархического национализма.

В «династических» движениях народная, антифеодальная, характерная для крестьянских движений стихийная линия прослеживается более явственно, чем в движении «в защиту короля». Однако антифранцузская направленность в большей степени

присуща движению «в защиту короля», поскольку руководители «династических» движений зачастую искали поддержки у французских или английских (в Бангкоке) колониальных властей.

После заключения франко-кампучийского договора о протекторате в 1863 г. начались многочисленные стихийные выступления против короля Нородома и французских колонизаторов. Идеология участников этих восстаний не выходила за рамки феодального национализма, их социальные идеалы были обращены в прошлое, позитивная программа сводилась нередко к требованию династических перемен. Однако объективно в той или иной степени эти выступления ставили своей целью укрепление кампучийской государственности в условиях колониальной экспансии.

Первым таким выступлением стало восстание под руководством атяра[1] Суа. В 1864 г. он объявил себя племянником бывшего короля Кампучии Анг Чана II и на этом основании стал претендовать на престол. Во главе нескольких сот кхмеров, вьетнамцев и тьямов он укрепился на юге страны и в районе канала Хатиен, пользуясь поддержкой вьетнамских властей из пров. Тяудок. Число сторонников атяра Суа росло, движение принимало антифранцузскую окраску. Восставшие вторглись в южную провинцию Кампучии — Треанг (совр. Кампот и Такео), убили ее правителя, захватили г. Кампот и двинулись в Пномпень. Король выслал против них войска, которые нанесли им поражение. Атяр Суа отступил в район канала.

В 1865 г. он снова начал наступление на юге. Только после вмешательства французских войск с восстанием было покончено. Французский резидент в Кампучии, угрожая применением военной силы, заставил вьетнамские власти отказаться от поддержки повстанцев. 19 августа 1866 г. Суа был ранен в бою и выдан французам. Позднее его сослали на о-в Пуло-Кондор, а затем на Антильские о-ва.

В 1865—1867 гг. в стране развернулось восстание под руководством По Камбау[2], который сумел привлечь многочисленных сторонников. Подобно атяру Суа, он выдавал себя за лицо королевской крови — за внука Анг Чана II. Главной силой движения По Камбау были крестьяне, страдавшие из-за дополнительных налогов и частых войн. По Камбау поддержало также и население горных районов. По кхмерским преданиям, он был колдуном, якобы наделенным сверхъестественной силой, делавшей его неуязвимым.

В мае 1865 г. По Камбау обратился к губернатору Южного Вьетнама с просьбой признать его права на кампучийский престол. Прибыв в Сайгон для переговоров, он был арестован. Од-

---

[1] Атяр по-кхмерски — организатор религиозных церемоний, посредник между буддийским духовенством и массой верующих.

[2] По-кхмерски — мудрый повстанец.

нако в мае 1866 г. ему удалось бежать и добраться до пограничной вьетнамской пров. Тайнинь (совр. Тэйнинь). Там он собрал отряд в 2 тыс. человек и в июне того же года разгромил подразделение французских войск в этой провинции. Затем он двинулся в Кампучию и нанес несколько поражений королевским войскам (август и октябрь 1866 г.). После этих побед популярность По Камбау возросла. Его отряд увеличился до 10 тыс. человек. Восставшие действовали в самых различных местах — на границе с Лаосом, по обоим берегам Меконга, в районе между Удонгом и Пномпенем.

Действия По Камбау, как и атяра Суа, активно поддерживали вьетнамские власти из Кохинхины. Повстанцы совершили несколько нападений на столицу страны Удонг, и только вмешательство французских войск помогло Народому удержать город. Положение Нородома пошатнулось. По свидетельству современников, он не хотел посылать войска против повстанцев из опасения вызвать недовольство народа и высших чиновников. В середине 1866 г. Нородом перенес столицу из Удонга в Пномпень.

7 января 1867 г. в ожесточенном бою под Пномпенем войска По Камбау были разгромлены, а сам он был ранен и в декабре 1867 г. убит в пров. Кампонгтхом.

Восстание Си Ватхи было наиболее крупным из числа «династических» выступлений того времени. Его программа тоже сводилась к требованиям чисто династического характера, хотя и это движение, так же как и восстания По Камбау и атяра Суа, имело объективно антиколонизаторскую направленность.

Младший из сыновей Анг Дуонга, Си Ватха, был недоволен решением Королевского совета, назначившего королем старшего брата. Впервые он выступил против Нородома в июне 1861 г. в пров. Кампонгтям. Сторонникам его удалось на время завладеть столицей страны и двинуться на Пномпень. Нородом бежал в Бангкок, откуда вернулся в марте 1862 г. после того, как войска восставших были разбиты, а Си Ватха скрылся в Сиаме.

Второе выступление Си Ватхи относится к 1876 г. В борьбе против восставших принимали активное участие французские войска. В 1877 г. Си Ватха был взят в плен, затем его отпустили, взяв с него обещание отказаться от участия в политической жизни. Однако в 1885 г. Си Ватха вновь выступил против короля в надежде занять престол. Центром восстания стала пров. Кампонгтям, но движение имело сторонников в северных и восточных районах страны. О количестве повстанцев в отрядах Си Ватхи судить трудно, по-видимому, их было не менее 3—5 тыс. человек. Во всяком случае, в пров. Кампонгтям на его стороне было 13 отрядов по 200—500 человек каждый. Си Ватха опирался в основном на крестьянство. Современники-французы отмечали, что он обращался к английскому консулу в Бангкоке с просьбой поддержать его деньгами и оружием, а также

сообщали, что через провинции Баттамбанг и Ангкор Си Ватха получал из Сиама необходимое снаряжение.

Восстание Си Ватхи представлялось Нородому и французскому командованию настолько опасным, что в 1885 г. глава буддийского духовенства Кампучии по их поручению вступил в переговоры с Си Ватхой. Мятежному принцу предложили пенсию в 10 тыс. пиастров в год, если он сложит оружие, но Си Ватха отказался.

Против Си Ватхи действовали главным образом французские войска. Повстанческие отряды, применяя тактику партизанской войны, скрывались при их приближении и, выбрав удачный момент, нападали снова. В одном из боев Си Ватха был ранен. Восстание пошло на убыль лишь с августа 1886 г., когда министры Нородома вступили в переговоры с вождями восставших и уговорили их перейти на сторону короля. Последние наиболее влиятельные вожди перешли на сторону Нородома в сентябре—октябре 1886 г. Си Ватха укрылся в малонаселенных районах страны, где продолжал жить как властитель страны, сохраняя все обычаи кхмерского королевского двора, в окружении оставшихся ему верными придворных. В 1890 г. представители французской администрации вступили с ним в переговоры, обещая пенсию от колониальных властей. Однако условия, выдвинутые Си Ватхой, оказались неприемлемыми: он требовал пенсии не только для себя, но и для своих сторонников, сохранения феодальных привилегий и т. д. 31 декабря 1891 г. Си Ватха умер.

Выступления Си Ватхи происходили на фоне движения, инспирированного королем и чиновниками и направленного против навязанного Нородому французами соглашения 1884 г. Кхмерская монархия в своем сопротивлении французским колониальным властям опиралась на широкое патриотическое движение народа. Именно этим и определялся успех кхмерских феодалов, которые сумели сохранить институт монархии, обеспечивающий им привилегированное положение в социальной структуре общества. Тот факт, что кхмерская монархия обеспечивала и во время французского протектората привилегии феодальной аристократии, объясняется именно ее жизнеспособностью в Кампучии. Власть монархии была настолько «реальна», что по свидетельству ряда очевидцев, в конце февраля 1885 г. в стране была проведена мобилизация: лица, пригодные для военной службы, были призваны в армию и составили отряды регулярных кампучийских войск, готовых помешать введению в стране французской администрации.

В этот период в стране широко развернулось партизанское движение, которое вылилось в движение против французского господства в целом и приняло в известной мере антифеодальный характер, хотя эта сторона движения в наименьшей степени освещается источниками. Восстание с особенной силой охватило

южные, юго-восточные и восточные районы страны. Его участники были вооружены самым примитивным оружием — луками, кремневыми ружьями, саблями. В 1886 г. к восставшим примкнули представители буддийского духовенства, возглавившие отряды из местных жителей. Силы повстанцев делились на три категории: отряды регулярной армии под командованием чиновников, партизанские отряды и отряды китайского населения. Французские войска были, по существу, блокированы в городах и укрепленных пунктах. Партизаны, скрываясь в лесах, фактически стали хозяевами страны; они облагали население налогами, проводили мобилизацию и т. д.

Восставшие вели активную борьбу в течение двух лет, выдерживая подчас серьезные бои с французскими войсками. Терпя поражения, они перегруппировывали свои силы, пополняли свои отряды новыми бойцами и вновь устраивали засады французским войскам.

Положение французского командования осложнялось тем, что его главные силы были скованы на севере Индокитая во франко-китайской войне (1884—1885), а также в борьбе со всеобщим восстанием во Вьетнаме. Между вождями движения в Кампучии и Вьетнаме намечалось определенное сотрудничество. Так, в перехваченном французами письме высокопоставленного вьетнамского чиновника из вьетнамской пров. Тяудок к кхмерским повстанцам из пров. Треанг говорилось: «Представители двух народов собираются встретиться, чтобы обсудить план совместных действий».

Сведения о военной организации повстанцев, о том, насколько были координированы их действия, о способах ведения партизанской борьбы весьма скудны. Однако их можно пополнить, если обратиться к устной традиции, воспоминаниям свидетелей и участников событий. В этом смысле интересна история двух популярных героев этого сопротивления — Конга и Чхука.

Начало их деятельности относится к 1885—1886 гг. Конг был руководителем буддийской общины в Кохкрабей, расположенной на берегу Бассака, к югу от Пномпеня. К восставшим он примкнул после того, как в руководимую им общину ворвался отряд французских войск в поисках «мятежников». Конг действовал вначале на правом берегу Бассака, пытаясь вести регулярные военные действия против французов. Однако превосходство колонизаторов в вооружении вынудило его перейти к партизанской войне. В подчинении Конга находился крупный отряд. Повстанцы располагали слонами, чтобы передвигаться по заболоченным местам, кавалерией для связи, повозками, запряженными буйволами, для транспортировки снаряжения. Конг пытался даже объединить под своим командованием все девять повстанческих отрядов, которые действовали к югу от Пномпеня. Однако на его призыв откликнулся только Чхук.

Чхук был правительственным чиновником из пров. Треанг,

где под его властью находилось семь районов. Когда в стране появились французы, он с разрешения короля оставил свой пост и стал призывать чиновников и население округи к борьбе.

Устраивая засады, организуя неожиданные нападения, отряды Конга и Чхука наносили французским войскам значительный урон. Наиболее крупное сражение состоялось при попытке 5 тыс. повстанцев захватить Пномпень 6 мая 1885 г. (в тексте устного предания — 1886 г.). Эта попытка закончилась неудачей, так как повстанцы не смогли объединить силы: нападение было предпринято до подхода отрядов Конга и Чхука; большую роль сыграло также превосходство французов в вооружении, которое особенно сказывалось при столкновении в открытом бою.

После того как колонизаторы вынуждены были пойти на уступки (1886 г.), Нородом приказал прекратить борьбу. Конг и Чхук были приглашены ко двору. Однако желая расправиться со своими наиболее активными противниками, французы заманили Конга на военное судно и там убили. Чхук, по кхмерским преданиям, тоже был убит французскими агентами в доме своих родственников в Пномпене.

Об отсутствии единства в рядах кампучийцев свидетельствуют не только предания, но и военные донесения французов. Между чиновниками, стоявшими во главе кампучийцев, не было согласия. Каждый сражался на свой страх и риск, соперничая с другими руководителями.

Разногласия между руководством повстанцев усилились после того, как французы подписали в июне 1886 г. соглашение, возвращавшее королю и кхмерским чиновникам их административные функции.

По-видимому, среди приближенных Нородома, а также чиновников и руководителей повстанцев далеко не все одобряли приказ о прекращении военных действий. Так, Конг следующим образом ответил Нородому, когда тот потребовал прекратить сопротивление: «Государь, я бы мог на время отложить в сторону оружие и посмотреть, как изменится положение в стране. Если же французы возобновят свои действия, я снова возьмусь за оружие, чтобы бороться с несправедливостью до последней капли крови...» И далее, в ответ на слова короля, что вряд ли можно сопротивляться французам, имеющим современное оружие, Конг заявил: «Государь, я думаю, что они не смогут победить, если народ продолжит сопротивление».

При характеристике народного движения в Кампучии в 1884—1886 гг. следует учитывать и многонациональный состав населения страны, национальную и религиозную рознь, что, безусловно, использовалось колонизаторами для борьбы с повстанцами. Так, для подавления восстания Си Ватхи были привлечены малайцы и представители других национальностей; французы имели довольно развитую сеть агентуры из местного населения, использовали осведомителей и проводников, с помощью

которых устраняли неугодных им людей, главным образом наиболее талантливых вождей народного движения.

Крестьянство поддерживало вождей, выдававших себя за потомство какой-либо династии и стремившихся захватить престол, что отражало стремление крестьян изменить существующие в стране порядки. Эти действия приводили к столкновению с колониальными войсками, поскольку французская администрация была на стороне Нородома, уже признавшего ее власть. Исключение составляет антифранцузское народное восстание в Кампучии, которое было инспирировано правящей династией.

Во главе восставших стояли в основном представители привилегированных сословий: чиновники, чаще всего мелкие и средние, буддийские монахи. Антифранцузские выступления чиновников были связаны с реальной проблемой утраты ими прежнего влияния и доходов. Колонизаторам удавалось с помощью подкупа и угроз привлекать на свою сторону часть руководителей повстанцев, умело натравливать одних вождей восставших на других, использовать приближенных ко двору чиновников в своих целях.

Для французов соглашение 1886 г. было лишь временным отступлением. Для Нородома же это была возможность укрепить свой пошатнувшийся трон: по-видимому, вожди восставших в борьбе с французами далеко не всегда преследовали цели защиты трона и Нородома, они вынашивали и свои собственные честолюбивые планы. Волнения в отдельных провинциях продолжались до 1896 г.

Антифранцузские выступления в Кампучии были глубоко народными по своей сущности. Смыкаясь с выступлениями патриотов Вьетнама и Лаоса, они явились зародышем будущей совместной борьбы народов Индокитая за освобождение от гнета французского колониализма, за политическое освобождение.

В последние годы идеология народных движений кхмерского народа делается все более «крестьянской», ничего общего уже не имея с идеологией феодально-монархического национализма, характерного для движения 80-х годов XIX в. И это понятно, так как феодальная верхушка, ранее возглавлявшая эти движения, стала послушным орудием в руках колонизаторов, превратившись в чиновников, состоящих у них на жалованье.

После установления в стране французского колониального господства и включения Кампучии в состав Индокитайского Союза усиливается недовольство крестьянства, связанное с растущими налогами, коррупцией, развившейся уже в первые годы колониального управления.

Дальнейший подъем национально-освободительной борьбы кхмерского народа связан с началом формирования в стране капиталистических отношений, зарождением местной, национальной, а также китайской и вьетнамской буржуазии.

Глава 4

КАМПУЧИЯ ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ ФРАНЦИИ

К началу XX столетия формы французского политического господства в Кампучии в основном выработались и, претерпевая лишь незначительные изменения, просуществовали до 1945 г., когда японские военные власти, произведя государственный переворот, сменили всю французскую администрацию. Этот период в истории страны падает в основном на правление королей Сисовата (1904—1927) и Монивонга (1927—1941).

Для стран капиталистического мира, в том числе и для Франции, конец XIX — начало XX в. ознаменовались наступлением империализма, который, по характеристике В. И. Ленина, «есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел решающее значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [1].

Переход стран капиталистического мира к империализму существенно не отразился на первых порах на положении в Кампучии. В 1900 г. в стране имелось всего 15 европейских земельных владений, в которых обрабатывалось 235 га. Это были первые попытки создать капиталистическое плантационное хозяйство, главным образом для производства риса.

В дальнейшем перерастание французского промышленного капитализма в империализм привело к значительным социальным изменениям в Кампучии, которые выразились прежде всего в становлении и развитии капиталистических отношений, в формировании основных сил капиталистического общества—пролетариата и буржуазии. В Кампучии эти процессы протекали крайне медленно, в условиях господства французского монополистического капитала, при замедленных темпах разрушения феодальных отношений.

До первой мировой войны французский финансовый капитал стремился создать необходимые условия для притока частных инвестиций в основные отрасли экономики страны. Однако приток французских капиталов в Кампучии усилился позднее, лишь в 20-е годы.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. особенно отразился на сельском хозяйстве страны. Резкое падение цен на экспортируемые товары повлекло за собой сокращение внешней торговли и сельскохозяйственного производства, ухудшение положения трудящихся масс, что усилило национально-освободительное движение в Кампучии и в Восточном Индокитае в це-

---

[1] В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 387.

лом. Кризис способствовал централизации капиталов в руках крупнейших французских монополистических объединений.

Период с середины 30-х годов до начала второй мировой войны отмечен относительно интенсивным развитием экономики Кампучии. Подготовка ко второй мировой войне способствовала оживлению некоторых экспортных отраслей хозяйства (рис, каучук). Приток французских капиталов увеличился. Возросли прибыли французских монополий. Вся экономическая жизнь стран Индокитая, в том числе и Кампучии, контролировалась Индокитайским банком. Накануне второй мировой войны Индокитай оставался типичным аграрно-сырьевым придатком французского империализма.

Проникновение капиталистических отношений и установление системы колониальной эксплуатации в Кампучии прежде всего сказались на положении крестьянства. В Кампучии основным типом земельного собственника был малоземельный крестьянин и крестьянин-середняк. Чтобы выплатить налоги, которые с установлением колониального господства в стране стали взиматься в денежной форме, крестьянин вынужден был все более переходить на производство экспортной технической культуры — гевеи, а также расширять посевы традиционных культур — риса, кукурузы, которые тоже шли в основном на экспорт. Однако система производства оставалась прежней, при колонизаторах урожайность по-прежнему была крайне низкой — 10—12 ц риса с 1 га.

Росла зависимость крестьянина от китайского, индийского, вьетнамского торгово-посреднического капитала либо от французского; удаленность от рынка увеличивала зависимость местного производителя от посредника. Росли долги крестьянства. Нехватка денежных средств вынуждала крестьянина периодически обращаться к займам, которые он получал у представителей инонационального ростовщического капитала. Процент по займам был очень высок.

Деятельность французских колонизаторов в Кампучии была направлена на создание класса крупных земельных собственников либо из представителей феодальной верхушки, либо из представителей складывающейся национальной буржуазии, чиновников и т. д. Крупными землевладельцами становились европейские компании или отдельные лица, получившие в концессию большие земельные участки.

Появление европейских промышленных товаров в Кампучии не вызвало массового разорения местных ремесленников: пострадали только отдельные группы ремесла (производство хлопчатобумажных тканей, алкогольных напитков, соли). В целом ряде отраслей (производстве пищевых продуктов, гончарном деле, резьбе по кости, обработке серебра, меди, золота) местное ремесленное производство продолжало существовать и даже работало на вывоз.

Причина, по-видимому, кроется в тесной связи местных ре-

месленников с деревней, в наличии в стране свободных земель: в случае разорения ремесленник становился крестьянином.

Потребность колонизаторов в кадрах из местного населения открывала определенный доступ представителям местной элиты к европейскому образованию. В Кампучии в конце 20-х — начале 30-х годов стала формироваться национальная интеллигенция.

Характерные для начала века стабилизация форм политического господства Франции, создание колониального аппарата в Кампучии и в целом во французском Индокитае сыграли большую роль в установлении в стране режима колониального угнетения, в создании условий для эксплуатации ее финансовым капиталом. Поскольку во Франции именно государство брало на себя основные расходы по претворению колониальной политики в жизнь, государство и оплачивало за счет французских налогоплательщиков расходы на колониальные войны, изыскательские и другие работы по освоению захваченных территорий. Для идеологического оправдания этой политики особенно характерны были «благородные» мотивы. Это делалось для того, чтобы лучше воздействовать на воображение налогоплательщиков, уговорить их на новые расходы в пользу в конечном счете монополистов и биржевых дельцов.

По мере освоения своих колоний французская администрация все более стремилась перевести их на «самоокупаемость» — возложить на плечи местного населения все основные расходы по содержанию колониальной и местной администрации, по проведению там всякого рода работ, обеспечивающих наиболее выгодное приложение французского капитала.

Для эксплуатации своих индокитайских колоний Франция прибегала в основном к прямому налогообложению при незначительных инвестициях в промышленность. Слабость своих экономических позиций в колониях французский колониализм стремился «восполнить» за счет развития административно-бюрократического аппарата принуждения, поскольку внеэкономический метод эксплуатации колоний оказался в конечном итоге наиболее приемлемым для французского колониализма, учитывая в целом однобокое развитие французской экономики, слабость ее торгово-промышленной буржуазии при относительно сильном развитии финансового капитала. При этом, разумеется, также важную роль играли рычаги финансового закабаления, поскольку одновременно с этим создавались благоприятные условия для расширения сферы деятельности торгово-ростовщического капитала.

Одним из основных источников поступлений в бюджет Кампучии и Индокитайского Союза в целом были доходы от налогообложения, прямого и косвенного, а также таможенные сборы и доходы от монополий на винно-водочные изделия, соль, опиум и т. д. При французах в Кампучии налоги платили все и за все: помимо уже упоминавшихся существовал подушный

налог на всех членов семьи, начиная со стариков и кончая новорожденными младенцами, налоги на землю, дома, на всех животных, от буйвола до собаки, на кокосовые и сахарные пальмы, банановые деревья, лодки, рыболовные сети, кувшины для вина, орехи и т. д. По минимальным оценкам, прямые налоги составляли 50% доходной части бюджета Кампучии, основная часть которого шла на содержание колониального аппарата.

Основными прямыми налогами были подушный и земельный. Подушный налог в Кампучии платили один раз в год: внесенные в списки лица в возрасте от 21 до 50 лет платили 2,5 пиастра (1 пиастр=4,55 франка), от 51 до 60 лет — 0,8 пиастра; с 18 до 20 лет — также 0,8 пиастра. Не решаясь сразу порвать с установившейся традицией, французская администрация ввела в ряде случаев различное обложение для лиц, внесенных в списки, и тех, кто при кхмерской монархии, до протектората, освобождался от уплаты налогов.

Кроме того, внесенные в списки должны были платить по 0,1 пиастра в день за 20 дней освобождения от участия в общественных работах. В остальные дни администрация могла привлечь население для работ по ремонту плотин, оросительных каналов, строительству общественных зданий и т. д.

Население Кампучии платило поземельный налог в размере одной десятой урожая риса. Колониальная администрация использовала поземельный налог для введения капиталистической частной собственности на землю. В основном это было связано с проведением земельного кадастра, организацией европейского плантационного хозяйства и политикой земельных концессий, проводившихся колониальной администрацией.

До установления французского протектората по традиционному праву земля в Кампучии принадлежала государству, а фактически находилась в пользовании крестьян, которые лишь вносили десятину (десятую часть урожая риса) в королевскую казну. Это не значит, однако, что собственность на землю в Кампучии не существовала. В стране имелось разработанное земельное законодательство, различались понятия «занимающий землю» и «собственник земли» и т. д. Земля лишь не была объектом купли-продажи из-за неразвитости товарно-денежных отношений, существования массы незанятых земель и пр. Колонизаторы стремились сделать ее объектом капиталистических отношений собственности. Французская администрация в соответствии с договором от 17 июня 1884 г., а также с рядом указов Нородома и циркуляров верховного резидента ввела частную собственность на землю. Так, в тексте договора от 17 июня 1884 г. говорилось: «земли королевства, которые ранее были исключительно собственностью короны, отныне перестают быть неотчуждаемыми»; в указе Нородома от 11 июля 1897 г. (ст. 12) было сказано, что правительство оставляет за собой

право отчуждать все незанятые земли королевства, а «все собственники-концессионеры будут пользоваться полным правом собственности в отношении проданных или предоставленных им земель». В циркуляре от 29 декабря 1897 г. это положение уточнялось. В нем говорилось: «правительство сохраняет за собой право продажи или бесплатной уступки всех земель королевства с целью сделать эти земли окончательно собственностью их владельцев, обеспечить стабильность их владения этими землями, а также для того, чтобы создать благоприятные условия для обработки максимального количества земли под посевы риса, постепенно увеличивая богатство земельных собственников, поскольку громадные земельные площади в стране остаются неиспользованными и свободными». Французская администрация, вводя частную собственность на землю, возможность ее купли-продажи, по-существу, перекраивала отношения собственности, сложившиеся в Кампучии, на буржуазный манер.

Французская администрация попыталась провести и земельный кадастр. Так, 25 апреля 1902 г. был издан указ короля с требованием вывесить в каждой деревне списки владельцев земли с указанием ее количества. Этот указ, однако, остался на бумаге. Кадастр был проведен лишь в окрестностях Пномпеня и в тех районах Кампучии, где европейцы были особенно заинтересованы в концессиях свободных земель для выращивания риса, хлопка, перца, позднее гевеи. Кадастрирование земель проводилось и в 1908, и в 1912 гг., а также в период 1930—1945 гг., иными словами, в течение всего периода протектората.

Вводимая французской администрацией собственность на землю получила свое юридическое оформление в принятом в 1920 г. кампучийском гражданском кодексе. По этому кодексу различаются понятия «владелец» земли (тот, кто ее обрабатывает) и «собственник» (тот, кто имеет специальное удостоверение, указывающее, что его земля включена в кадастр и он платит за нее налог). Владелец земли мог стать ее собственником только после того, как его участок будет занесен администрацией в списки земель, включенных в кадастр.

В то же время практически, т. е. в соответствии с обычным правом, «владельцы» имели те же права и обязанности, что и «собственники». Владелец также мог распоряжаться своим имуществом (землей) по своему усмотрению; право собственности на землю создавалось путем покупки, наследования или в результате обработки незанятой земли в течение пяти лет. Право на обработку крестьянину давали местные власти.

В 1926 г. французская администрация приняла положение, по которому запрещалось лицам, не являющимся французскими гражданами или не относящимся к категории «покровительствуемых» лиц, получать земельные владения в Кампучии[2].

[2] Этот закон, в частности, был направлен против концентрации земельной собственности у лиц китайской национальности.

Так было положено начало формированию нового, связанного с французскими колонизаторами кхмерского господствующего класса.

Таким образом, аграрная политика французских колонизаторов в Кампучии была направлена на создание системы капиталистической частной собственности на землю, существующей как бы параллельно с традиционной (феодальной) системой. В соответствии с новыми порядками домениальные земли отныне перераспределялись по усмотрению колониальной администрации. Для французских граждан (и в первую очередь для монополий) были отрезаны большие участки земли для возделывания риса, под плантации кофе, перца и гевеи, для разведения скота. Большие земельные участки были выделены для кхмерских чиновников, активно сотрудничавших с французской колониальной администрацией.

В первые годы после установления французского протектората верховный резидент имел право на бесплатную выдачу земельных концессий практически неограниченных размеров (до 1 тыс. га). В 1913 г. максимальный размер земельных концессий был ограничен 300 га. В 1928 г. выдача бесплатных концессий была отменена. Вместо этого концессию можно было приобрести с аукциона, к участию в котором допускались не только французы, но и верхушка кампучийского общества. По данным 1930 г., общая площадь земельных концессий, выданных колониальной администрацией, составляла 190—200 тыс. га. Из них французам принадлежало 70%. Несколько тысяч га земель было приобретено представителями местной элиты.

Часть этих земель была использована для производства идущего на экспорт риса. В 1927 г. площадь земель под рисом в Кампучии составила 900 тыс. га по сравнению с 300 тыс. га в 1904 г. В основном эти земли были сосредоточены в провинциях Баттамбанг, Свайриенг и Прейвэнг. Производство экспортного риса было организовано как на плантациях, так и на землях, сдаваемых в аренду. Из Кампучии ежегодно вывозилось 150—250 тыс. т риса (в 1937 г. — 400 тыс. т риса; 300—400 тыс. т кукурузы; 3200 т перца).

Значительное количество концессионных земель (около 50%) было использовано для создания в Кампучии плантационного хозяйства каучуконосов. В 1921—1922 гг., когда начался «каучуковый бум», под гевеей в Кампучии было занято 1224 га земель. В 1945 г. эта культура выращивалась уже на площади 29 922 га (в 1937 г. было вывезено 12 тыс. т латекса). По оценочным данным, инвестиции французских монополий в производство каучука составили накануне второй мировой войны около 60% всех их инвестиций в Кампучии.

Процесс концентрации земли, который стал развиваться в Кампучии в годы французского протектората, не привел здесь, однако, к массовому обезземеливанию крестьянства. Более

80% лиц, занятых в сельском хозяйстве, были собственниками своей земли. Это объясняется наличием в стране значительного количества свободных земель, освоение которых не требовало особенно крупных затрат.

Примерно 88% земельных собственников в главных рисоводческих районах страны составляли крестьяне, наделы которых не превышали 5 га, лишь 1,2—2,0% приходилось на хозяйства с участком земли свыше 10 га [3]. По данным 1956 г., из 727 тыс. собственников земли в центральных провинциях Кампучии 402 тыс. (55%) владели участками менее 1 га, 183 тыс. (25%) — участками в 1—2 га, 90 тыс. (12%) — участками от 2 до 5 га, 48 тыс. (7%) — участками от 5 до 10 га, 9300 человек (1%) были собственниками участков от 10 до 20 га и 1191 (0,17%) были собственниками земельных участков площадью 20 га и более. Таким образом, в годы французского протектората Кампучия, несмотря на зарождение в стране капиталистических форм производства (плантационное хозяйство), оставалась страной мелкого и среднего крестьянского хозяйства.

Основная тенденция развития кампучийской деревни, наметившаяся в 30—40-е годы XX в., заключалась в образовании прослойки малоземельного крестьянства. Дело в том, что крестьяне-бедняки зачастую не имели возможности произвести даже те незначительные затраты, которые требовались для освоения свободных земель. Это тормозило крестьянскую «колонизацию» свободных земель. В результате расширение пахотного фонда в центральных районах страны значительно отставало от темпов естественного роста населения, что не давало возможности ликвидировать земельный голод в этих районах Кампучии. Резервы целинных земель в то же время составляли основной источник формирования крупной и средней земельной собственности. Крупными земельными собственниками (участки свыше 20 га) были представители старых феодальных фамилий (королевская семья), представители традиционного и «нового» чиновничества и, наконец, концессионеры — лица, обычно из числа торговой прослойки, получившие земли от французской администрации в виде концессий для организации на них плантационного хозяйства.

Развитие товарных отношений в деревне в условиях французского колониального господства стало проходить ускоренными темпами, хотя и продолжало базироваться на полуфеодальной эксплуатации крестьян. Одной из основных форм этой эксплуатации был ссудный ростовщический капитал, который втянул в свою орбиту 80—85% крестьянских хозяйств. Займы обычно давались под урожай, ссудный процент равнялся 100—150%, а иногда и 200%. Как правило, крестьянин не мог выпутаться из долгов.

---

[3] Данные 1930 г. по провинциям Баттамбанг, Кандаль, Кампонгтям, Прейвэнг, Свайриенг.

Господство французских колонизаторов препятствовало развитию в Кампучии местного национального производства, поскольку внутренний рынок страны был открыт для свободного (беспошлинного) ввоза товаров французской промышленности. В то же время ввоз французских капиталов в Кампучию производился в гораздо меньших масштабах, чем, например, во Вьетнам. Это объяснялось отсутствием в стране крупных резервов рабочей силы, значительной узостью внутреннего рынка, а также отсутствием крупных источников минерального сырья.

Несколько десятков различных французских монополий принимали участие в создании в стране плантационного хозяйства, транспорта, промышленных предприятий (в основном по первичной обработке сельскохозяйственного сырья), в городском строительстве. Деятельность этих компаний находилась под контролем Индокитайского банка.

Одновременно с французским капиталом в экономику Кампучии неуклонно проникал китайский и в меньшей мере вьетнамский торгово-посреднический капитал. Китайские и вьетнамские фирмы выполняли роль посредника между французскими монополиями и внутренним рынком стран, входивших в Индокитайский Союз. Помимо чисто посреднических функций эти фирмы играли значительную роль и в сфере мелкого промышленного производства Кампучии (рисоочистительные заводы, деревообрабатывающая промышленность, а также производство некоторых видов строительных материалов, гончарное производство).

Прослойку национальной буржуазии кхмерского происхождения в период французского протектората представляла небольшая часть мелких розничных торговцев, владельцев полукустарных предприятий.

Засилье докапиталистических форм эксплуатации в Кампучии сказалось и на условиях формирования местного пролетариата. По оценочным данным, общая численность рабочих в Кампучии накануне второй мировой войны не превышала 20—25 тыс. человек. Ядро рабочего класса составляли плантационные рабочие (10—12 тыс.), остальные были рассредоточены главным образом по мелким промышленным предприятиям. Нарождающийся пролетариат Кампучии был многонациональным: в 1930 г., например, на плантациях страны насчитывалось до 10 тыс. вьетнамских рабочих из Тонкина, работающих по контракту; на мелких промышленных кустарных предприятиях основную массу рабочих составляли кхмеры.

В Кампучии в период протектората было значительное число ремесленников, в основном вьетнамского и кхмерского происхождения; число занятых в ремесленном производстве накануне второй мировой войны составляло около 30—40 тыс. Рабочие и ремесленники были тесно связаны с крестьянским хозяйством, с деревней.

За годы протектората в Кампучии были проведены определенные работы в области городского строительства, инфраструктуры, ирригации, предприняты первые шаги по созданию отдельных промышленных предприятий, главным образом для переработки местного сырья [4], проводились работы в области селекции сельскохозяйственных культур, было несколько улучшено медицинское обслуживание. Велись работы по реконструкции Пномпеня и крупных провинциальных центров страны. В 1902 г. в Пномпене появилось электрическое освещение, были проведены телефонные и телеграфные линии.

Все это, однако, делалось для того, чтобы создать лучшие условия для европейцев, главным образом французов, для укрепления в стране экономического уклада, так или иначе связанного с колониальной эксплуатацией страны.

Экономика Индокитая, в том числе Кампучии, была поставлена на службу империалистическим интересам Франции. Так, в годы первой мировой войны общая стоимость поставок во Францию из Индокитая оценивалась в 11 млн. франков золотом. Рабочая сила из Индокитая (в основном вьетнамцы и отчасти кхмеры) использовалась на военных заводах во Франции, на строительстве различных военных объектов. Вьетнамские и кхмерские солдаты сражались в рядах французской армии; всего за 1914—1918 гг. французские власти мобилизовали в Индокитае около 100 тыс. человек (кхмеров стали брать во французскую армию в 1916 г., вначале на «добровольной» основе).

В 20-е годы были проведены определенные работы по созданию инфраструктуры страны. Основные центры Кампучии были связаны с Пномпенем и с системой Индокитайского Союза в целом, а также с зарубежными странами. В 1929 г. было закончено строительство моста через р. Бассак в окрестностях Пномпеня, а в 1929—1932 гг. построена железная дорога Пномпень—Баттамбанг. Всего к началу второй мировой войны в Кампучии было выстроено 1600 км шоссейных дорог и 390 км железнодорожных линий.

Была создана сельскохозяйственная служба, которая занималась выведением подходящих для условий страны сортов сельскохозяйственных культур, в особенности риса и хлопка. В 1911 г. была создана ветеринарная служба для борьбы с эпидемиями, а также для улучшения поголовья скота за счет селекции и правильного подбора производителей. Лесная служба Индокитая вырабатывала методы наиболее рациональной с точки зрения французского капитала эксплуатации лесных богатств Кампучии, занималась селекцией лучших пород деревьев. Рабо-

---

[4] В 20-е годы были созданы предприятия по производству табачных изделий, спиртных напитков, белого сахара, несколько рисоочистительных заводов, два завода по переработке шелка, текстильная фабрика, лесопильни.

та службы рыбного хозяйства упорядочила правила рыболовства.

Улучшением санитарного обслуживания населения занималась санитарная служба Кампучии. В Пномпене и других крупных городах страны были выстроены больницы, проводились прививки против чумы и оспы. Принимались меры по созданию медицинского персонала из местного населения. В 1922 г. 18 кхмеров, окончивших медицинскую школу в Ханое, впервые приступили к работе у себя на родине.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и последующая депрессия отразились прежде всего на колониальной экономике Кампучии. Значительно снизилась стоимость идущего на экспорт сельскохозяйственного сырья, сократились бюджетные поступления, снизился и без того невысокий уровень иностранных инвестиций. Положение трудящихся заметно ухудшилось.

* * *

Как отмечалось, одной из характерных особенностей французского колониального управления, в частности в Кампучии, было создание развитого бюрократического аппарата с характерной для него централизацией. Это создавало потребность в непрерывном пополнении кадров чиновников, прежде всего из местного населения, требовало проведения политики «окультуривания» местного населения, создания в Кампучии системы учебных заведений, в том числе и технических.

Основой начального образования в Кампучии были школы при буддийских монастырях, куда поступали дети восьмилетнего возраста. Эти школы, созданные по указу короля Сисовата, находились под контролем колониальных властей. В 1911 г. в Кампучии насчитывалось около 30 начальных школ; в них дети обучались чтению и письму на родном языке, основам французского языка, счета. В 1924 г. программа обучения в этих школах была пересмотрена в сторону приближения к требованиям современности и поставлена под еще более строгий контроль французской администрации. В 1937 г. общее число этих школ достигло 813 с числом учащихся 34 тыс.

Наряду со школами при монастырях имелись светские начальные школы; сюда поступали ученики, уже умеющие читать и писать на родном языке. Здесь обучение велось на французском языке и по программам, приближенным к французским начальным школам. В 1937 г. таких школ было 117; в них обучалось более 11 тыс. детей. Эти школы располагались, как правило, в наиболее крупных городах страны.

Для подготовки к обучению по полной программе французской школы второй ступени в Кампучии в 1911 г. был открыт колледж Сисовата с пятилетним сроком обучения. В 1935 г. он

был преобразован в лицей, где готовили кадры преподавателей для кампучийских школ первой ступени.

Техническое образование кхмеры могли получить в открытой в 1917 г. Школе искусств, где готовились ремесленники, скульпторы, ювелиры, гончары. В 1937 г. в ней обучалось 135 учеников-кхмеров. В 1903 г. в Пномпене была создана школа по подготовке квалифицированных рабочих, которая через 20 лет была преобразована в технический колледж для подготовки среднетехнических кадров различных специальностей. В 1937 г. в нем обучалось более 100 учеников, из них 50 кхмеров и 62 вьетнамца.

Для получения высшего образования кхмеры, как правило, отправлялись в Ханой, в Университет Индокитая (в котором из 631 студента в 1937 г. было только 3 кхмера), или в Париж.

Большую роль в формировании кадров национальной интеллигенции, выступившей впоследствии против колониального режима в Кампучии, сыграли два учебных заведения — Школа пали и Буддийский институт. Школа по изучению языка пали была открыта в Пномпене в 1914 г.; в 1923 г. она была преобразована в Высшую школу пали. В 1937 г. в ней обучались свыше 180 студентов. Буддийский институт был открыт в Пномпене в 1930 г.; там изучались различные аспекты буддийской религии.

Высшая школа пали и Буддийский институт были связаны с 15 провинциальными учебными заведениями, где готовили кадры преподавателей для кхмерских школ. Отсюда же набирались слушатели для Высшей школы пали и Буддийского института.

Главные рычаги управления Индокитайским Союзом были сосредоточены во Вьетнаме — в Сайгоне и Ханое, поэтому там были созданы лучшие возможности для подготовки кадров из местного населения; администрация протектората воспользовалась услугами вьетнамцев — чиновников низшего ранга для нужд административного управления и в Кампучии: вьетнамцы занимали административные должности секретарей, всякого рода помощников в центральном управлении, в службах общественных работ, финансов, на таможне. Административные посты того же ранга кхмеры стали занимать только к концу 20-х — началу 30-х годов, когда в Кампучии сложились условия для формирования чиновников кхмерской национальности. Многие представители кхмерской администрации, опираясь на власть и авторитет французов, «закрывавших глаза» на их действия, занимались лихоимством и взяточничеством. Коррупция чиновничьего аппарата стала в стране национальным бедствием: взятки стали брать не только за то, чтобы продвинуть какое-то дело, а просто за то, чтобы поставить печать на документе, принять и рассмотреть заявление. В годы протектората местное население было задавлено налогами и поборами чиновников,

опутано ростовщиками, бедность стала его хроническим состоянием. Экономика страны развивалась крайне медленными темпами.

Глава 5

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ПРОТЕКТОРАТА

Замедленные темпы развития Кампучии, консервация колонизаторами самых отсталых форм эксплуатации не могли не сказаться на развитии освободительного движения в стране. В отчетах французской администрации постоянно повторялся тезис о природном миролюбии местного населения, о мягком, уступчивом характере кхмеров. Однако сопротивление колонизаторам, по существу, не прекращалось в течение всего периода французского господства в Кампучии. Часто, как и в предыдущие годы, движение кхмерского народа сливалось с действиями вьетнамского и лаосского народов.

Освободительная борьба кхмерского народа в период протектората прошла несколько этапов: первый длился приблизительно до конца 20-х годов, когда поднявшееся на борьбу крестьянство выступало против колонизаторов, ища поддержки у короля, надеясь с его помощью избавиться от нищеты и угнетения как со стороны французской администрации, так и со стороны собственных, кхмерских чиновников. Этот период можно определить как «прокоролевский» этап движения. На этом этапе национально-освободительного движения в Кампучии возникали отдельные, часто не связанные между собой движения крестьян, вызванные бедностью и произволом администрации.

В 1907 г. в Кампучии происходили крестьянские волнения под руководством Визес Нхиеу. Отдельные выступления населения против колониальной администрации отмечались и позднее. В апреле 1909 г. поднялось восстание крестьян в районе г. Кампот. Источники отмечают, что в этот же период на границе с Кохинхиной действовал отряд местных жителей, совершавший нападения на телеграф, разрушавший линии связи.

Крупное движение крестьян развернулось в Кампучии в январе—феврале 1916 г. Население было недовольно налогами, призывом в армию, но непосредственным толчком послужили злоупотребления администрации при мобилизации населения для строительства национальной дороги № 1. В движении, охватившем западные районы страны, приняло участие около 100 тыс. человек. Участники движения напали на г. Кратие и ряд других пунктов, занятых французами. Подавить выступление вооруженной силой не удалось, так как французская адми-

нистрация не располагала в это время достаточным числом солдат. Пришлось пойти на переговоры. 30 тыс. манифестантов с 5 января по 24 февраля 1916 г. были допущены в столицу, где изложили свои требования королю Сисовату. Король сумел успокоить недовольных, которые вернулись домой и возобновили прерванные работы. Положение в стране после этого, разумеется, не изменилось.

Ярким проявлением недовольства кхмерских крестьян своим положением явилось дело об убийстве французского администратора в пров. Кампонгчнанг, который 16 апреля 1925 г. в сопровождении двух охранников направился в селение Керанг Ле для сбора недоимок, причем сделал это во время празднования Нового года; все трое были убиты. Виновники были арестованы, судимы в Сайгоне и осуждены.

Выступления горных народностей против французского гнета, по существу, никогда не прекращались и особенно усилились после того, как французская администрация начала планомерное проникновение в районы красных земель для создания там каучуковых плантаций (1920—1921). Так, 26 мая 1931 г. был убит французский инженер, приехавший изучить местность перед началом строительства дороги, ведущей в горные районы. В связи с этим делом французский парламент рекомендовал несколько сократить масштабы захватов красных земель, лежащих в районах обитания горных народностей. Разумеется, это осталось лишь благим пожеланием.

Новый этап развития национально-освободительного движения в Кампучии отмечен образованием Коммунистической партии Индокитая (1930 г.) и созданием в ее составе кхмерской секции.

Образование КПИК произошло на фоне роста рабочего и национально-освободительного движения в Индокитае в целом, и прежде всего во Вьетнаме, роста, вызванного резким снижением жизненного уровня населения и связанного с мировым экономическим кризисом. С апреля 1929 по май 1930 г. во Вьетнаме было зарегистрировано 38 забастовок. Забастовочное движение перекинулось и в Кампучию. 21 июня 1929 г. в Пномпене вспыхнула забастовка рабочих французской компании «Сосьете де транспор э мессажри д'Эндошин». 3 октября бастовали рабочие в Пномпене. Значительные волнения наблюдались и среди плантационных рабочих. В августе 1930 г. среди вьетнамского и китайского населения на границе с Кохинхиной, в Пномпене и Кампоте распространялись листовки, призывающие к борьбе против колониального гнета, за улучшение материального положения трудящихся. Французские власти приписали это деятельности «китайской коммунистической группы, связанной с вьетнамскими коммунистическими организациями в Кохинхине». 14 человек по этому делу были арестованы и 25 высланы за пределы Индокитайского Союза.

В одном из первых программных документов, изданном в 1929 г., — Манифесте Коммунистической партии Индокитая, в качестве конечных целей указывалось на необходимость свержения империалистического господства, на уничтожение феодального режима, освобождение рабочих и крестьян, завоевание пролетариатом политической власти. На первом этапе должны были быть решены задачи буржуазно-демократической революции. Пролетариат осуществляет союз с крестьянством с целью свержения французского колониального ига, уничтожения феодального режима и проведения аграрной революции.

КПИК стала руководить борьбой народов Индокитая (Вьетнама, Кампучии и Лаоса) против французского колониализма и местных реакционных сил, за независимость и демократические права. В ходе борьбы против колониального господства народы Вьетнама, Кампучии и Лаоса, несмотря на различия в языке, национальных обычаях и традициях, были тесно связаны между собой.

Параллельно с началом коммунистического движения в Кампучии происходила консолидация буржуазно-феодальных националистических сил, правого крыла национально-освободительного движения. Это относится к концу 20-х — началу 30-х годов. Феодальная аристократия, чиновничество, торгово-компрадорская буржуазия, крестьянство были питательной средой националистического движения, которое стало развиваться под руководством националистической интеллигенции буржуазно-феодального толка, группировавшейся вокруг Высшей школы пали и Буддийского института.

В 1935 г. в Пномпене сложилась группа молодых интеллигентов. Ее лидеры Буор Хорнг и Сон Нгок Тхань были тесно связаны со старшей ветвью королевского дома Кампучии, которая в то время не правила страной. На первых порах они выступали с самыми умеренными требованиями — политической автономии Кампучии по отношению к Франции, смягчения колониального режима. В 1937 г. эта группа стала издавать свою газету «Нагараватта» («Наш город»), где с умеренных позиций критиковался колониальный режим, высказывались пожелания иметь на троне Кампучии представителя старшей ветви королевского дома (Нородомов), поскольку якобы таким образом скорее будут достигнуты политические задачи, которые ставила перед собой эта группа.

* * *

Начало второй мировой войны, развязанной немецким фашизмом, сопровождалось усилением агрессии японского милитаризма на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Рассчитывая на ослабление Франции, попытался пересмотреть свои границы с Лаосом и Кампучией Таиланд. 30 ноября

1940 г. начались военные действия. Несмотря на кратковременные успехи, военные действия не принесли победы Таиланду. 17 января 1941 г. его флот был наголову разбит в Сиамском заливе, а на суше наступление таиландских войск было приостановлено. Однако, прибегнув к помощи Японии, Таиланд все же «исправил» в свою пользу границу с Кампучией и Лаосом. 9 мая 1941 г. между Таиландом и правительством Виши в Токио был подписан мирный договор, по которому часть кхмерских провинций — Сисофон, Сиемреап, Кампонгтхом и Стынгтраенг, расположенных к северу от 15 параллели, отходила к Таиланду. Комплекс Ангкор оставался за Кампучией.

Развивая свою агрессию в странах Восточной Азии, империалистическая Япония все ближе подходила к границам Индокитайского Союза, стремясь использовать людские и материальные ресурсы этой французской колонии в битве за господство в Азии. 29 июля 1941 г. адмирал Дарлан подписал соглашение, по которому Япония получала право на размещение своих войск на всей территории Индокитая; а также право создавать дополнительные авиационные и морские базы, без ограничения численности войск в них. 8 декабря 1941 г. адмирал Деку подписал с представителями японского командования соглашение о совместной обороне Индокитая, по которому французская администрация должна была обеспечивать порядок на территории Индокитая.

Население Кампучии оказалось под двойным гнетом — японских и французских колонизаторов, поскольку в стране формально сохранялась французская администрация. Политика Японии в Кампучии была направлена на превращение ее в японскую военную базу и дешевый источник сельскохозяйственного сырья. По требованию японцев французские власти принуждали кампучийских крестьян засевать часть своих земель клещевиной и другими техническими культурами, в которых особенно нуждалась военная экономика Японии. Внешняя торговля Кампучии перешла почти полностью в руки Японии — до 90% экспорта и 70% импорта.

В Кампучии пришли в негодность основные оросительные каналы, была заброшена часть пахотных земель. За 1941—1948 гг. объем сельскохозяйственного производства сократился на 20—30%.

Развал экономики, инфляция, рост стоимости жизни, порожденные войной и японской оккупацией, вызвали недовольство всех слоев кхмерского общества, городского и сельского населения. Ухудшилось положение средних и мелких ремесленников; хуже стали жить чиновники, интеллигенция, студенчество и другие слои городского населения.

В годы войны передовые слои кхмерского общества с особенной силой стали ощущать свое политическое бесправие, на которое была обречена страна в годы французского господства.

Социально-экономические изменения, вызванные войной и японской оккупацией, содействовали расширению базы национально-освободительного движения.

В новых условиях КПИК сочла необходимым «разбудить национальное сознание народов» и повести их на борьбу против фашизма. КПИК решила создать отдельные национальные фронты для каждой страны. В соответствии с этим решением в Кампучии был создан Кхмерский патриотический фронт (Кхмер Иссарак).

В то же время некоторые круги националистической интеллигенции Кампучии, выступавшие за независимость от Франции, стали ориентироваться на Японию. По мнению их лидеров, объединенных вокруг газеты «Нагараватта», Кампучия могла развиваться по капиталистическому пути, следуя примеру Японии.

Преподаватель Буддийского института Хем Хиеу, опубликовавший статьи, направленные против колониального режима, был арестован французскими властями 15 июля 1942 г. «за подстрекательство». В ответ в Пномпене 20 июля произошла демонстрация 2 тыс. буддийских монахов и нескольких тысяч «светских» участников, которая была разогнана французскими властями, тем более что Япония вопреки ожиданиям не поддержала демонстрантов. Хем Хиеу был приговорен к смерти, которую заменили пожизненной каторгой. Он был сослан на о-в Пуло-Кондор, где умер в 1943 г.[1]. Сон Нгок Тхань бежал в Японию; там он два года обучался в Школе великой Восточной Азии, формировавшей связанных с Японией политических деятелей азиатских стран, на которых делала ставку японская военщина, вынашивавшая планы установления своего политического господства в Азии.

Стремясь привлечь на свою сторону часть националистически настроенной интеллигенции, администрация протектората решилась на незначительные уступки: было принято постановление впредь вместе с французским флагом выставлять и кхмерское королевское знамя. Одновременно по инструкциям из Виши все выборные органы Кампучии распускались; Палата представителей народа Кампучии (учрежденная 10 июля 1940 г. вместо прежней местной консультативной ассамблеи) так и не приступила к работе.

28 октября 1941 г. на кампучийский престол вступил Нородом Сианук. Он представлял одновременно старшую и младшую ветви кхмерского королевского дома, и это примиряло с фактом его коронации различных представителей придворной аристократии.

Националистическое движение после 1942 г. развивалось в рамках молодежного движения «Спорт и молодость», объеди-

---

[1] 4 июля 1972 г. его прах был перенесен в Пномпень.

нившего довольно широкие массы молодежи под лозунгом: «Будем достойны наших ангкорских предков».

Таким образом, к 1945 г. в кампучийском национально-освободительном движении оформилось два крыла. Представители левых сил готовились к вооруженной борьбе за независимость (которую в дальнейшем кампучийский народ вел в тесном союзе с антиимпериалистическими силами Вьетнама и Лаоса), а также к легальной борьбе, выступая за немедленное установление в стране независимого республиканского строя. Политические силы, группировавшиеся вокруг правившего в стране королевского дома, в тот период еще не перешли в оппозицию, а надеялись на получение независимости из рук французских колониальных властей. Во главе левого крыла освободительного движения встал Кхмер Иссарак. В то же время некоторая часть легальной оппозиции попала под влияние паназиатских лозунгов, выдвигавшихся Японией для идеологического «обоснования» своих агрессивных действий в Азии, и пошла на установление политических связей с японскими оккупационными властями, надеясь с их помощью ликвидировать французский колониальный режим и добиться восстановления независимости Кампучии.

Япония, со своей стороны, стремилась использовать националистические круги в своих политических комбинациях. Неудачи Японии в 1943—1944 гг. заставили ее искать пути более активного включения Индокитайского Союза в ее военные усилия. 9 марта 1945 г. французская администрация была заменена японской, а французские войска интернированы. 12 марта король Кампучии Нородом Сианук в двух декретах объявил о расторжении всех ранее подписанных соглашений с Францией. 14 августа 1945 г. при поддержке Японии в Кампучии было образовано правительство во главе с Сон Нгок Тханем, который заявил о своей готовности защищать «независимость страны до конца».

Раздел III

КАМПУЧИЯ В 1945—1970 гг.

Глава 1

БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Окончание второй мировой войны открыло новую страницу в истории Кампучии. Период 1945—1953 гг. был отмечен развитием в этой стране организованных форм вооруженной борьбы за ее независимость.

Капитуляция милитаристской Японии и последовавшая за этим победа Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме сопровождались ликвидацией оккупационного и колониального режимов в странах Индокитая. Революционные события во Вьетнаме вызвали подъем политической активности народных масс в Кампучии и Лаосе. В августе 1945 г. во многих центрах Кампучии состоялись демонстрации, участники которых приветствовали освобождение страны от ига японских и французских империалистов.

В начале сентября 1945 г. английские и французские войска высадились в Южном Вьетнаме под предлогом разоружения находившихся здесь японских гарнизонов. 23 сентября французские и английские части захватили Сайгон, начав, таким образом, вооруженную интервенцию в Индокитае. Вскоре интервенция распространилась и на территорию Кампучии. 9 октября 1945 г. подразделения французских войск были переброшены воздушным путем в Пномпень.

По приказу французского генерала Леклерка Сон Нгок Тхань и члены его правительства были арестованы. Репрессии обрушились также на политических противников Тханя — патриотов, боровшихся против японцев, за полное национальное освобождение страны.

Учитывая новую обстановку, сложившуюся после второй мировой войны, французские империалисты стремились замаскировать возрождение колониального режима в Кампучии новыми «демократическими» формами. 7 января 1946 г. правительство Франции подписало с королевским правительством временное соглашение — «модус вивенди», которое оно пыталось представить как важный шаг на пути восстановления государственной независимости Кампучии.

Подписывая соглашение 1946 г., правящие круги Франции заявляли о предоставлении Кампучии «внутренней автономии». Эта «внутренняя автономия» предусматривала некоторое расширение полномочий королевского правительства в вопросах административного управления страной. Соглашение предусматривало также некоторые формальные ограничения прав французских резидентов. Так, французский комиссар, пришедший на смену верховному резиденту, стал теперь советником короля, тогда как раньше резидент был членом совета министров Кампучии.

Отдельные уступки, сделанные Францией по временному соглашению 1946 г., не меняли, конечно, общего характера этого соглашения, основное содержание которого сводилось к восстановлению режима французского протектората. По соглашению 1946 г. французский комиссар в Кампучии располагал почти такими же широкими полномочиями, как и бывший верховный резидент. Согласно статье «А» все законодательные и нормативные акты королевского правительства должны были визироваться французским комиссаром. Деятельность исполнительных органов власти находилась под контролем французских советников, прикомандированных ко всем министерствам и ведомствам. В соглашении подчеркивалось, что размещенные на территории Кампучии французские войска подчиняются только французскому командованию, что означало сохранение в этой стране французского оккупационного режима.

Кампучия была включена в состав Индокитайской федерации (баодаевский Вьетнам, Кампучия и Лаос), представлявшей одну из составных частей Французского Союза. Кампучии было отказано в праве устанавливать дипломатические отношения с иностранными государствами.

Фактическое восстановление в Кампучии режима французского протектората осуществлялось в условиях дальнейшего расширения вооруженной интервенции Франции во Вьетнаме.

Сосредоточив в Индокитае большое количество войск и боевой техники, французские колонизаторы предприняли в декабре 1946 г. внезапное наступление в Северном Вьетнаме, в результате чего их агрессия была распространена на всю территорию Демократической Республики Вьетнам. Использовав подавляющий перевес своих вооруженных сил и внезапность нападения, интервенты захватили Ханой и другие важные центры ДРВ.

Расширение вооруженной интервенции во Вьетнаме сопровождалось политическими маневрами колонизаторов в Кампучии, направленными на укрепление их позиций в этой стране. При этом особое внимание уделялось мероприятиям, связанным с возвращением Кампучии ее западных районов, отторгнутых Таиландом в 1941 г. В декабре 1946 г. правительство Таиланда, уступая нажиму Франции, возвратило Кампучии по условиям Вашингтонского договора 1946 г. провинции Баттамбанг и

Сиемреап. Воссоединение этих провинций использовалось колонизаторами для пропаганды «позитивных результатов» их деятельности в Кампучии. Французская пропаганда широко рекламировала также мероприятия по частичной модернизации государственной системы Кампучии.

В 1946 г. французские власти дали согласие на осуществление в Кампучии политических реформ, предусматривавших создание парламента, а также политических партий, которые должны были представлять интересы части местной интеллигенции и торговых кругов. В этот период колонизаторы считали себя достаточно сильными, чтобы позволить себе игру в демократию. Существование легальной оппозиции обеспечивало им возможность использования противоречий между королевским двором и отдельными политическими партиями. По замыслу колонизаторов, некоторое оживление политической деятельности местной элиты должно было создать иллюзию «внутренней автономии» кампучийского государства и тем самым затормозить подъем освободительного движения в стране.

В 1946 г. в Кампучии были созданы три политические партии: Демократическая прогрессивная, Либеральная и Демократическая. Наиболее влиятельной из них стала Демократическая партия, объединившая в своих рядах часть местной интеллигенции, учащейся молодежи, чиновников и часть мелких предпринимателей и торговцев.

В сентябре 1946 г. состоялись выборы в консультативную ассамблею, которая должна была принять проект конституции. Большинство голосов на этих выборах получила Демократическая партия, выступавшая с программой предоставления Кампучии максимальной автономии, ограничения французского контроля и расширения конституционных прав будущего парламента.

Новая конституция (первая в истории Кампучии) была утверждена королем 6 мая 1947 г.

Провозглашение Кампучии конституционной монархией представляло определенный шаг вперед с точки зрения модернизации ее государственного строя. Однако это не означало каких-либо сдвигов в области расширения национального суверенитета страны. Согласно конституции 1947 г. Кампучия объявлялась «автономным государством в составе Французского Союза», что в законодательном порядке закрепляло ее зависимое от Франции положение.

В декабре 1947 г. состоялись выборы в Национальное собрание (нижнюю палату парламента), которые снова принесли победу Демократической партии, получившей две трети депутатских мандатов.

События, связанные с выборами в Национальное собрание и осуществлением конституционной реформы, не смогли приостановить обострения политической обстановки в стране и

дальнейшего ухудшения ее экономического положения. Французская интервенция нанесла тяжелый удар экономике Кампучии, материальная и финансовая база которой была серьезно подорвана оккупационным режимом милитаристской Японии.

За 1941—1948 гг. объем сельскохозяйственного производства страны сократился на 20—30%. Особенно большой ущерб был причинен зерновому хозяйству. В результате потери старых рынков сбыта Кампучия вынуждена была сократить почти в три раза производство и вывоз кукурузы — второй по значению товарной культуры страны. Это тяжело отразилось на положении мелких крестьянских хозяйств, специализировавшихся на производстве экспортной продукции.

Большой ущерб экономике Кампучии нанесла финансовая политика колонизаторов, направленная на искусственное понижение курса местной валюты (индокитайского пиастра). Это обстоятельство вызвало падение цен на сельскохозяйственное сырье в странах Индокитая. Финансовые махинации французских банков оборачивались для Кампучии крупными материальными потерями, связанными с необходимостью экспорта ее сельскохозяйственного сырья по резко заниженным ценам.

Основная тяжесть французской интервенции и предшествовавшей ей японской оккупации легла на плечи кампучийского крестьянства — самого многочисленного класса страны. Продолжавшаяся в странах Индокитая инфляция способствовала усилению эксплуатации кампучийских крестьян торгово-ростовщическим капиталом. Разорялись самые бедные крестьянские хозяйства. Еще в годы второй мировой войны в Кампучии появилась прослойка безземельных крестьян[1], что ускорило численный рост сельского и городского пролетариата.

Социально-экономические сдвиги, вызванные событиями периода японской оккупации и французской интервенции, способствовали расширению в Кампучии общественно-политической базы движения Сопротивления. Это движение развивалось в тесной связи с национально-освободительной борьбой народов Вьетнама и Лаоса. В Кампучии движение Сопротивления возглавила организация Кхмер Иссарак, которая была создана в годы второй мировой войны.

После вторжения в Кампучию французских войск (1946 г.) деятельность Кхмер Иссарак резко активизировалась. В 1947—1948 гг. в рядах этой организации сложилось сильное левое крыло, возглавляемое коммунистами — ветеранами движения Сопротивления, активными участниками борьбы против японских оккупантов и французских колонизаторов. В этот период ядро освободительных сил Кхмер Иссарак составили плантационные рабочие, крестьяне-бедняки, ремесленники.

---

[1] По данным французских экономистов, в довоенной Кампучии безземельные крестьяне составляли весьма небольшую часть сельского населения.

В 1948 г. Кхмер Иссарак впервые с момента своего зарождения приступил к созданию баз Сопротивления непосредственно на территории Кампучии. В течение 1949 г. базы Сопротивления были созданы в ряде провинций. Широко используя тактику партизанской войны, Кхмер Иссарак стал изматывать противника мелкими стычками, усиливая одновременно удары по коммуникациям и затрудняя тем самым использование их противником для переброски подкреплений на главный театр военных действий во Вьетнаме.

В этот период французский экспедиционный корпус предпринимал во Вьетнаме попытки захватить Вьетбак (горные районы Северного Вьетнама) и нанести таким образом решающий удар по ДРВ. Организованное колонизаторами широкое наступление на Вьетбак осенью 1947 г., по существу, захлебнулось. С 1948 г. французское командование в Индокитае отказалось от крупных наступательных операций и перешло к тактике позиционной войны.

Перспектива затяжной войны в Индокитае заставила колонизаторов пересмотреть свои политические позиции в Кампучии и пойти на некоторые формальные уступки общественному мнению этой страны.

25 ноября 1948 г. президент Франции Венсан Ориоль направил королю Нородому Сиануку послание, в котором содержалось признание «независимости» Кампучии «в рамках Французского Союза». В начале 1949 г. проходили франко-кампучийские переговоры о заключении нового договора, который должен был расширить автономию Кампучии.

Во время переговоров одним из центральных стал вопрос о военном контроле. В мае 1949 г. кампучийская сторона выступила с требованием предоставить Кампучии автономию в военной области, т. е. передать королевскому правительству верховную военную власть в стране. Не решаясь открыто игнорировать это требование, колонизаторы дали согласие на постепенный вывод своих войск из отдельных провинций Кампучии. В этих провинциях предполагалось создать «автономные зоны», находящиеся под военной и гражданской юрисдикцией короля.

Летом 1949 г. под контроль королевского правительства были переданы две провинции: Сиемреап и Кампонгтхом. Однако французские власти отказались уточнить сроки вывода своих войск из других провинций Кампучии, пытаясь тем самым уклониться от ограничения своего военно-политического контроля.

Стремление колонизаторов сохранить во что бы то ни стало оккупационный режим нашло отражение в тексте нового франко-кампучийского договора, который должен был заменить временное соглашение 1946 г. Церемония подписания этого договора состоялась 8 ноября 1949 г. в Париже. По этому договору Франция признала Кампучию «независимым государством»

(ст. 1). Королевское правительство, в свою очередь, подтвердило принадлежность Кампучии к Французскому Союзу в качестве «присоединившегося государства». Кампучия получила право на представительство в Верховном совете Французского Союза, а также право установления прямых дипломатических отношений с иностранными государствами. В договоре 1949 г. отмечалось, что «королевское правительство Кампучии в полной мере осуществляет полномочия и прерогативы, вытекающие из внутреннего суверенитета страны» (ст. 4).

Однако признание за Кампучией перечисленных выше прав сопровождалось многочисленными оговорками, которые урезывали до минимума ее государственную автономию. Так, провозглашая свободу внешних сношений Кампучии, договор одновременно подчеркивал, что кампучийские послы могут назначаться только по согласованию с французским правительством, а их верительные грамоты должны выдаваться французским президентом (ст. 17). Формальный характер носило также признание внутреннего суверенитета страны, поскольку верховная военная власть фактически оставалась в руках французов.

В специальном приложении к договору 1949 г. (так называемая дополнительная конвенция по военным вопросам) отмечалось, что Кампучия получает право создания национальной армии, подчиненной непосредственно королю. Однако далее подчеркивалось, что во время войны кампучийская армия подчиняется специальному военному комитету, руководство которым будет находиться в руках представителей французского командования.

Итак, признание независимости Кампучии в ноябре 1949 г. носило чисто декларативный характер. Уступки, сделанные Францией, по существу, не затрагивали основ ее политического и военного господства в этой стране.

Осенью 1950 г. Кампучия была втянута в валютный и таможенный союз, заключенный между Францией и «присоединившимися государствами Индокитая». В компетенцию этого четырехстороннего союза вошли такие важные области экономической деятельности и управления, как внешняя торговля, таможенный контроль, валютная система и коммуникации указанных государств. Под контроль четырехстороннего союза были переданы вновь созданный эмиссионный банк Индокитая, а также ряд других учреждений, занимавшихся вопросами экономического планирования, речного судоходства, совместного использования порта Сайгон и т. д. Важной функцией четырехстороннего союза был контроль над таможенной системой стран Индокитая [2].

Хотя формально все органы экономического союза строи-

---

[2] Доходы от таможенных сборов стран Индокитая распределялись по следующим квотам: баодаевский Вьетнам — 71%, Кампучия — 22, Лаос — 7%.

лись на принципе четырехсторонности, фактически право решающего голоса принадлежало Франции, использовавшей в своих интересах зависимое положение «присоединившихся государств[3].

Создание четырехстороннего союза помогло колонизаторам удержать на некоторое время в своих руках основные рычаги экономического управления в странах Индокитая.

Стремление французских империалистов спасти колониальный режим в Кампучии под флагом «восстановления» ее государственной независимости и модернизации аппарата колониального управления вызвало новую волну недовольства и протестов в стране. Одним из проявлений этих протестов явилось выступление депутатов Национального собрания против подписания договора 1949 г. Встретив открытое противодействие парламента, французские власти добились в сентябре 1949 г. роспуска Национального собрания. Таким образом, договор 1949 г. не был ратифицирован парламентом, и поэтому колонизаторы решили ввести в действие его основные статьи в виде дополнительных протоколов. Но и этот маневр не достиг своей цели, поскольку большинство министров пномпеньского правительства отказались подписать протоколы. Это вызвало затяжной правительственный кризис. В июне 1950 г. во главе очередного правительства был поставлен принц Монипонг, выступавший в поддержку договора 1949 г.

Назначение Монипонга и последовавшее за этим подписание протоколов к договору 1949 г. были с возмущением встречены общественностью Кампучии. Политическая обстановка в стране накалялась. Несмотря на активные карательные операции французских войск, освободительные силы Кхмер Иссарак наносили все более решительные удары по колонизаторам.

В 1950 г. движение Сопротивления в Кампучии вступило в новый этап развития, который ознаменовался общим подъемом освободительной борьбы в странах Индокитая. В апреле 1950 г. на освобожденной территории Кампучии по инициативе революционно-демократического руководства Кхмер Иссарак был созван Конгресс народных представителей. На конгрессе присутствовали 200 делегатов от крестьян, ремесленников, рабочих, патриотически настроенного буддийского духовенства, интеллигенции и мелких предпринимателей.

---

[3] Говоря о господствующих позициях, которые занимала в Таможенном союзе Франция, следует вместе с тем отметить, что в рамках этого союза Кампучия получила некоторые автономные права в области экономики: контроль над планированием своего государственного бюджета и внешнеторгового баланса, право участия в административном управлении морского порта Сайгон. Под контроль Кампучии перешла также служба иммиграции и система почтово-телеграфной связи. Хотя это была весьма куцая экономическая автономия, тем не менее она представляла собой определенную уступку, которую Франция вынуждена была сделать под напором антиимпериалистического движения в Индокитае.

Конгресс наметил политическую линию и основные задачи движения Сопротивления Кампучии, сформулировав их следующим образом: «усиление и расширение партизанской войны, создание и укрепление национальной армии; консолидация и развитие фронта Кхмер Иссарак; установление политической власти сил движения Сопротивления; обеспечение свободы совести и вероисповедания; обеспечение равных прав и обязанностей для всех национальностей Камбоджи; увеличение производства для удовлетворения потребностей населения и повышения его жизненного уровня; сохранение и развитие традиционной кхмерской культуры; борьба за мир и демократию во всем мире».

На конгрессе было оформлено создание Национального фронта Кампучии и избран его исполнительный комитет. В рядах Национального фронта были объединены боевые организации Кхмер Иссарак и общественные организации, созданные после 1945 г.: Крестьянская организация, Кхмерский профессиональный союз, Молодежный и Женский союзы. Эти организации, находившиеся на освобожденной территории страны, имели подпольные филиалы в различных районах оккупированной зоны. Работа Конгресса народных представителей продемонстрировала растущее политическое влияние революционно-демократических сил Кхмер Иссарак, объединивших под знаменем вооруженной борьбы за независимость значительные слои местного населения.

Конгресс народных представителей Кампучии явился своеобразным итогом совместной борьбы народов Вьетнама, Кампучии и Лаоса за их национальную независимость под руководством Коммунистической партии Индокитая (КПИК).

В феврале 1951 г. состоялся II съезд КПИК. Учитывая новые условия, сложившиеся в Индокитае и на международной арене, II съезд КПИК принял решение создать партию вьетнамских коммунистов — Партию трудящихся Вьетнама (ПТВ), политическая программа и устав которой соответствовали бы конкретным условиям Вьетнама. Съезд вынес также решение о создании коммунистами Кампучии и Лаоса революционных, марксистско-ленинских партий в этих странах с учетом их конкретных условий. В соответствии с указанным решением 19 февраля 1951 г. была образована Народно-революционная партия Кампучии.

Подъем национально-освободительного движения в странах Индокитая происходил в начале 50-х годов в обстановке открытого вмешательства США в «грязную войну», которую вели французские колонизаторы в этом регионе земного шара. В декабре 1950 г. было подписано франко-американское соглашение об оказании Соединенными Штатами военной помощи французским вооруженным силам в Индокитае. По этому соглашению финансовая и материальная помощь французскому экспедици-

онному корпусу была резко увеличена, расширялись поставки в Индокитай американской боевой техники и снаряжения. Туда были направлены американские советники, эксперты и военные инструкторы.

Значительная часть американской военной и финансовой помощи предназначалась для поддержания антинародного режима Бао Дая и разжигания гражданской войны в странах Индокитая.

США одобряли и поощряли французскую политику в Кампучии, направленную на раскол и подавление движения Сопротивления. В феврале 1950 г. США признали «независимость» Кампучии, декларированную договором 1949 г. Усилившееся вмешательство США во внутренние дела стран Индокитая выдвигало задачу сплочения антиимпериалистических сил Вьетнама, Кампучии и Лаоса. В этих целях в марте 1951 г. была созвана конференция народов Индокитая, которая приняла решение о создании Единого фронта сопротивления народов Индокитая на основе принципов равенства, добровольности и взаимопомощи его участников. В соответствии с решениями конференции в 1951 г. на территорию Кампучии вступили отряды вьетнамских народных добровольцев в целях оказания помощи освободительным силам Кхмер Иссарак.

В 1951—1953 гг. вооруженная борьба за национальную независимость Кампучии разгорелась с новой силой. В этот период территория освобожденных районов страны значительно расширилась, составив примерно одну треть ее площади. В освобожденных районах был осуществлен ряд демократических преобразований. Руководство Кхмер Иссарак упразднило систему колониальных налогов и приняло меры по ограничению ростовщической эксплуатации крестьян.

К 1952 г. Кхмер Иссарак располагал значительными вооруженными силами. Численно выросшие и окрепшие в боях партизанские отряды были сведены в регулярные части, подчиненные единому командованию, и оснащены современным оружием, захваченным у колонизаторов. В 1951—1952 гг. боевые силы Кхмер Иссарак нанесли колонизаторам ряд серьезных поражений и заставили их перейти к оборонительной тактике и созданию заградительных сооружений вдоль дорог и вокруг городских центров. Подразделения Кхмер Иссарак перерезали некоторые шоссейные дороги, связывавшие провинциальные центры. В дальнейшем основные операции освободительных сил были перенесены в район стратегического шоссе № 13, по которому осуществлялись военные поставки французскому экспедиционному корпусу во Вьетнаме.

Подъем освободительного движения вынудил колонизаторов изменить тактику и отказаться от методов открытого диктата, которые они практиковали в период подготовки договора 1949 г.

В 1951 г. французские власти санкционировали возобновле-

ние деятельности Национального собрания. Новые выборы в парламент состоялись в сентябре 1951 г., т. е. спустя два года после роспуска первого состава Национального собрания. Эти выборы, как и в 1947 г., принесли победу Демократической партии.

Возобновление деятельности Национального собрания сопровождалось обострением разногласий между Демократической партией, с одной стороны, и королевским двором — с другой. Демократическая партия, так же как и дворцовые круги Кампучии, занимала враждебные позиции по отношению к революционно-демократическим силам Кхмер Иссарак. Наряду с этим Демократическая партия критиковала политику Сианука, обвиняя его в том, что он недостаточно активно отстаивает требование о восстановлении государственного суверенитета Кампучии на базе расширения ее «внутренней автономии».

Осенью 1951 г. по настоянию Национального собрания французские власти дали согласие на возвращение в Кампучию Сон Нгок Тханя. Накануне своего возвращения Тхань заверил представителей французских властей и короля в своей лояльности. Но, прибыв в Пномпень, Тхань включился в деятельность легальной оппозиции на стороне Демократической партии. Тхань выступил с критикой политики Сианука. Одновременно он выдвинул требование усилить борьбу против «коммунистических сил» Кхмер Иссарак. В начале 1952 г. Тхань начал издавать газету «Кхмер Краук», которая стала рупором местной легальной оппозиции.

На первых порах деятельность Тханя отвечала интересам французских властей, пытавшихся использовать его антикоммунистические выступления в целях раскола патриотических сил. Однако критика Тханя в адрес франко-кампучийского договора 1949 г. заставила колонизаторов закрыть газету «Кхмер Краук» и отдать распоряжение об аресте ее издателя. Спасаясь от репрессий, Тхань бежал весной 1952 г. из Пномпеня в западные районы страны, входившие в состав «автономной зоны», где не было французских гарнизонов [4]. Деятельность Тханя обострила отношения между отдельными политическими группировками в Пномпене, боровшимися за власть.

Период 1951—1952 гг. был отмечен усилением давления французских колонизаторов на придворные круги Кампучии, возглавлявшиеся Сиануком. Французские власти выдвигали настойчивое требование о необходимости активного участия подразделений королевской армии Кампучии в подавлении движения Кхмер Иссарак. Это требование выдвигалось в качестве непременного условия передачи Сиануку верховной власти на

[4] В сентябре 1952 г. Тхань вынужден был эмигрировать в Таиланд, где занялся сколачиванием военизированной организации «Кхмер Серей» из числа националистически настроенных элементов правых группировок кхмерской эмиграции.

территории «автономных зон». Уступа, давлению колонизаторов, королевское правительство в 1952 г. организовало ряд вооруженных рейдов своей армии на территорию западных районов страны, где находились базы Кхмер Иссарак. В результате этих акций королевскому правительству удалось укрепить свои позиции в отдельных провинциях страны.

Однако французские колонизаторы под различными предлогами отказывались создавать в этих провинциях автономные зоны под юрисдикцией королевского правительства. В 1953 г. в состав автономных зон из 14 провинций Кампучии были включены всего три: Сиемреап, Кампонгтхом и Баттамбанг. В центральных районах страны сохранялся оккупационный режим.

Значительная часть территории Кампучии находилась под контролем Кхмер Иссарак. Вооруженное движение Сопротивления продолжало развиваться. Французские колонизаторы были бессильны остановить этот процесс. В октябре 1952 г. они потерпели новое военное поражение во Вьетнаме, что не могло не отразиться и на их положении в Кампучии.

В ноябре 1952 г. в ряде городов произошли забастовки и демонстрации учащихся. В январе 1953 г. был убит губернатор одной из провинций. Учитывая обострение политического кризиса, король объявил в январе 1953 г. чрезвычайное положение в стране и распустил Национальное собрание, одновременно образовав консультативный совет из числа своих сторонников.

События 1952 г. и начала 1953 г. свидетельствовали о растущих успехах национально-освободительного движения как в самой Кампучии, так и в соседних странах Индокитая. В этих условиях монархические круги Кампучии, возглавляемые Сиануком, вынуждены были отказаться от попыток постепенного восстановления государственного суверенитета этой страны на основе расширения ее «зональной автономии». В результате в начале 1953 г. король и его окружение переходят от политики компромиссных соглашений с колонизаторами к дипломатической борьбе за независимость. Этот политический курс получил в дворцовых кругах Кампучии наименование «королевского крестового похода за независимость».

Начало «крестового похода» было отмечено неофициальным визитом Сианука во Францию. В марте 1953 г. состоялась встреча Сианука с президентом Франции, которая окончилась безрезультатно для кампучийской стороны. Представители официальных кругов Франции встретили Сианука весьма холодно и дали ему понять, что они ничего не намерены менять в Кампучии. Покинув Францию, Сианук направился в Канаду, а затем в США, где состоялась его непродолжительная беседа с государственным секретарем Даллесом. Последний заявил Сиануку, что США поддерживают французскую политику в странах Индокитая. Это заявление означало фактический отказ

Вашингтона признать суверенные права Кампучии, связанные с восстановлением ее политической независимости.

Визиты Сианука в Париж и Вашингтон проходили в обстановке новых поражений французского экспедиционного корпуса в Индокитае. Эти события, а также широкая кампания протеста мировой общественности против «грязной войны» в Индокитае заставили правящие круги Франции начать в апреле 1953 г. переговоры о восстановлении государственного суверенитета Кампучии. В ходе этих переговоров, происходивших в Париже, французская сторона заявила о готовности ограничить свой военный контроль в Кампучии. Вместе с тем правительство Франции отказалось признать за королем право верховного командования на всей территории страны. Аналогичную позицию Франция заняла и в вопросе о судебных органах Кампучии. Выдвинув предложение о создании «смешанных судов», французская сторона попыталась тем самым сохранить в стране режим экстерриториальности для иностранных, и прежде всего французских, подданных. Переговоры по экономическим вопросам также оказались бесплодными. Маневры Франции на парижских переговорах весной 1953 г. вызвали дальнейшее обострение франко-кампучийских отношений.

В целях оказания политического давления на колонизаторов Сианук активно использовал военные успехи Вьетнамской народной армии и вооруженных сил движения Сопротивления Кампучии и Лаоса. Каждый новый удар патриотических сил и каждое новое поражение французского экспедиционного корпуса сопровождались дипломатическими акциями королевского правительства, выдвигавшего требование о быстрейшем предоставлении Кампучии политической независимости. В 1953 г. королевское правительство прекратило военные действия против подразделений Кхмер Иссарак. В этот период между королевским правительством, с одной стороны, и освободительными силами Кхмер Иссарак — с другой, установились отношения «молчаливого нейтралитета». Боевые отряды Кхмер Иссарак действовали в непосредственной близости от провинций Баттамбанг и Сиемреап, где были расположены гарнизоны королевской армии. Для французских властей вся территория западных и южных провинций Кампучии стала «повстанческой». Они спешно стягивали в Пномпень резервы. Королевский дворец в столице был взят под прицел французской артиллерией. Из Вьетнама в Кампучию были срочно переброшены несколько подразделений армии марионеточного императора Бао Дая. Но, несмотря на все усилия колонизаторов, демонстрация военных приготовлений не возымела успеха: их положение в стране продолжало ухудшаться. С каждым днем увеличивалось число дезертиров. Кхмерские солдаты с оружием в руках переходили на сторону Кхмер Иссарак или примыкали к королевским гарнизонам в западных провинциях.

Колонизаторы были не в состоянии принять решительные меры против освободительных сил. Обстановка на фронтах складывалась явно не в их пользу. В начале июля 1953 г. Сианук в своем обращении к французским властям подчеркивал, что ему с большим трудом удается удерживать народ от восстания.

Французское правительство Ланьеля — Бидо посчитало для себя опасным дальнейшее обострение конфликта в Кампучии. 3 июля 1953 г. оно выступило с официальным заявлением о своем согласии предоставить этой стране полную независимость, включая передачу контроля над вооруженными силами и судопроизводством. Таким образом, правящие круги Франции решили пойти на уступки Сиануку, с тем чтобы сохранить его в качестве своего политического союзника, что имело для них немаловажное значение, особенно в условиях продолжения их вооруженной интервенции во Вьетнаме.

27 августа 1953 г. в Пномпене приступила к работе франко-кампучийская комиссия по передаче королевскому правительству верховных полномочий государственной власти. 29 августа было подписано соглашение о предоставлении Кампучии права контроля над полицией и судопроизводством. Но обсуждение других вопросов затянулось на длительный срок. Только под давлением возрастающих трудностей на фронтах военных действий французские колонизаторы вынуждены были 17 октября 1953 г. подписать соглашение о передаче королю верховного командования на территории Кампучии. Спустя три недели, 9 ноября 1953 г., в Пномпене состоялась церемония вывода французских войск из столицы[5], сопровождавшаяся декларацией верховного комиссара Франции о прекращении деятельности французской администрации в Кампучии.

Решающую роль в ликвидации французского колониального господства в Кампучии сыграла вооруженная борьба ее патриотических сил, выступавших единым фронтом с национально-освободительными силами Вьетнама и Лаоса.

Следует, однако, подчеркнуть, что государственный суверенитет Кампучии, провозглашенный в ноябре 1953 г., носил ограниченный характер, поскольку эта страна продолжала входить в состав Французского Союза, а на территории ее восточных провинций продолжали дислоцироваться подразделения французских войск.

В начале 1954 г. французский экспедиционный корпус во Вьетнаме потерпел новые поражения, а в мае 1954 г. войскам колонизаторов был нанесен жестокий удар под Дьенбьенфу. Французская общественность выступила с решительным требованием прекратить «грязную войну» во Вьетнаме, и правитель-

[5] Французские гарнизоны, дислоцированные в восточных провинциях Кампучии, были выведены из страны в 1954 г., после подписания Женевских соглашений по Индокитаю.

ство Ланьеля — Бидо вынуждено было дать согласие на участие в международной конференции по мирному урегулированию военного конфликта в Индокитае.

В мае 1954 г. в Женеве открылось совещание министров иностранных дел СССР, Англии, КНР, США и Франции, посвященное мирному решению проблем Индокитая. К участию в работе совещания были приглашены представители ДРВ, баодаевского Вьетнама, делегации королевских правительств Кампучии и Лаоса. Делегации СССР, ДРВ, КНР выступили с предложением пригласить на совещание представителей Национального фронта Кхмер Иссарак, но западные державы отклонили это предложение. Работа Женевского совещания проходила в обстановке острой дипломатической борьбы. В начале переговоров правительство Франции, опираясь на активную поддержку США, всячески препятствовало достижению соглашения о перемирии в Индокитае. Однако, встретив решительное противодействие социалистических государств, а также испытывая возрастающее давление со стороны прогрессивной общественности других стран, правящие круги Франции и США вынуждены были пойти на мирное урегулирование индокитайского «конфликта». Важным фактором, способствовавшим подписанию Женевских соглашений 1954 г. по Индокитаю, была тесная координация деятельности участников движений Сопротивления в Кампучии, Вьетнаме и Лаосе, руководимых коммунистами этих стран.

21 июля 1954 г. на Женевском совещании были подписаны соглашения о прекращении огня и восстановлении мира в странах Индокитая. В заключительной декларации Женевского совещания его участники торжественно заявили о своем обязательстве уважать суверенитет, независимость, единство и территориальную целостность Вьетнама, Кампучии и Лаоса.

На совещании было подписано Соглашение о прекращении военных действий в Кампучии, в соответствии с которым все французские воинские подразделения, а также все другие вооруженные силы иностранного происхождения подлежали выводу с территории страны. Было также принято решение о демобилизации боевых сил Кхмер Иссарак[6]. В соответствии с Женевскими соглашениями к 18 октября 1954 г. отряды вьетнамских народных добровольцев были выведены из Кампучии.

В специальном заявлении королевское правительство Кампучии обязалось не преследовать бывших участников движения Сопротивления. При этом оно подчеркивало свою решимость «принять необходимые меры, чтобы включить всех граждан без какой-либо дискриминации в национальное сообщество и га-

---

[6] Срок демобилизации воинских подразделений Кхмер Иссарак был установлен в 30 дней, а вывод из Кампучии вооруженных сил иностранного происхождения — в 90 дней с момента вступления в силу Женевских соглашений.

рантировать им пользование правами и свободами, предусмотренными конституцией королевства». Королевское правительство взяло на себя обязательство проводить миролюбивую внешнюю политику. В этом заявлении отмечалось, что королевское правительство Кампучии «выражает свою решимость никогда не принимать участия в проведении агрессивной политики и никогда не разрешать использования территории страны в целях подобной политики»; правительство Кампучии «не присоединится ни к какому соглашению с другими государствами, если это соглашение включает обязательство вступать в военный союз, не отвечающий принципам Устава ООН...».

Для осуществления контроля за выполнением Женевских соглашений в Кампучии была учреждена международная комиссия в составе представителей Индии, Польши и Канады.

Женевские соглашения 1954 г. закрепляли успехи, достигнутые национально-освободительными силами Кампучии, Вьетнама и Лаоса в их борьбе за ликвидацию господства французского колониализма в Индокитае. Для Кампучии Женевские соглашения имели первостепенное значение — в результате их подписания было достигнуто действительно международное признание ее суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности. Важное значение имело также и то обстоятельство, что в международном порядке был признан правомерный характер национально-освободительной борьбы кампучийского народа.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА САНГКУМА. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ НЕЙТРАЛИТЕТА

После восстановления государственного суверенитета Кампучии произошли важные сдвиги в расстановке ее политических сил.

В конце 1953 г. королевское правительство предприняло шаги к установлению военно-административного контроля над районами, входившими в зону активной деятельности движения Кхмер Иссарак. В этих целях были осуществлены мероприятия по созданию системы гражданской самообороны, включавшей отряды локальной или сельской полиции. Создание системы самообороны сопровождалось военно-административными операциями по «перегруппировке» сельского населения в пограничных провинциях, представлявших основную базу движения Кхмер Иссарак. Непосредственной целью этой операции являлась ликвидация отдельных хуторов и мелких поселков и перемещение их жителей в более крупные деревни, расположенные вдоль коммуникаций, которые находились под контролем вооруженных

сил королевского правительства. В этих укрепленных деревнях, как и в других населенных пунктах Кампучии, создавались отряды самообороны. Операция по переселению начала осуществляться еще в 1952 г., но особого размаха она достигла в 1953 и 1954 гг. По данным отдельных французских и американских источников, операция по «перегруппировке» населения охватила до 1 млн. человек. По свидетельству одного французского журнала, ликвидация хуторской системы и концентрация населения вдоль дорог продолжались и после Женевских соглашений, т. е. после официального прекращения огня в Индокитае.

Весной 1954 г. королевское правительство предприняло еще один шаг по укреплению своей военной власти. Речь шла об организации отрядов так называемого королевского ополчения в помощь регулярной армии и отрядам самообороны. Мобилизация королевского ополчения была прервана событиями, связанными с подписанием Женевских соглашений и прекращением огня в Индокитае.

В соответствии с Женевскими соглашениями в течение августа—сентября 1954 г. боевые силы Кхмер Иссарак были демобилизованы. К началу 1955 г. военно-административная власть на местах оказалась полностью сосредоточенной в руках королевского правительства. Это обстоятельство оказало большое влияние на исход референдума по вопросу о результатах деятельности королевского правительства в 1952—1953 гг. Процедура референдума сводилась к тому, что его участники должны были сделать выбор между белыми и черными бюллетенями. Накануне голосования правительство обратилось к населению с призывом: «Если вы любите короля — подайте белые бюллетени, если же вы не любите короля — бросайте черные бюллетени». Голосование на референдуме, состоявшемся 7 февраля 1955 г., не было тайным и проводилось под строгим наблюдением властей. В этих условиях лица, подававшие черные бюллетени, должны были сделать открытый вызов королевским властям и расписаться в своей «неблагонадежности». Не удивительно поэтому, что «против» короля было подано всего 1,8 тыс. бюллетеней, а «за» короля — 925 тыс. Эта победа Сианука на референдуме 1955 г., конечно, не могла дать объективного представления о политических настроениях, существовавших тогда в Кампучии. Небольшое число черных бюллетеней явно не соответствовало размерам оппозиции, выступавшей в то время против политики королевского двора.

Референдум 1955 г. проходил в условиях отмены чрезвычайных законов о временном запрещении в стране деятельности политических партий [1].

Осенью 1954 г. в Кампучии была создана политическая груп-

---

[1] **Чрезвычайные законы были приняты по настоянию Сианука в январе 1953 г.**

па «Прачеачун» («Народ»), выполнявшая роль легальной организации Народно-революционной партии, которая вела работу в условиях подполья. В уставе «Прачеачун» подчеркивалось, что ее главная цель — объединение всего кампучийского народа в национальном сообществе без различия расы, классовой, политической и религиозной принадлежности, в целях борьбы за независимость, демократию и улучшение материального положения народа. С момента своего создания «Прачеачун» отстаивала необходимость строгого выполнения условий Женевских соглашений, выступала в защиту национального суверенитета страны, за ликвидацию всех форм феодально-колониальных пережитков.

В 1954 г. на политической арене Кампучии появился ряд небольших политических партий, в том числе Либеральная партия, Партия кхмерского обновления, партия Национального союза, а также Демократическая партия, возобновившая свою деятельность после отмены чрезвычайных законов 1953 г.

В течение 1953 — первой половины 1954 г. руководство Демократической партии открыто поддерживало или молчаливо одобряло военно-административные мероприятия Сианука, направленные против освободительных сил Кхмер Иссарак. Однако после прекращения огня в Индокитае и расформирования боевых сил Иссарак эта партия стала выступать против дальнейшего усиления гражданской и военной власти королевского правительства, усматривая в этом серьезную угрозу своим планам политической борьбы за власть. Зимой 1955 г. Демократическая партия высказалась против намерения Сианука расширить полицейский корпус и отряды гражданской самообороны, избрав этот вопрос одним из основных пунктов своей политической кампании, связанной с подготовкой к выборам в Национальное собрание.

Попытки расширения сферы военно-полицейского контроля королевских властей вызвали также критику со стороны прогрессивных, левых сил страны, в том числе со стороны группы «Прачеачун», выступившей против подписания королевским правительством в мае 1955 г. военного соглашения с США.

Перспектива образования предвыборной коалиции оппозиционных сил вызвала у Сианука серьезные опасения, поэтому он предпринял попытку осуществить реформу конституции в целях расширения полномочий королевской власти.

Проект реформы конституции был опубликован 19 февраля 1955 г. Согласно этому проекту правительство должно было нести ответственность непосредственно перед королем, а не перед Национальным собранием, в результате чего последнее лишалось права вотума и превращалось в своего рода консультативный орган. Значительные изменения Сианук собирался внести и в избирательный закон. Проект реформы предусматривал введение в Кампучии системы многостепенных выборов в На-

циональное собрание, депутаты которого должны были избираться не непосредственно населением, а выборщиками из числа членов местных провинциальных собраний. Все кандидаты в депутаты должны были иметь трехлетний ценз оседлости в своих округах. Введение ценза оседлости означало фактическое лишение участников движения Кхмер Иссарак активного избирательного права.

Сианук предложил вынести проект конституционной реформы на новый референдум, который он собирался организовать до проведения всеобщих выборов в Кампучии, намеченных Женевскими соглашениями на апрель 1955 г., а затем перенесенных по его настоянию на сентябрь 1955 г. Стремление Сианука «урезать» конституцию вызвало резкий протест со стороны не только демократической общественности, но и отдельных представителей дворцовых кругов страны, опасавшихся политической изоляции королевского правительства. Против реформы конституции выступила также Международная комиссия по контролю за выполнением Женевских соглашений, которая выразила протест по поводу намерения Сианука изменить избирательный закон в целях дискриминации бывших участников движения Сопротивления. Столкнувшись с сильной оппозицией, Сианук изменил тактику, избрав иной путь борьбы за укрепление своей власти. В марте 1955 г. он объявил об отречении от престола в пользу своего отца Н. Сурамарита.

Отказавшись от престола, Сианук развернул активную деятельность по созданию Народно-социалистического сообщества Кампучии (Сангкум Реастр Нийюм — сокращенно Сангкум) — широкой организации, которая заняла в скором времени господствующее положение в политической и общественной жизни страны. В уставе Сангкума, опубликованном в марте 1955 г., подчеркивалось, что Народно-социалистическое сообщество представляет собой не политическую партию, а «национальное объединение», выступающее за построение в Кампучии «кхмерского, буддийского, королевского социализма». Летом 1955 г. большинство существовавших тогда в стране политических партий заявило о самороспуске и влилось в ряды Сангкума. Группа «Прачеачун», а также Демократическая партия не вошли в состав Сангкума. Ядро этой организации составил политический блок представителей националистически настроенной аристократии, части интеллигенции и предпринимательских кругов.

Сангкум активно включился в кампанию по подготовке к всеобщим выборам в Национальное собрание, намеченным на сентябрь 1955 г. В предвыборных лозунгах Сангкума содержались широковещательные заявления о намерении осуществить коренное «оздоровление» государственного аппарата, обеспечить «социальную справедливость», оказать «помощь бедным» и т. д. В сентябре 1955 г. кандидаты Сангкума собрали 83% голосов и получили все депутатские места в Национальном собрании.

Большую роль в победе Сангкума на парламентских выборах сыграли не только выдвинутые им политические лозунги, но и широкая, разветвленная система его партийного аппарата.

Группа «Прачеачун» не могла противостоять Сангкуму. За пределами Пномпеня деятельность «Прачеачун» была фактически запрещена, а в самом Пномпене эта организация была поставлена в такие условия, что не могло быть и речи об ее активной предвыборной борьбе.

Что касается Демократической партии, то влияние последней в Пномпене и других центрах было сильно подорвано событиями 1952—1954 гг. Ее позиции в деревне всегда были слабыми, большинство крестьян только понаслышке знали о существовании этой партии. Сианук же был членом королевской семьи, что само по себе имело немаловажное значение, если учесть многовековую традицию культа монархической власти в Кампучии.

Политически неискушенная крестьянская масса охотно воспринимала заявления Сианука и других официальных лиц об их стремлении осуществить коренное оздоровление кхмерского государства и добиться «социальной справедливости». Притягательная сила этих заявлений была тем более значительной, что идеи национального возрождения Кампучии были облечены в традиционную форму идеологических концепций буддизма. «Верность» руководства Сангкума буддийским доктринам нашла отклик у верхушки местного духовенства, которое не замедлило оказать этой организации действенную помощь[2].

Создавая Сангкум, Сианук подчеркивал, что он создает не партию, а политическую организацию или движение в целях объединения кхмерского народа вокруг трона и буддийской религии. Это движение носило характер массовой политической «мобилизации» населения под флагом политических лозунгов Сангкума. К началу 1958 г. в рядах Сангкума формально насчитывалось почти две трети взрослого населения страны.

Поспешная мобилизация в Сангкум широких слоев населения, прежде всего крестьянства, диктовалась стремлением нейтрализовать трудящиеся массы, оградить их от влияния революционно-демократических сил. Однако ставка руководства Сангкума на установление монополии в политической жизни страны оправдалась лишь частично. Массовый характер Сангкума, участие в нем представителей различных социальных классов и прослоек породили в его рядах действие центробежных сил.

По мере развития событий в Сангкуме все отчетливее стали

---

[2] Официально буддийское духовенство не участвовало в политической деятельности Сангкума, но фактически оно оказывало поддержку руководству этой организации, что имело для последней важное значение, если учесть большое влияние буддийского духовенства на крестьян и другие слои населения.

вырисовываться два антагонистических течения, одно из которых отражало в более или менее определенной форме интересы «партийных низов», близко стоявших к народной массе, а другое представляло интересы крайне правых элементов эксплуататорской верхушки страны (компрадоров и землевладельцев-рентополучателей).

Деятельность Сангкума развертывалась под флагом идеологических и политических принципов «кхмерского, буддийского, королевского социализма», представлявших своеобразное сочетание идей непролетарского социализма и этических норм буддийской философии. Концепция «кхмерского социализма» нашла отражение в одном из официальных документов Сангкума, опубликованном в 1961 г. в виде брошюры под названием «Некоторые рассуждения о кхмерском социализме». Эта брошюра, а также более поздние выступления лидеров Сангкума по идеологическим вопросам позволяют составить более или менее определенное представление о «кхмерском социализме» как общественно-политической доктрине.

Идеологи Сангкума подчеркивали, что ввиду ряда особенностей исторического развития Кампучии и специфики ее общественной и политической структуры «марксистский или коммунистический социализм» неприемлем для этой страны. Единственной формой социализма, приемлемой для Кампучии, являлся, по их мнению, кхмерский буддийский социализм. Руководители Сангкума обосновывали это положение доводами о том, что Кампучия располагает благоприятными условиями для претворения в жизнь буддийских принципов гуманной, патриархальной организации общества, исключающей эксплуатацию и нищету. К числу этих особых, благоприятных условий они относили прежде всего отсутствие в этой стране крупной буржуазии и крупных помещиков, с одной стороны, и многочисленной прослойки безземельных крестьян и городского пролетариата — с другой.

Ссылаясь на это обстоятельство, идеологи Сангкума утверждали, что кхмерский народ имеет более или менее однородный социальный состав, что исключает наличие в его рядах классовых противоречий и классовой борьбы[3]. Из этой предпосылки делался вывод о том, что Кампучия не нуждается в коренной перестройке своих общественных отношений.

Идеологи «кхмерского социализма» подчеркивали, что социально-экономические преобразования в Кампучии должны

---

[3] Этот тезис явно игнорировал наличие в Кампучии различных форм докапиталистической и капиталистической эксплуатации трудящихся, о чем, в частности, свидетельствовало распространение в деревне ростовщического кредита и испольной аренды, а также деятельность частнокапиталистического сектора хозяйства в городе. Развитие многоукладной экономики Кампучии сопровождалось сложным процессом классовой дифференциации общества, что служило источником социальных противоречий и классового антагонизма в этой стране.

осуществляться постепенно, мирными средствами, в соответствии с основными требованиями буддийской морали. Руководство этими преобразованиями следовало передать Сангкуму, представляющему политический и духовный союз «трона, религии и народа». Одним из первых шагов Сангкума в качестве правящей организации были мероприятия по перестройке государственно-политического механизма Кампучии в соответствии с новым положением страны как суверенного государства.

В сентябре 1955 г. новый (сангкумовский) состав Национального собрания принял решение о выходе Кампучии из состава Французского Союза. В январе 1956 г. была принята специальная поправка к тексту конституции, в соответствии с которой Кампучия провозглашалась независимым и суверенным государством.

В декабре 1955 г. Кампучия была принята в члены Организации Объединенных Наций.

Упразднение в декабре 1954 г. таможенного союза Франции с «присоединившимися государствами» поставило под контроль правительства Кампучии ее валютную и таможенную системы и позволило ей выйти из зоны франка. В стране был создан Национальный банк и учреждена новая денежная единица — риель.

Приход к власти Сангкума происходил в сложной внешнеполитической обстановке, в условиях возрастающего давления на эту страну американского империализма. Начало американского проникновения в Кампучию относилось к послевоенному периоду, когда США, используя ослабление французских позиций в Индокитае, подписали с Кампучией соглашение об экономическом сотрудничестве (1951 г.). По условиям этого соглашения американская экономическая помощь предоставлялась Кампучии за счет субсидий, которые США выделяли Франции в целях усиления ее агрессивной войны в Индокитае. Американская помощь проходила, таким образом, через руки французских колониальных властей, использовавших ее целиком в интересах своей военной политики в Индокитае. Такой порядок предоставления американских кредитов сильно ограничивал свободу действий дипломатии США в Кампучии.

После 1954 г. положение в этой области резко изменилось. Развал французской колониальной системы в Индокитае подтолкнул США к более активным действиям, направленным на установление их контроля над Южным Вьетнамом, Кампучией и Лаосом. Как и раньше, одним из основных инструментов экспансионистской политики США в Индокитае стала экономическая и военная помощь. На этот раз американская помощь была предоставлена непосредственно представителям «антикоммунистических режимов» Индокитая. В число таких проамерикански настроенных режимов Вашингтон поспешил включить королевское правительство Кампучии. В мае 1955 г. Соединенные

Штаты, используя внутриполитическую борьбу и тяжелое финансовое положение этой страны, подписали с ней договор о военной помощи.

Конкретные цели американской военной помощи обнаружились уже осенью 1955 г. в связи с созданием в ЮВА агрессивного блока СЕАТО под эгидой США. Уже на первом учредительном заседании организаторов СЕАТО была принята специальная декларация, согласно которой СЕАТО «брал под свою защиту» Южный Вьетнам, Лаос и Кампучию. Это непрошенное покровительство СЕАТО было воспринято общественностью Кампучии как посягательство на ее национальный суверенитет. Тем не менее госдепартамент США решил не церемониться с Кампучией, полагая, что ее финансовая зависимость служит достаточным основанием для автоматического включения этой страны в сферу действия агрессивной политики США. Однако эти расчеты не оправдались. В начале 1956 г. правительство Кампучии заявило в категорической форме о своем отказе принимать прямое или косвенное участие в деятельности СЕАТО, что положило начало затяжной кампании открытого давления на эту страну со стороны США и их союзников в Юго-Восточной Азии. Уже в 1956 г. американская экономическая миссия в Пномпене временно приостановила финансовые и торговые операции, связанные с оказанием стране экономической и военной помощи. Следуя указаниям США, правительства Таиланда и Южного Вьетнама закрыли свои границы с Кампучией и объявили об установлении экономической блокады страны. В это же время на южных и западных границах Кампучии были организованы вооруженные провокации.

Политика диктата со стороны Вашингтона вызвала глубокое возмущение в Кампучии. В феврале и марте 1956 г. по всем провинциям страны прокатилась волна демонстраций, направленных против экспансионистской политики США, в поддержку политики нейтралитета.

Принцип нейтральной внешней политики Кампучии впервые был сформулирован королевским правительством в сентябре 1953 г. в его обращении к участникам движения Кхмер Иссарак. В этом обращении королевское правительство заявило, что не намерено включаться в кампанию «борьбы против коммунистов» при условии невмешательства в его внутренние дела. Западная пресса расценила это заявление как своеобразную заявку правительства Кампучии на нейтральный курс его внешней политики. В 1954 г. на Женевском совещании по Индокитаю королевское правительство подтвердило свое намерение проводить политику нейтралитета. Однако эти заявления в 1953—1954 гг. носили в известной мере формальный характер.

Направив свои усилия на борьбу с революционно-демократическими силами Кхмер Иссарак, королевское правительство стремилось заручиться поддержкой США. В конце 1954 г. меж-

ду США и Кампучией начались переговоры о заключении соглашения, предусматривающего предоставление этой стране американской военной помощи. В ходе переговоров США предприняли попытку убедить королевское правительство в необходимости «опоры» на западные страны. Это было первое проявление той скрытой угрозы, которую таила в себе американская военная помощь. Тем не менее правительство Кампучии решило принять эту помощь в надежде, что ему удастся в критический момент избежать тисков американской дипломатии. Грубый нажим США, последовавший за подписанием в мае 1955 г. договора о военной помощи, вынудил правящие круги Кампучии произвести переоценку ценностей и выступить в защиту политики нейтралитета не только на словах, но и на деле.

В 1956 г. руководство Сангкума предприняло шаги к установлению дипломатических и политических контактов с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Правительственная делегация Кампучии посетила Москву и столицы некоторых других социалистических стран. Во время этих визитов был подписан ряд соглашений, предусматривавших развитие экономических и культурных связей Кампучии с социалистическими странами на основе пяти принципов мирного сосуществования. Особое значение для укрепления международного положения Кампучии и ее государственного суверенитета имело установление дипломатических отношений с Советским Союзом в мае 1956 г.

В апреле 1955 г. делегация Кампучии на Бандунгской конференции стран Азии и Африки вновь заявила о стремлении королевского правительства следовать нейтральному курсу внешней политики.

Претворение в жизнь принципов нейтральной внешней политики со стороны правящих кругов Кампучии ознаменовало собой новый этап в деятельности Сангкума. Под влиянием событий, связанных с американским давлением на эту страну, внешнеполитическая деятельность Сангкума получает новое содержание, приобретая все в большей мере антиимпериалистический характер.

Противодействие Сангкума американской экспансии, его усилия в защиту национального суверенитета осуществлялись в условиях резкой активизации сил внутренней реакции, в обстановке роста правой оппозиции, выступившей с нападками на политику нейтралитета и превратившейся в скором времени в агентуру американского империализма в Кампучии.

Социальной опорой правой оппозиции была местная компрадорская и торгово-ростовщическая буржуазия, а также реакционно настроенная часть бюрократической интеллигенции. Положение компрадорской буржуазии характеризовалось во второй половине 50-х годов усилением ее экономических позиций в результате расширения посреднической деятельности,

связанной с реализацией в Кампучии программы американской военной и экономической помощи.

В 1955 г. компрадорская буржуазия рассматривала политические лозунги Сангкума как своеобразный тактический прием его руководства в борьбе против «Прачеачун» и Демократической партии. Значительная часть компрадорских элементов и связанных с ними представителей бюрократических кругов без колебания вступила в Сангкум и стала охотно называть себя «социалистами». Но при этом она активно выдвигала требование о свободе коммерческой деятельности и максимальном расширении доступа частных предпринимателей к американским кредитам. Компрадорская прослойка восприняла политическую независимость Кампучии как свободу безудержной спекуляции и расхищения государственных средств. Естественно, что деятельность этой части торговцев и посредников пришла в резкое противоречие с общенациональными интересами кампучийского государства, что прежде всего относилось к нейтральному курсу его внешней политики.

В 1956 г. в стране стало расти скрытое противодействие врагов политики нейтралитета. Признавая на словах политику нейтралитета, они на деле стали выступать против нее, прилагая все усилия к тому, чтобы затормозить процесс развития дипломатических и экономических отношений Кампучии с социалистическими странами и втянуть ее в сферу влияния империалистического блока.

В середине 50-х годов в Национальном собрании страны активизировалась деятельность представителей правого, проамерикански настроенного крыла Сангкума. Сдвиги в этой области вызвали в декабре 1956 г. правительственный кризис, отражавший попытку компрадорской буржуазии и стоявших за ней империалистических кругов подчинить своему контролю деятельность Сангкума и Национального собрания.

В Национальном собрании оппозиция распадалась на враждующие группировки, или «кланы». Вражда и противоречия между ними являлись враждой особого рода — враждой до определенных политических границ. Коль скоро вопрос касался главного — политики нейтралитета, лидеры парламентских «кланов» прекращали свои распри и совместно выступали за одностороннее расширение связей Кампучии с США и другими капиталистическими государствами. Правые группировки в парламенте выступали под неофициальным лозунгом «Нейтралитет без экономического сотрудничества с социалистическими странами».

Свою критику сторонников нейтралитета парламентская оппозиция ограничивала, как правило, второстепенными, частными вопросами. Но эти вопросы играли сплошь и рядом роль тарана, когда они выдвигались в качестве предлога для голосования вотума доверия правительству.

В начале 1957 г. правая оппозиция в Национальном собрании получила открытую поддержку Демократической партии. В 1956 г. лидеры Демократической партии, пытаясь взять реванш за поражение на выборах 1955 г., возобновили нападки на правительство. Обвиняя чиновников государственного аппарата в коррупции и разложении, Демократическая партия возлагала за это ответственность на всю организацию Сангкум, в том числе и на представителей ее левого крыла. Стремясь во что бы то ни стало захватить политическую власть, Демократическая партия скатилась в конце концов на антинациональные позиции и превратилась в слепое орудие подрывных сил в Кампучии.

Оппозиционные выступления Демократической партии проходили в условиях открытого вооруженного давления на Кампучию со стороны блока СЕАТО. Начиная со второй половины 1956 г. правящие круги Южного Вьетнама и Таиланда под нажимом США организовали на границах Кампучии ряд военных провокаций: с июня 1956 по май 1957 г. на одной только южновьетнамской границе было отмечено 43 вооруженных инцидента. Самая крупная диверсия была предпринята в январе 1957 г., когда на территорию кампучийской пров. Свайриенг вторглись регулярные части южновьетнамской армии.

К лету 1957 г. Кампучия оказалась перед лицом открытого фронта врагов ее нейтральной политики, на одном фланге которого находился блок СЕАТО, а на другом — внутренняя реакция, представленная правым крылом Сангкума и руководством Демократической партии. Обострение политической обстановки вынудило правительство закрыть газету «Прачеатипатай» — главный орган Демократической партии. В августе 1957 г. лидеры Сангкума потребовали от руководства Демократической партии прекращения оппозиционной деятельности, предложив членам этой партии включиться в «национальное сообщество» на основе политической программы Сангкума. Уступая этому требованию, значительная часть членов Демократической партии перешла в ряды Сангкума, в результате чего эта партия фактически прекратила свое существование.

Распад Демократической партии деморализовал правую оппозицию. Антинациональные силы были вынуждены временно отступить и прекратить открытую борьбу по основным вопросам, связанным с политикой нейтралитета. В сентябре 1957 г. Национальное собрание приняло Акт о нейтралитете, который закреплял в законодательной форме нейтральный курс внешней политики Кампучии, предусматривавший ее отказ от присоединения к военным и политическим блокам. В Акте о нейтралитете подчеркивалось, что Кампучия в своей внешней политике будет воздерживаться от применения вооруженной силы, однако в случае угрозы военного нападения она оставляла за собой право защищать свой суверенитет с помощью оружия,

обратиться за помощью в ООН, обратиться за помощью к любому дружественному государству.

Желая закрепить свою политическую победу над правой оппозицией, руководство Сангкума приняло решение о досрочном роспуске Национального собрания и организации новых выборов в парламент в марте 1958 г.

Предвыборная кампания Сангкума проводилась в 1958 г. под лозунгом укрепления единства «религии, трона и народа». Помимо Сангкума в предвыборной кампании участвовала только одна политическая организация — группа «Прачеачун». Позиция «Прачеачун» в 1958 г., как и в предыдущие годы, определялась задачей сплочения антиимпериалистических сил в защиту государственного суверенитета Кампучии и ее нейтральной внешней политики. Вместе с тем в предвыборной программе «Прачеачун» особо подчеркивалась необходимость быстрейшей ликвидации в этой стране феодально-колониальных пережитков в экономической и социальной области. Учитывая особенности политического положения в Кампучии, «Прачеачун» выдвинула своих кандидатов только в пяти избирательных округах. Развернувшаяся в этих округах политическая борьба носила далеко не равный характер. Не желая подрывать единства национальных сил, «Прачеачун» ограничила свои выступления против Сангкума частными вопросами внутренней политики.

В результате выборов 1958 г. Сангкум снова занял все места в Национальном собрании.

Поражение правой оппозиции в 1957 г. вынудило внутреннюю реакцию изменить тактику и перейти от конституционных, парламентских методов борьбы к подпольной, подрывной и заговорщической деятельности. Не полагаясь на свои силы, оппозиция возложила надежды на прямую военную и финансовую поддержку блока СЕАТО. Эта тактика правых сил Кампучии получила одобрение Вашингтона, решившего повлиять на королевское правительство путем комбинированных действий подрывных сил внутри страны и резкого усиления военного нажима со стороны Таиланда и Южного Вьетнама.

Запугивая Кампучию угрозой военного нападения, власти Южного Вьетнама развернули в 1958 г. в пограничных районах строительство военных баз. В июне 1958 г. они совершили крупную диверсию в кампучийской пров. Стынгтраенг, в которой участвовало 3 тыс. солдат. С января по июнь 1958 г. южновьетнамские власти спровоцировали 29 пограничных конфликтов.

Вооруженные столкновения продолжались также и на таиландской границе. Только с марта по май 1958 г. таиландские власти шесть раз нарушали кампучийскую границу. В таиландской прессе все настойчивее выдвигалось требование аннексии двух западных кампучийских провинций — Баттамбанг и Сиемреап.

Летом 1958 г. правительство Кампучии предложило немедленно начать двусторонние переговоры с Бангкоком и Сайгоном в целях нормализации отношений. В начале июля 1958 г. кампучийское правительство направило официальное приглашение Нго Динь Зьему посетить Пномпень. В том же месяце Сианук нанес визит в Бангкок. Однако намеченные на август 1958 г. кампучийско-таиландские переговоры были сорваны милитаристскими кругами Таиланда, организовавшими демонстрации протеста против визита в Бангкок правительственной делегации Кампучии. В результате в ноябре 1958 г. Кампучия вынуждена была временно прекратить дипломатические отношения с Таиландом и отозвать своего посла из Бангкока. Таиландские власти закрыли границу с Кампучией и объявили чрезвычайное положение в шести провинциях своей страны. Одновременно с этим по указанию из Сайгона была фактически блокирована южная граница Кампучии.

Однако нажим на Кампучию осенью 1958 г. не принес желаемых результатов: расчеты Вашингтона запугать общественность этой страны и вызвать в ней политические беспорядки не оправдались. В декабре 1958 г. правительство Таиланда дало согласие на урегулирование конфликта с Кампучией через посредство арбитражных органов ООН.

Относительное спокойствие, наступившее на границах страны в конце декабря 1958 г., представляло собой временное затишье перед началом новых происков империализма, направленных на организацию в Кампучии антиправительственного заговора. К участию в заговоре были привлечены отстраненные от власти политические деятели Сон Нгок Тхань и Сам Сари, а также лидеры бывших парламентских группировок, потерявшие свои депутатские мандаты в результате выборов 1958 г. Тхань после бегства из Кампучии занимался созданием на территории Таиланда и Южного Вьетнама военизированной организации «Кхмер Серей», провозгласившей своей целью захват политической власти в Кампучии с последующим изменением ее внутренней и внешней политики. Прикрываясь лозунгами антикоммунизма, Тхань и его сообщники выступили против развития политических связей Кампучии с социалистическими странами, что означало на практике отказ от политики нейтралитета.

Под флагом антикоммунизма выступали также подрывные элементы внутри страны, группировавшиеся в 1958 г. вокруг Сам Сари. До 1956 г. Сам Сари занимал пост заместителя премьер-министра, а позднее — должность посла Кампучии в Лондоне. Используя свое служебное положение, Сам Сари вел раскольническую деятельность внутри правительства, ратуя за присоединение Кампучии к империалистическому блоку.

В 1958 г. Сам Сари и Сон Нгок Тхань возглавили заговор, направленный на свержение правительства Кампучии и присоединение этой страны к СЕАТО. Важную роль в подготовке

заговора играл Дап Чуон — военный губернатор пров. Сиемреап.

По свидетельству кампучийской печати, конкретный план заговора был разработан в Бангкоке при участии официальных представителей США, Таиланда и сайгонских властей. Этот план предусматривал организацию в Кампучии в начале 1959 г. политических беспорядков, которые должны были послужить сигналом к вооруженному перевороту в пров. Сиемреап при одновременном вторжении из Таиланда отрядов «Кхмер Серей». Ближайшей задачей «Бангкокского плана» было отторжение пограничных провинций Кампучии и создание на их территории временного правительства во главе с Тханем, Сам Сари и Дап Чуоном.

Подготовка заговора была сорвана в январе 1959 г., когда был отдан приказ об аресте Сам Сари[4].

В феврале 1959 г. был ликвидирован второй заговорщический центр во главе с Дап Чуоном, готовившим вооруженный переворот в пров. Сиемреап. В штаб-квартире Дап Чуона был захвачен склад американского оружия, боеприпасы, а также документы, подтверждающие иностранное вмешательство во внутренние дела Кампучии; здесь же были задержаны два офицера южновьетнамской армии, занимавшиеся передачей шифрованных телеграмм.

Как заявил Сианук, заговор Сам Сари и его сообщников был связан с планами соседних государств и «некоторых американских элементов» создать «антикоммунистический фронт» в составе Таиланда, Кампучии, Южного Вьетнама, Филиппин, чанкайшистской клики и Южной Кореи. Сианук обвинил Соединенные Штаты в финансировании заговорщиков, перед которыми была поставлена задача установить в стране марионеточный режим наподобие южновьетнамского.

Несмотря на провал заговора Сам Сари и Сон Нгок Тханя, политическая обстановка в Кампучии оставалась напряженной, о чем свидетельствовали, в частности, события, связанные со смертью короля Сурамарита весной 1960 г. В результате смерти короля возник сложный вопрос о престолонаследии. Согласно кампучийской конституции 1947 г. новый монарх должен был избираться советом короны из числа многочисленных потомков королевской династии. Наличие большого числа принцев крови превращало вопрос о престолонаследии в острую политическую проблему, решение которой вызвало серьезные разногласия в дворцовых кругах Кампучии.

Внутренняя реакция не замедлила использовать смерть короля Сурамарита для разжигания политических интриг и сколачивания «дворцовой оппозиции», с тем чтобы посадить на

---

[4] Последнему удалось бежать в Южный Вьетнам, где он открыто примкнул к «Кхмер Серей».

престол «своего» претендента. Сианук отложил выборы нового короля и создал регентский совет с функциями главы государства. Одновременно он выступил с заявлением о том, что в целях предотвращения конфликтов в королевской семье он сам и его дети навсегда отказываются от каких-либо претензий на престол.

События, связанные со смертью короля Сурамарита, активизировали деятельность империалистической агентуры в стране и послужили толчком к возобновлению антикампучийской кампании в Таиланде и Южном Вьетнаме. В апреле 1960 г. на границах страны вновь вспыхнула перестрелка, возобновились вооруженные налеты на ее территорию.

5 июня 1960 г. в Кампучии состоялся референдум, на который был вынесен вопрос о ее внешнеполитическом курсе. Подавляющее большинство участников референдума высказалось в поддержку политики нейтралитета.

12 июня 1960 г. Национальное собрание приняло решение о присвоении Сиануку титула «главы государства».

Непрекращающаяся подрывная деятельность СЕАТО вынудила руководство Сангкума предпринять дальнейшие шаги в сторону сближения Кампучии с социалистическими странами. В ноябре—декабре 1960 г. официальные кампучийские делегации побывали с визитами в Москве, Праге и Пекине. Во время этих визитов был подписан ряд важных документов, предусматривавших расширение экономических и политических связей Кампучии с социалистическими странами. В документах было зафиксировано согласие социалистических государств расширить экономическую помощь Кампучии и выражалась моральная поддержка кампучийскому народу в его борьбе в защиту национального суверенитета.

Поддержка социалистических стран имела для Кампучии особое значение в 1961—1962 гг., когда США резко усилили свою военно-политическую экспансию в Южном Вьетнаме и Лаосе.

Используя реакционные круги Южного Вьетнама и Таиланда, США упорно продолжали провоцировать военно-политические конфликты с Кампучией. Так, в 1961 г. в качестве предлога для очередного нажима на эту страну был использован вопрос о пограничной территории храма Прэахвихеа — религиозной и исторической реликвии Кампучии. Еще в 1954 г. таиландские власти незаконно оккупировали территорию Прэахвихеа и, несмотря на протесты Кампучии, удерживали ее под своим контролем. Эти действия Таиланда преследовали далеко идущие цели. Если бы Кампучия смирилась с оккупацией этого района, то тем самым был бы создан прецедент для пересмотра других участков ее западной границы. Учитывая это обстоятельство, кампучийское правительство не прекращало попыток восстановить свои законные права на Прэахвихеа. Выражая

протест против территориальной экспансии Таиланда, правительство Кампучии в октябре 1961 г. приняло решение вновь разорвать дипломатические отношения с Бангкоком.

В июне 1962 г. Международный арбитражный суд в Гааге после длительного изучения кампучийско-таиландского конфликта поддержал требования Кампучии о возвращении ей территории Прэахвихеа. Таиландские власти были вынуждены вывести свои войска из этого района. Однако в августе того же года два полка таиландской жандармерии вторглись на территорию пров. Баттамбанг и напали на сторожевые посты кампучийской армии. Двумя днями позже другой отряд из 400 таиландских солдат и офицеров в сопровождении американских инструкторов захватил поселок Хот-Лек в пров. Кахконг. Менее чем через неделю южновьетнамские части дважды пересекли границу Кампучии. Неоднократно нарушались и воздушные границы этой страны: в течение января—августа 1962 г. военные самолеты Таиланда и Южного Вьетнама 191 раз вторгались в воздушное пространство Кампучии. В конце октября 1962 г. южновьетнамские самолеты разбомбили кампучийскую деревню Ратанакири. Вооруженные провокации следовали одна за другой.

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАМПУЧИИ

Политика правящих кругов Кампучии, возглавлявшихся Сиануком, объективно выражала интересы зарождающейся местной буржуазии.

Вторая половина 50-х годов и период 60-х годов были отмечены началом создания в Кампучии основ государственно-капиталистического уклада. В этот период важным направлением экономической политики государства являлось регулирование деятельности частного капитала в целях стимулирования его преимущественно в производительных отраслях хозяйства. Но в силу ряда объективных и субъективных причин эта цель не была достигнута. В 50—60-х годах в Кампучии происходил интенсивный процесс обогащения торгово-посреднических элементов и представителей бюрократической элиты на базе предпринимательской и регулирующей деятельности государства. Развитие этого процесса привело к резкому ослаблению позиций государственного сектора хозяйства и к серьезным нарушениям функционирования всей системы государственного капитализма в стране.

Весьма слабый эффект имели также мероприятия, связанные с развитием в деревне низших форм кооперации.

Серьезные дефекты экономической политики руководства

Кампучии объяснялись не только объективными трудностями — весьма ограниченными материальными и финансовыми ресурсами страны, ее сильной зависимостью от иностранного монополистического, особенно американского, капитала. Негативное влияние на экономические и социальные преобразования Сианука и его окружения оказывали также субъективные факторы, связанные с особенностями политической системы Кампучии, что обусловило бюрократические методы проведения этих преобразований «сверху», без серьезных попыток вовлечения в этот процесс представителей демократической общественности.

Конкретное представление о характере экономической и социальной политики кампучийского государства в период 60-х годов можно составить по материалам официальных документов Сангкума, озаглавленных «Некоторые рассуждения о кхмерском социализме» и «Экономическая политика Народно-социалистического сообщества Камбоджи». В этих документах обосновывалась необходимость развития в стране трех секторов хозяйства: государственного, частного и смешанного. Учитывая ограниченные размеры национальных накоплений и связанную с этим «финансовую бедность» государства, Сангкум выдвигал задачу экономического сотрудничества государственного и частного капитала. «На данном этапе промышленного развития нашей страны, — заявляли руководители Сангкума, — желательно сохранить сосуществование и сотрудничество имеющихся государственных и частных предприятий, а также поощрять создание смешанных экономических компаний с равными долями участия государственного и частного капитала. Параллельное развитие этих трех типов предприятий (государственных, частных и смешанных) необходимо, ибо Кампучия — страна бедная и не располагает достаточными средствами для капитальных вложений».

В коммюнике «Экономическая политика Народно-социалистического сообщества Камбоджи» лидеры Сангкума подчеркивали, что государство, руководствуясь интересами национальной безопасности, оставляет под своим контролем ключевые отрасли экономики, к числу которых оно относит производство электроэнергии, транспорт, горнодобывающую промышленность и некоторые другие отрасли. Что касается обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и торговли, то в этих отраслях государство проводит политику поощрения смешанного сектора экономики.

Претворение в жизнь этой модели смешанной экономики сопровождалось расширением предпринимательской деятельности государства, которое выступило в роли главного инвестора в отраслях производительной и социальной инфраструктуры, а также в современном секторе фабрично-заводской промышленности.

Одной из форм инвестиционной деятельности государства был

выкуп активов отдельных иностранных корпораций, обосновавшихся в стране до второй мировой войны. Так, в 1958—1962 гг. правительство Кампучии приобрело у французских компаний несколько коммунальных и промышленных объектов, в том числе теплоэлектроцентраль в Пномпене, завод алкогольных и прохладительных напитков в Руссей Кео, а также несколько менее крупных предприятий по обработке древесины и производству стройматериалов. Все эти предприятия перешли в собственность государства. Одновременно правительство стало совладельцем нескольких экономических объектов в результате создания смешанных компаний с участием частного капитала (национального и иностранного).

Однако главную роль в формировании материального фонда государственного сектора хозяйства играло капитальное строительство, которое осуществлялось в 1956—1964 гг. в рамках двухлетнего и пятилетнего планов развития страны. Особенность этих планов заключалась в том, что их главной функцией являлось установление «необходимых пропорций» в распределении бюджетных ассигнований по отдельным отраслям экономики.

«Наше планирование, — отмечалось в одном из официальных документов Сангкума,— направлено прежде всего на то, чтобы избежать диспропорции между производительными и непроизводительными вложениями капитала, а значит, диспропорции между увеличением национальной продукции и возможностями финансирования наших национальных проектов».

Двухлетний план развития на 1956—1957 гг., действие которого было продлено до 1959 г., был направлен в основном на восстановление и развитие коммуникаций в стране, а также на расширение и модернизацию системы народного образования и здравоохранения.

Первоначальный проект двухлетнего плана, разработанный в 1955 г., предусматривал довольно широкий комплекс работ, включавший не только развитие коммуникаций и расширение ирригационной системы, но и строительство небольших электростанций и отдельных предприятий легкой промышленности. Однако ввиду нехватки средств эта программа плана была затем сокращена почти вдвое за счет уменьшения вложений в сельское хозяйство и особенно в промышленность.

В окончательном варианте двухлетнего плана общая сумма ассигнований была определена в размере 3,5 млрд. риелей. 90% плановых расходов было погашено за счет иностранной экономической помощи. План не содержал контрольных цифр по развитию сельского хозяйства и промышленности и не определял конкретных заданий по увеличению национального дохода.

В рамках двухлетнего плана была осуществлена первая очередь работ по сооружению морского порта Кампонгсаом и шоссейной дороги, связывающей этот порт с Пномпенем. В 1956—

1959 гг. велось строительство ряда других дорожных и коммуникационных объектов, а также строительство школ и больниц. Программа двухлетнего плана по развитию коммуникаций и системы здравоохранения и образования была выполнена.

По-иному обстояло дело с реализацией проектов, предусматривавших развитие производительных отраслей хозяйства, и прежде всего промышленного производства. Программа финансирования этих проектов была выполнена только на 40%.

В начале 1960 г. Национальное собрание страны утвердило первый пятилетний план (1960—1964), перед которым были поставлены более широкие задачи по развитию национальной экономики страны, в особенности в сфере ее производства.

Проектом пятилетнего плана намечалось увеличение валового национального продукта на душу населения на 3% в год. Объем финансовых расходов по линии государственного сектора был определен в размере 8 млрд. риелей. Проектом плана предусматривалось следующее распределение государственных капиталовложений по отдельным отраслям хозяйства: 40% плановых ассигнований намечалось выделить на развитие сельского хозяйства и промышленности, 28 — на развитие инфраструктуры, а остальные 32% — на социальные и административные нужды.

В отличие от двухлетней программы финансирование пятилетнего плана осуществлялось на 70% за счет внутренних ресурсов. Реализация плана вызвала расширение расходной части государственного бюджета. В 1959—1964 гг. государственные расходы увеличились с 3,9 млрд. до 6,2 млрд. риелей, т. е. более чем в полтора раза.

Погашение бюджетных расходов осуществлялось различными путями, в том числе за счет повышения косвенного налогообложения, а также посредством займов у Национального банка Кампучии. Были использованы и другие источники пополнения государственного бюджета, связанные с такими мероприятиями, как сбор добровольных пожертвований у населения или организация национальных лотерей.

В целях экономии государственных средств проводились кампании по привлечению населения к строительству дорог, школ, больниц и некоторых других общественных объектов. В этих кампаниях принимали участие военнослужащие, учащаяся молодежь, а также рабочие и служащие государственных предприятий.

Однако правительству не удалось обеспечить намеченный уровень плановых капиталовложений. По данным кампучийских источников, общая сумма государственных ассигнований, реализованных в рамках первого пятилетнего плана, оказалась на 19% ниже первоначальной сметы.

Это сокращение ассигнований затронуло прежде всего сферу сельского хозяйства и промышленности, на финансирование ко-

торой было выделено в 1960—1964 гг. 2210 млн. риелей, против 3200 млн., предусмотренных проектом плана.

Нехватка «свободных» капиталов, с одной стороны, и технические просчеты, допущенные при составлении проекта плана,— с другой, вызвали существенные изменения в его программе. Так, отдельные проекты плана по разделам «производство» и «инфраструктура» были законсервированы либо заменены другими плановыми заданиями. График строительства отдельных объектов значительно превышал установленные сроки.

Хотя первый пятилетний план, а также двухлетний план и не были выполнены в полном объеме, тем не менее они сыграли важную роль в реализации ряда крупных проектов капитального строительства, что значительно расширило материальный фонд государственного сектора экономики. Особое значение при этом имело строительство восьми фабрично-заводских объектов, созданных при финансовой и технической помощи социалистических стран. Эти предприятия составили ядро обрабатывающей промышленности Кампучии [1].

Несмотря на сравнительно быстрые темпы роста государственного сектора хозяйства, абсолютный объем его капиталовложений намного отставал от потребностей экономического роста страны. В этих условиях особое значение приобретала проблема расширения производительных инвестиций частного сектора. Решение этой проблемы во многом зависело от усилий государства по регулированию в Кампучии отраслевой структуры иностранного капитала.

Выдвинув лозунг деколонизации экономики, государство предприняло шаги к ограничению монопольных привилегий иностранных корпораций. В соответствии с законодательными актами 1956—1957 гг. иностранные компании в Кампучии лишались своих прежних привилегий в области таможенной и фискальной систем. Новым законодательством устанавливался лимит на перевод за границу прибылей иностранных компаний в размере 10—20% общей суммы их инвестиций. Был также установлен налог на вывозимую из страны прибыль «старых» иностранных компаний, созданных в Кампучии до 1955 г. Ежегодная репатриация капитала этих компаний была ограничена 10% общей суммы их основных активов.

Ограничивая деятельность иностранных монополий, государство в то же время не выдвигало задачу полного вытеснения из страны иностранного капитала. Более того, учитывая сравнительно небольшие размеры национальных накоплений, правительство проявляло заинтересованность в привлечении из-за

---

[1] Реализация пятилетней программы сопровождалась значительными сдвигами в развитии здравоохранения и в особенности системы национального образования. В конце 50-х и в первой половине 60-х годов в стране были созданы сотни начальных и средних школ, а также ряд высших учебных заведений.

границы новых частных инвестиций в целях расширения долгосрочных вложений в производительные отрасли хозяйства. Политика государства в этой сфере нашла, в частности, отражение в законодательном акте 1957 г., который предусматривал гарантию от национализации иностранной собственности на срок от 10 до 30 лет. Новые иностранные капиталовложения освобождались от уплаты налога на вывозимую из Кампучии прибыль. Новым вкладчикам предоставлялось право беспошлинного ввоза в эту страну промышленного оборудования и машин.

Новые иностранные инвестиции разрешалось привлекать при условии их использования в рамках смешанных компаний с участием национального капитала (государственного и частного). Это условие было закреплено в соответствующих законодательных актах 1956 и 1957 гг., обязывавших иностранных вкладчиков резервировать основной пакет акций (не менее 51%) вновь создаваемых предприятий для национальных предпринимателей. Иностранные вкладчики обязаны были также комплектовать персонал своих предприятий на 70% за счет лиц кампучийской национальности.

Как свидетельствуют события 1957—1963 гг., иностранный капитал весьма слабо реагировал на возможность участия в смешанном секторе экономики Кампучии. Так, в 1957—1960 гг. с участием французского капитала было создано всего три сравнительно небольшие промышленные компании: «Сосьетэ Кмер де монтаж д'отомобиль», «Чеинь де монтаж Ламбретта» и «Чеинь де монтаж Вело-Солекс». На средства указанных компаний было построено несколько небольших предприятий по сборке легковых машин, мотороллеров и лодочных моторов. Доля участия французского капитала в этих предприятиях не превышала 7—10 млн. риелей. Сравнительно небольшой суммой ограничивалась также доля французского участия в создании смешанных компаний в области транспорта и коммунального хозяйства Кампучии.

Слабый приток иностранного производственного капитала в страну объясняется рядом причин. Одним из сдерживающих факторов в этой области было то, что некоторые смешанные компании в Кампучии были по своему юридическому статусу кхмерскими компаниями, а это обстоятельство лишало их владельцев права переводить свою прибыль за границу. Другим фактором, ограничивающим приток иностранных инвестиций, являлось несоответствие номинального и фактического курса национальной валюты — риеля. Если официальный курс риеля составлял 35 риелей за 1 ам. долл., то его фактическая стоимость на валютных рынках Гонконга и других районов была в 1963 г. в два раза ниже. Подобная ситуация непосредственно сказывалась на инвестиционном климате Кампучии. Так, законом 1957 г. предусматривалась гарантированная квота перевода прибылей и репатриации иностранного капитала из страны, не-

смотря на то что эта гарантия на практике не соблюдалась. В условиях официального, завышенного курса риеля фактическая квота перевода прибылей сокращалась примерно в два раза.

По данным кампучийской прессы, общая сумма новых иностранных капиталовложений составляла в стране в 1959—1962 гг. всего 70 млн. риелей. Главными сферами деятельности иностранных монополий продолжали оставаться внешняя торговля, банковская система и плантационное хозяйство. Ключевые позиции в этих отраслях в 1955—1963 гг. по-прежнему удерживал французский капитал.

В 1963 г. в стране продолжал функционировать ряд крупных французских корпораций. К их числу относились шесть каучуковых компаний во главе с «Компани дю Камбодж», занимавших монопольное положение в производстве каучука — одной из наиболее доходных отраслей местной экономики. Сильные позиции французский капитал сохранял также и в сфере внешней торговли и коммерческого кредита Кампучии.

По данным 1962 г., французский капитал контролировал треть всех внешнеторговых компаний страны. Ему принадлежали крупнейшие в стране торговые фирмы «Дюмарест», «Дени-Фрер», «Ля Аврез», которые занимали ведущее место в экспорте кампучийского каучука, риса, перца и некоторых других товаров.

Экспортно-импортные операции французских компаний финансировались тремя французскими банками: «Банк де л'Эндошин», «Банк Франко-Шинуаз» и «Банк пур ле коммерс эл'эндюстри», на долю которых приходилась значительная, если не бо́льшая часть коммерческого кредита Кампучии.

Начиная с 1956 г. сфера внешней торговли и коммерческого кредита Кампучии становится ареной острой конкурентной борьбы между французским капиталом, с одной стороны, и его американскими, английскими и японскими соперниками — с другой. Проникновение в страну торгово-финансового капитала США и некоторых других капиталистических стран было тесно связано с осуществлением программы военной и экономической помощи США. Предоставление американских субсидий вызвало резкое расширение внешнеторгового оборота Кампучии (в 1955—1963 гг. в два с лишним раза), главным образом за счет увеличения его импорта, значительную часть которого составили американские товарные поставки, осуществлявшиеся в рамках экономической помощи США. Активное участие в реализации американских товарных поставок приняли торговые компании США и некоторых других капиталистических стран.

Еще в 1955 г. в Кампучии появились филиалы целого ряда американских торговых фирм и страховых компаний. Американцы приобрели активы нескольких французских торговых фирм, а немного позднее в стране открылись филиалы американских

страховых компаний «Америкэн Интернэшнл Иншуренс Ко» и «Нью Хемпшир Фаир Иншуренс Ко». Возрастающую роль на внутреннем рынке страны стали играть американские нефтяные компании «Калтекс Эйша» и «Эссо-Стандард Истерн», на долю которых приходилось примерно 35% кампучийского импорта нефтепродуктов.

Главным конкурентом американских нефтяных компаний в Кампучии стал англо-голландский концерн «Роял Датч Шелл», сосредоточивший в своих руках свыше 60% ввоза жидкого топлива.

Появившиеся в стране английские торговые компании, а вслед за ними и японские фирмы установили свой контроль над импортом текстильных изделий. Деятельность английского и японского капиталов распространилась также на сферу коммерческого кредита, о чем свидетельствовало создание в этой стране двух английских банков — «Чартерд Бэнк» и «Гонконг энд Шанхай Бэнк» и одного японского банка — «Бэнк оф Токио». По свидетельству зарубежной прессы, приток частных инвестиций США, Англии и Японии в кампучийскую промышленность был весьма незначительным. Вплоть до 1964 г. главной сферой приложения «новых» частных капиталов из-за границы оставались внешняя торговля и кредитная система этой страны.

Деятельность иностранного капитала в Кампучии не ограничивалась сферой частного предпринимательства. Главной формой экономической, а также политической экспансии иностранного монополистического капитала в этой стране являлись в 1955—1963 гг. государственные безвозвратные кредиты, которые предоставлялись стране правительствами США и Франции по их программе экономической и военной помощи. В программе экономической помощи приняли также участие (в сравнительно ограниченных масштабах) правительства Японии, Австралии и ФРГ.

Предоставление капиталистическими странами государственных кредитов Кампучии диктовалось главным образом политическими соображениями — стремлением удержать эту страну в сфере влияния империалистических держав, превратить ее в одну из опорных баз их экспансии в Индокитае. Несмотря на то что кредиты капиталистических стран, и прежде всего США, были обусловлены рядом политических требований, ущемлявших национальный суверенитет Кампучии, последняя вынуждена была принять их, поскольку испытывала острую нехватку средств для покрытия расходов на оборону и гражданские нужды.

Начало реализации программы военной и экономической помощи Кампучии со стороны империалистических держав относилось к 1955 г. В мае 1955 г. кампучийское правительство подписало с Соединенными Штатами договор о военной помощи, а в августе того же года — соглашение об экономической

и технической помощи с Францией. Эти соглашения заложили юридическую основу предоставления Кампучии основной массы ассигнований в счет безвозвратной помощи капиталистических стран.

В период 1955—1963 гг. общая сумма безвозвратных кредитов капиталистических стран составила 403 млн. долл., из которых 366 млн. (89% всей помощи) приходилось на долю США. Программа американской помощи включала мероприятия экономического и военного характера. По данным зарубежных источников, в 1955—1963 гг. США выделили на гражданские и военные нужды Кампучии соответственно 269 млн. и 97 млн. долл. Программа американской военной помощи включала поставки некоторых видов военного снаряжения и материалов, а также ассигнования на покрытие расходов по содержанию 30-тысячной кампучийской армии.

Субсидии США на гражданские нужды страны были направлены в основном на развитие коммуникаций и транспорта, а также на финансирование отдельных мероприятий по восстановлению и реконструкции ирригационной системы и на развитие здравоохранения и просвещения. «Помощь» США в развитии промышленного производства носила, по существу, символический характер. Соединенные Штаты уклонились от строительства в этой стране промышленных объектов. Их ассигнования в сфере промышленного производства не превышали 5 млн. долл., которые были направлены в основном на кредитование частного сектора мелкой промышленности. Финансирование американской экономической и военной помощи осуществлялось через «обменный фонд», находившийся под контролем экономической миссии США в Пномпене. Экономическая миссия размораживала девизы на импорты с последующим распределением их между кампучийскими предпринимателями. При распределении девизов американцы устанавливали в обязательном порядке объем и номенклатуру импорта. Средства в местной валюте — риелях, поступавшие от реализации американских товаров на местном рынке, и составляли так называемый обменный фонд, который использовался для финансирования военной и экономической программы помощи США. Таким образом, американские ассигнования предоставлялись правительству Кампучии не в долларах, а в местной валюте, что сильно ограничивало контроль последнего над импортом и позволяло американцам оказывать влияние на финансовую политику кампучийского государства.

Реализация программы американской помощи резко активизировала деятельность посреднических элементов в стране. Система товарных поставок США открыла перед местными коммерсантами невиданный ранее источник обогащения, связанный с предоставлением им валютных лицензий. Под влиянием американской помощи приняли угрожающие размеры спе-

куляция и коррупция. В Пномпене и других центрах стали быстро расти новые импортные фирмы. Если в начале 1955 г. в Кампучии насчитывалось всего 71—78 импортных фирм, то спустя два года их число увеличилось до 763. Значительная часть этих фирм принадлежала дельцам, использовавшим внешнеторговые патенты главным образом в спекулятивных целях.

Черный рынок стал главной ареной «делового мира» Кампучии; он превратился в «кузницу» новой компрадорской буржуазии, новой прослойки дельцов — посредников и спекулянтов, ориентировавшихся на США. На черный рынок устремились прежде всего торгово-ростовщические элементы, т. е. самая богатая и влиятельная часть местных предпринимателей, ранее сотрудничавшая с французами, а теперь готовая служить американцам. Лихорадка легкой наживы охватила всех, кто имел хоть какие-нибудь сбережения или был причастен к выдаче импортных лицензий. В водоворот посреднических операций была втянута часть предпринимателей, занятых в мелкой промышленности, а также значительная прослойка чиновников административного аппарата.

В обстановке спекулятивного ажиотажа коррупция быстро свила себе гнездо в государственных учреждениях. Чиновники не только брали взятки, но и становились компаньонами различных подставных фирм, выкачивавших валюту из Национального банка. Многие представители бюрократической интеллигенции и коммерсантов стали жертвой «долларовой наркомании».

В 1957—1958 гг. в Кампучии были введены ограничения на выдачу внешнеторговых патентов и валютных лицензий. Это вызвало ликвидацию около 400 импортных фирм. Однако основные позиции компрадорского капитала не были подорваны. По данным на сентябрь 1963 г., в стране продолжали свою посредническую деятельность несколько сот частных внешнеторговых предприятий, в том числе 336 импортных фирм.

Местные дельцы обогащались не только за счет перепродажи импортных товаров. Важным источником их накоплений были операции «по обслуживанию» растущего государственного сектора хозяйства (получение различного рода государственных подрядов, вербовка рабочей силы, поставки местного сырья на государственные предприятия и т. д.). Широкие масштабы приняли различные формы хищения государственных средств, а также спекуляция иностранной валютой.

Коррумпированный административный аппарат Кампучии не мог обеспечить эффективного контроля государства над деятельностью частного сектора.

Перелив денежных ресурсов местной крупной буржуазии в сферу производства происходил крайне медленно и преимущественно в форме портфельных инвестиций. Именно на такой

основе было создано несколько смешанных государственно-частных компаний, материальную базу которых составили старые промышленные предприятия, выкупленные у французов в 1958—1962 гг.

Что касается прямых инвестиций местной буржуазии[2], то последние направлялись главным образом в сферу мелкой промышленности. В этой отрасли в 1955—1964 гг. были созданы на средства национального частного капитала 2800 предприятий, подавляющее большинство которых было представлено кустарными мастерскими и заведениями мануфактурного типа с числом занятых от 5 до 15 человек на каждом предприятии.

В целом формирование национального частного капитала в промышленности находилось в эмбриональном состоянии.

Процесс концентрации производства в 1955—1965 гг. был связан главным образом с предпринимательской деятельностью государства. В 1956—1964 гг. капиталовложения государства на цели экономического развития достигли 10 млрд. риелей[3], что в пять раз превысило в указанный период объем промышленных инвестиций частного сектора капитала (национального и иностранного). Ассигнования государства на развитие производительных и полупроизводительных отраслей хозяйства увеличивались. Однако экономический и социальный эффект этих ассигнований постепенно снижался, поскольку предпринимательская и регулирующая деятельность государства все в большей мере подчинялась интересам накопления бюрократического и торгово-посреднического капитала.

Период двух послевоенных десятилетий был отмечен ускорением процесса расслоения и пауперизации кампучийского крестьянства. Военные действия и сопутствующие им разрушения были причинами того, что многие крестьяне, особенно в западных и южных районах страны, бросали свои хозяйства и отправлялись в поисках заработка в центральные провинции или города. Усилившаяся миграция из деревни обусловила быстрый численный рост населения Пномпеня. По данным различных источников, последнее насчитывало в 1956 г. 300—350 тыс. человек против 100 тыс. в 1939 г. Коммунальное хозяйство и слаборазвитая промышленность столицы не смогли поглотить выходцев из деревни. В результате Пномпень превратился в основной рынок наемной рабочей силы, причем предложение значительно превышало существующий спрос. Впервые за весь период новейшей истории Кампучии перед страной возникла проблема занятости.

Волна переселенцев из западных и южных провинций стала спадать лишь в конце 1954 г. Однако бегство крестьян из деревни не прекратилось. В конце 50-х — начале 60-х годов глав-

---

[2] Имеются в виду производительные инвестиции.

[3] Имеются в виду государственные капиталовложения, реализованные в рамках двухлетнего и первого пятилетнего планов.

ным источником этой миграции являлся процесс пауперизации крестьянства в условиях засилья в деревне низших форм капитала.

В 1954 г. в сельской местности насчитывалось 34 тыс. торговцев — владельцев небольших лавок, в основном китайской национальности, совмещавших в своем лице функции торговцев-скупщиков и ростовщиков. На каждые 18—20 крестьянских хозяйств приходился в среднем один торговец-ростовщик. По данным 1952 г., 75% крестьянских хозяйств в той или иной степени находились в долговой зависимости от ростовщиков. Общая сумма ростовщического кредита в деревне составляла 20% стоимости валовой продукции сельского хозяйства страны.

При колониальном режиме торгово-ростовщический капитал проявлял слабую заинтересованность в приобретении земельной собственности. После восстановления независимости страны положение несколько изменилось в связи с тем, что местный капитал получил возможность участвовать в экспорте некоторых видов сельскохозяйственной продукции. Установив частичный контроль над вывозом риса и кукурузы, кампучийский торговый капитал обнаружил стремление распространить свой контроль и на сферу производства экспортных культур. Это обстоятельство ускорило перелив определенной части торгового капитала в земледелие, что стимулировало концентрацию земли в руках эксплуататорской верхушки деревни. Однако сдвиги в этой области не зашли настолько далеко, чтобы привести к образованию здесь широкой прослойки крупных землевладельцев

Период 1953—1964 гг. характеризовался усилением в деревне позиций так называемых средних земельных собственников или средних помещиков (хозяйства размером 10—20 га) при одновременном увеличении численности малоземельного крестьянства.

В 1963 г. на долю крупного землевладения (имения свыше 20 га) приходилось 5,6% пахотного фонда. Около 16% обрабатываемой земли было сосредоточено в руках средних землевладельцев, которые широко практиковали сдачу земли в издольную аренду, сочетая этот источник доходов с эксплуатацией наемного труда и ростовщическими операциями. Всего на долю крупных и средних земельных собственников приходилось 21,4% пахотного фонда страны. Однако эти данные давали далеко не полную картину концентрации земли в руках эксплуататорских элементов деревни.

1953—1964 годы были отмечены расширением прослойки так называемых зажиточных крестьян (наделы 5—10 га), земельная собственность которых составляла 24,8% пахотного фонда страны. Социальная природа этой прослойки была неоднородна. По свидетельству зарубежных источников, часть владельцев участков размером 5—10 га сдавала свою землю частично или полностью в аренду или же обрабатывала ее с по-

мощью батраков. Это в особенности относилось к зажиточным крестьянским хозяйствам, расположенным в пойме Меконга на аллювиальных землях «чамкар». На этих землях, приносящих два урожая в год, владелец участка в 5—10 га сдавал, как правило, всю свою землю в аренду и получал бо́льший доход, чем землевладелец-рентополучатель, имевший 15—20 га в других районах Кампучии[4]. В рисоводческих провинциях, расположенных за пределами поймы Меконга, владелец участка в 5—10 га либо сам обрабатывал свою землю, либо жил на доходы от ренты и ростовщичества.

Все это свидетельствует о том, что значительная часть земельных собственников, имевших наделы по 5—10 га, относилась к представителям эксплуататорской деревенской верхушки.

Рост прослойки средних земельных собственников и прослойки более мелких землевладельцев-эксплуататоров (участки в 5—10 га), объединявших в одном лице характерные черты собственника — рентополучателя, кулака и ростовщика, происходил не только за счет освоения целинных земель, но и путем экспроприации крестьянской земельной собственности.

Классовое расслоение деревни сопровождалось расширением рядов малоземельного крестьянства. Так, в 1963 г. 30,7% сельских хозяйств страны составляли мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства размером до 1 га, на долю которых приходилось всего 5,2% пахотного фонда. Большинство владельцев этих хозяйств вынуждены были «приарендовывать» небольшие наделы земли на условиях издольной аренды. По своему экономическому и социальному положению эти крестьяне-бедняки представляли собой промежуточную, полупролетарскую прослойку деревни.

К этой прослойке близко примыкала некоторая часть крестьян, имевших наделы размером 1—2 га, расположенные главным образом в районах с пониженным плодородием почвы и низкой урожайностью рисовых полей (0,7—0,8 т/га). Владельцы указанных наделов вынуждены были искать дополнительные источники доходов (арендовать землю либо заниматься отхожими промыслами).

Стремясь смягчить социальные противоречия в деревне и затормозить процесс пауперизации крестьянства, правительство Кампучии предприняло в 1956—1969 гг. попытку развития в сельской местности кредитной и снабженческо-сбытовой кооперации.

В 1956 г. в Кампучии было создано государственное ипотечное учреждение — Королевская служба кооперации (сокращенно — ОРОК). Главной задачей ОРОК являлось создание кре-

---

[4] Гектар аллювиальных земель, занятых техническими культурами, приносил доход в несколько раз больший, чем гектар рисового поля, чем и объяснялся высокий размер земельной ренты в некоторых районах поймы Меконга.

дитных и снабженческо-сбытовых кооперативов для оказания материальной помощи мелким и средним товаропроизводителям в сельском хозяйстве и ремесленном производстве. В 1956 г. основной капитал ОРОК составил 200 млн. риелей; половина этой суммы принадлежала государству, а другая половина — кооперативным организациям. Одним из главных звеньев в системе ОРОК являлись кредитные кооперативы, через которые государство осуществляло ссудные операции в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Членами кредитных кооперативов могли быть как индивидуальные, так и коллективные пайщики, представленные соответствующими снабженческо-сбытовыми кооперативами. Ссудный процент кредитных кооперативов составлял для краткосрочных займов (до года) 1% ежемесячно, для займов от года до 5 лет — 8% годовых, для долгосрочных кредитов (от 5 до 15 лет) — 7% годовых. Важной функцией ОРОК и связанных с ней кооперативных организаций являлось обеспечение сбыта товарной продукции сельского хозяйства и изделий ремесленного производства.

В 1956—1961 гг. в стране было создано 292 снабженческо-сбытовых, 13 кредитных и несколько производственных кооперативов, объединивших 200 тыс. хозяйств, т. е. 24—25% всех сельских хозяйств страны (сюда входили и индивидуальные пайщики кредитных кооперативов).

Количественный рост сельской кооперации происходил на весьма шаткой организационной и финансовой основе. В 50-х годах среднегодовой объем кредитов ОРОК составлял, по оценочным данным, 140—150 млн. риелей, что примерно в 6—7 раз уступало соответствующим показателям ростовщического кредита.

Создание кооперативных организаций было «отдано на откуп» чиновникам ОРОК, рассматривавшим свои служебные посты главным образом с точки зрения возможностей личного обогащения. Не удивительно, что в этих условиях широкий размах в системе сельской кооперации получила коррупция, а также различные формы хищения и разбазаривания кредитных фондов. В результате уже в конце 50-х годов многие кооперативы оказались «нерентабельными». Задолженность этих кооперативов по кредитным счетам государства с каждым годом увеличивалась. К 1963 г. общая сумма непогашенных кредитов сельских кооперативов достигла 350 млн. риелей. Ключевые позиции в большинстве кооперативных организаций заняли представители эксплуататорской деревенской верхушки. Действуя в обход существующих законов, деревенские богатеи использовали часть полученных ими государственных кредитов в целях ростовщичества, а также на приобретение земельной собственности, которая во многих случаях сдавалась ими в аренду крестьянам-испольщикам.

Некоторую часть своих денежных накоплений сельская эли-

та направляла в сферу производства технических культур (главным образом хлопчатника, джута, сахарного тростника). Эта тенденция нашла отражение в постепенном росте найма рабочей силы в хозяйствах зажиточной прослойки деревни. Именно на базе этих хозяйств был создан ряд производственных кооперативов, где использовался наемный труд батраков и поденщиков.

В целом, однако, процесс становления капиталистических отношений в сельском хозяйстве развивался крайне медленно. Экономика большинства средних и так называемых крупных хозяйств страны базировалась на сочетании полуфеодальных и капиталистических форм эксплуатации. Главным источником доходов эксплуататорских элементов в деревне оставался ростовщический процент и докапиталистическая земельная рента.

Задавленные нищетой и опутанные долгами малоземельные и безземельные крестьяне составляли основную массу «беженцев» из деревни, пополнявших ряды городского пролетариата.

В 1955—1963 гг. наблюдался численный рост рабочего класса Кампучии. Абсолютные размеры этого роста были невелики, что соответствовало ограниченным масштабам развития самого капиталистического производства в этой стране. Тем не менее в области формирования рабочего класса наблюдался определенный сдвиг. В 1955—1963 гг. численность промышленных и транспортных рабочих увеличилась, по приблизительным оценкам, на 25—30 тыс. человек. В 1963 г. общее число промышленных, транспортных, строительных и плантационных рабочих составило 65—70 тыс., не считая 80—90 тыс. кустарей и ремесленников.

Наибольшей концентрацией в 1963 г. характеризовались кадры плантационных рабочих, занятых в производстве каучука (23—24 тыс.), а также рабочих, обслуживавших предприятия фабрично-заводского типа (приблизительно 4—5 тыс.).

Центром сосредоточения городского пролетариата был Пномпень, где насчитывалось несколько десятков тысяч промышленных, транспортных и строительных рабочих.

Глава 4

КРИЗИС РЕЖИМА САНГКУМА

Борьба в защиту политики нейтралитета и укрепления государственного суверенитета страны выдвигала задачу сплочения ее патриотических и демократических сил. Однако решение этой задачи сталкивалось с большими трудностями, связанными прежде всего с особенностями внутренней политики руководства Сангкума. Выступая против агрессивных устремлений

СЕАТО, осуществляя борьбу против империалистической агентуры внутри страны, руководство Сангкума не прекращало вместе с тем попыток подавления демократических сил. Эта двойственная, противоречивая тенденция в политике лидеров Сангкума получила свое дальнейшее развитие в конце 50-х — начале 60-х годов.

В 1960 г. правительство Кампучии усилило репрессии против группы «Прачеачун». Осенью 1960 г. по распоряжению властей были закрыты газета «Прачеачун» и некоторые другие издания, объективно освещавшие вопросы экономического положения страны и выступавшие против коррупции и других злоупотреблений в ее административном аппарате. Сианук возбудил против этих газет судебное преследование, обвиняя их в подрыве авторитета королевского правительства [1].

В июле 1961 г. Сианук выступил с резкими нападками на группу «Прачеачун», запугивая общественность Кампучии угрозой «распространения коммунизма». В августе 1961 г. была созвана специальная сессия Национального конгресса в целях инсценировки общественного суда над «Прачеачун». Поводом для организации такого «суда» послужило предложение «Прачеачун» обсудить ряд вопросов, связанных с экономическим положением страны, в том числе вопрос о безработице среди молодежи, вопрос о подъеме сельскохозяйственного производства и ряд других.

Уклонившись от обсуждения назревших проблем внутреннего развития страны, руководство Сангкума посвятило работу конгресса политической дискредитации «Прачеачун». Выступление Сианука на этой сессии было насыщено открытыми угрозами в адрес «Прачеачун» и всех «красных». Эти угрозы послужили сигналом для развертывания в Кампучии широкой кампании преследования «местных коммунистов». Была усилена полицейская слежка за «Прачеачун» и всеми лицами, заподозренными в симпатиях к этой организации. На страницах официальной печати появились разделы специальной хроники, где стали публиковать фамилии и адреса «неблагонадежных», а также факты, свидетельствующие об их контактах с «красными».

Наступление на левые силы страны, предпринятое в 1961 г., было тесно связано с подготовкой Сангкума к очередным выборам в Национальное собрание, которые должны были состояться в первой половине 1962 г. Следует напомнить, что перед парламентскими выборами 1958 г. руководство Сангкума также выступало с нападками на «красных». Однако на этот раз наступление на левые силы вышло за рамки обычной пред-

---

[1] Отсутствие конкретных фактов, свидетельствующих о незаконной деятельности прогрессивных газет, вынудило правительство снять запрет на их издание, однако одновременно был установлен режим жесткой цензуры над органами демократической печати.

выборной кампании. В декабре 1961 г. Сианук потребовал изменить название группы «Прачеачун» на том основании, что она якобы не представляет интересов кампучийского народа. В январе 1962 г. были брошены в тюрьму руководящие деятели «Прачеачун» — Нонг Суон и Чу Чет. Были арестованы и некоторые другие прогрессивные деятели, в том числе главный редактор газеты «Панча Шила».

В январе 1962 г. была сфабрикована фальшивка о мнимых политических связях «Прачеачун» с иностранной агентурой. В окрестностях Пномпеня полиция арестовала 13 неизвестных лиц по обвинению в государственном заговоре. Власти поспешили заявить, что эти лица были иностранными агентами и действовали в контакте с «Прачеачун». Это провокационное обвинение не было подкреплено какими-либо фактами, что, однако, не помешало правительству отдать под суд военного трибунала одного из лидеров «Прачеачун» — Нонг Суона. Действуя по указаниям высших инстанций, военный трибунал вынес в мае 1962 г. смертный приговор Нонг Суону.

Обрушив репрессии на «Прачеачун», Сианук предпринял в то же время шаги к установлению контактов с отдельными представителями левого крыла Сангкума. Однако это не означало серьезного изменения общего курса его внутренней политики, которая была основана на принципах балансирования и «сдерживания» двух антагонистических течений, представлявших интересы революционно-демократических сил, с одной стороны, и крайне правых кругов — с другой. Эта тактика балансирования и борьбы «на два фронта» сопровождалась процессом ограничения политических свобод в стране, урезыванием функций представительных органов власти, укреплением режима личной власти Сианука.

Важной вехой на этом пути стали события, связанные с попытками создания провинциальных собраний — местных органов самоуправления. Следует напомнить, что в течение длительного периода в Кампучии вся власть на местах концентрировалась в руках губернаторов и волостных начальников. Этот порядок был изменен в декабре 1955 г., когда специальным декретом парламента должность волостного начальника стала выборной, а при губернаторах был учрежден консультативный орган — провинциальные собрания. В январе 1956 г. состоялись выборы в эти органы местного самоуправления. Однако к исполнению своих функций провинциальные собрания смогли приступить только через два года — в декабре 1957 г. Это объяснялось тем, что с самого начала в провинциальных собраниях стала расти критика в адрес коррумпированного административного аппарата страны, затягивавшего осуществление программных лозунгов Сангкума в области антифеодальных преобразований. В течение 1956—1957 гг. представители бюрократической верхушки проводили чистку провинциальных собраний.

Деятельность последних в 1958—1959 гг. была отмечена постоянными конфликтами и трениями с центральными властями. В 1959 г. Сианук, болезненно относившийся ко всем формам критики «снизу», поставил вопрос об упразднении провинциальных собраний, организовав в этих целях специальный референдум. Апеллируя к патриотическим чувствам населения и запугивая его угрозой подрыва национального единства, руководство Сангкума добилось желаемых результатов. Референдум одобрил решение о ликвидации института провинциальных собраний.

В крайне жесткие рамки было поставлено зарождающееся профсоюзное движение страны. В 1956 г. было создано три профсоюза: Союз рабочих Камбоджи, Союз докеров и Союз железнодорожников. В уставе этих организаций было записано, что их основной задачей является объединение рабочих в целях защиты их профессиональных интересов. Почетным председателем наиболее крупного союза, Союза рабочих Камбоджи, был назначен Сианук, а председателями союзов докеров и железнодорожников — другие лидеры Сангкума. Стремясь удержать профсоюзное движение в рамках экономических требований, руководство Сангкума включило в устав рабочих союзов статью, запрещавшую политические дискуссии на собраниях рабочих. Летом 1956 г. декретом министра труда были запрещены забастовки. В результате деятельность профсоюзов была парализована, и эти организации превратились фактически в политические придатки административного аппарата Сангкума.

Важным инструментом режима личной власти Сианука являлся институт национальных конгрессов. Первоначально эти конгрессы были общенациональными съездами Сангкума, которые по его уставу должны были созываться два раза в год. Особенность конгрессов заключалась в том, что на их сессиях могли присутствовать, а в отдельных случаях и выступать не только делегаты местных комитетов Сангкума, но и «рядовые» граждане страны. Принцип «открытых дверей» придавал национальным конгрессам характер своеобразных народных собраний. Однако фактическое руководство деятельностью национальных конгрессов было целиком сосредоточено в руках Сианука и его ближайшего окружения. В декабре 1957 г. руководство Сангкума добилось включения в конституцию специальной статьи, наделявшей институт национальных конгрессов статусом государственно-политического органа, которому надлежало непосредственно знакомить народ «с делами общенационального значения». Конституцией предусматривалось, что решения национальных конгрессов должны приниматься в качестве рекомендаций правительством и парламентом страны.

Трибуна национальных конгрессов широко использовалась руководством Сангкума для укрепления его политических позиций. До начала 60-х годов острие политики Сангкума было на-

правлено против империалистической агентуры, пытавшейся столкнуть Кампучию с позиций нейтралитета. Выступая против правой оппозиции, руководство страны апеллировало к общественному мнению, активно используя при этом политический механизм национальных конгрессов. Резолюции конгрессов, направленные в защиту политики нейтралитета, помогли Сиануку сломить в 50-х годах противодействие проимпериалистических кругов и распустить в 1958 г. Национальное собрание, где большинство мест занимали представители крайне правой оппозиции. В то же время эти события привели к резкой концентрации политической власти в руках Сианука. Досрочно распустив в 1958 г. парламент, он подчинил своему контролю механизм организации предвыборных кампаний Сангкума. Начиная с 1958 г. и вплоть до 1966 г. списки кандидатов Сангкума, выдвигаемых на парламентских выборах, составлялись лично Сиануком, что обеспечивало ему возможность формировать состав парламента в основном из числа своих сторонников.

Процесс усиления верховной власти Сианука достиг кульминационной фазы в 1960 г., когда Национальное собрание вынесло решение о его назначении главой государства, сфера полномочий которого лишь номинально ограничивалась конституцией.

Становление режима личной власти в Кампучии отражало сложный, противоречивый характер ее политического и социально-экономического развития в условиях резкого усиления экспансии американского империализма в Индокитае на рубеже 50—60-х годов.

Чем глубже США втягивались в «грязную войну» во Вьетнаме, тем настойчивее становились их попытки столкнуть Кампучию с позиций нейтралитета, с тем чтобы превратить ее в опорную базу своей агрессии на Индокитайском п-ове.

Используя реакционные круги Южного Вьетнама и Таиланда, Вашингтон упорно продолжал провоцировать военно-политические конфликты с Кампучией. В Сайгоне и Бангкоке резко усилилась антикампучийская кампания, в ходе которой настойчиво выдвигалось требование пересмотра границ этой страны в целях аннексии ее отдельных пограничных районов. Стремясь разжечь страсти вокруг территориальных споров, таиландские и сайгонские власти организовали во второй половине 1962 г. новую серию вооруженных провокаций на границах страны. Политика «на грани войны», проводившаяся в отношении Кампучии кликой Нго Динь Зьема и милитаристскими кругами Таиланда, принимала все более жесткий характер. Эти враждебные действия побудили правительство Кампучии принять в августе 1963 г. решение о разрыве дипломатических отношений с Сайгоном. Разрыв отношений с Сайгоном происходил в обстановке резкой активизации подрывной деятельности эмигрантской организации «Кхмер Серей», которая не прекращала за-

сылку на территорию Кампучии диверсионных групп. Одна из этих групп была задержана осенью 1963 г. Материалы следствия по делу этой группы дали дополнительные сведения о тесных связях «Кхмер Серей» с американской разведкой.

Осенью 1963 г. организация «Кхмер Серей», действуя с ведома и одобрения США, установила на границах Кампучии мощную радиостанцию и выступила с открытыми призывами к свержению ее правительства.

Возрастающее давление со стороны внешней и внутренней реакции выдвигало перед этой страной проблему радикального пересмотра ее отношений с Вашингтоном. Решение этой проблемы предусматривало прежде всего необходимость отказа Кампучии от военной и экономической помощи США, которая все в большей мере превращалась в орудие подрывной деятельности против этой страны. Известно, что предоставление военной помощи США было обусловлено требованиями, серьезно ограничивавшими суверенные права Кампучии. Так, в 1958 г. американский посол в Пномпене прямо заявил кампучийскому правительству, что США запрещают ему использовать американское оружие против «союзников США», имея в виду при этом сайгонский режим и правительство Таиланда. Представители дипломатических кругов Вашингтона подчеркивали, что оружие, предоставляемое Соединенными Штатами Кампучии, предназначается исключительно для борьбы против «коммунистических сил». США шантажировали Кампучию угрозой прекращения поставок военных материалов и продовольствия в том случае, если она попытается обратиться за военной помощью к социалистическим государствам; Вашингтон отказывался предоставить необходимые Кампучии средства противовоздушной обороны. Таким образом, политика США в вопросах военной помощи Кампучии сводила до минимума возможность обеспечения ее обороноспособности. Негативные последствия для Кампучии имела также реализация программы экономической помощи США, поскольку она стимулировала в этой стране деятельность компрадорской буржуазии и связанных с ней антинациональных сил.

События 1955—1963 гг. свидетельствовали о том, что экономическая и военная помощь США представляет растущую угрозу для национальной безопасности Кампучии. Учитывая это обстоятельство, правительство этой страны приняло в ноябре 1963 г. решение отказаться от всех видов американской помощи.

Отказ от помощи США ознаменовал собой более активный этап борьбы Кампучии в защиту своего национального суверенитета. В области внешней политики этот этап был отмечен усилиями руководства Сангкума, направленными на поиски эффективных форм международных гарантий нейтралитета страны. Еще в августе 1962 г. правительство Кампучии обратилось

к государствам — участникам Женевских соглашений 1962 г. по Лаосу с призывом созвать совещание 14 государств по Кампучии в целях обеспечения международных гарантий ее территориальной целостности и национального суверенитета. Обращение получило поддержку Советского Союза и других социалистических стран. Противоположную позицию в этом вопросе заняли США. В своем официальном ответе Вашингтон фактически отклонил идею созыва международного совещания по Кампучии. Мотивируя свою позицию, правительство США заявило, что обеспечение международных гарантий этой страны целесообразнее осуществить не в рамках коллективного договора 14 государств, а путем односторонних деклараций заинтересованных государств.

Сайгон и Бангкок также отвергли предложение о созыве совещания, причем их отказ не сопровождался оговорками о целесообразности изыскания каких-либо иных форм решения вопроса о международных гарантиях Кампучии. В этих условиях согласие США подтвердить в одностороннем порядке признание нейтралитета этой страны превращалось в пустую формальность, поскольку Вашингтон сохранял за собой возможность продолжать подрывную деятельность против Кампучии, используя в этих целях сайгонский режим и Таиланд.

Усилия Кампучии, направленные на обеспечение международных гарантий ее суверенитета, предпринимались в обстановке обострения американо-французских противоречий в Индокитае. В 1962—1964 гг. Франция активизировала свою политику в Индокитае. Используя ослабление позиций США в этом регионе в результате подъема освободительного движения, правительство Франции стремилось укрепить свое влияние в странах Индокитая. В 1962 г. правительство де Голля выступило с критикой политики США в Индокитае и выдвинуло предложение о нейтрализации Южного Вьетнама. В том же году французское правительство выступило с поддержкой проекта международных гарантий Кампучии. Зимой и летом 1964 г. между Кампучией и Францией состоялись переговоры по вопросам расширения их политических, экономических и культурных связей. В результате летом 1964 г. в Париже было подписано соглашение о предоставлении Францией военной и экономической помощи Кампучии.

Большое значение в эти годы имела для Кампучии морально-политическая и экономическая поддержка Советского Союза и других социалистических стран. Будучи одним из председателей Женевского совещания 1954 г. по Индокитаю, Советский Союз последовательно выступал в защиту суверенных прав этой страны и активно поддерживал предложения о создании эффективной системы международных гарантий ее нейтралитета и территориальной целостности.

В ноябре 1963 г. правительство Кампучии выступило с но-

вой инициативой созыва международного совещания по Кампучии с участием США и других заинтересованных государств. Но, как и раньше, эта инициатива встретила противодействие Соединенных Штатов. Учитывая негативную позицию США, Сианук выдвинул в феврале 1964 г. компромиссное предложение о созыве четырехстороннего совещания по Кампучии в составе США, Таиланда, Южного Вьетнама и Кампучии. США формально не возражали против этого предложения. Однако в качестве предварительного условия созыва четырехстороннего совещания они выдвинули требование создать смешанную комиссию с участием Таиланда и Сайгона в целях «уточнения» государственных границ Кампучии. Это условие было отвергнуто Кампучией, поскольку оно ставило под сомнение законность ее границ, установленных рядом международных соглашений и подтвержденных Вашингтонским договором 1946 г.

Упорное нежелание США признать незыблемость существующих границ Кампучии оказало определенное влияние на ее политику в отношении патриотических сил Вьетнама. В 1964 г. между Кампучией, с одной стороны, ДРВ и НФО Южного Вьетнама — с другой, состоялись официальные переговоры о нормализации и развитии их отношений на базе Женевских соглашений 1954 г. В ноябре 1964 г. Сианук предложил созвать конференцию патриотических организаций народов Вьетнама, Кампучии и Лаоса. Эта конференция, получившая название Конференции народов Индокитая, состоялась в марте 1965 г. в Пномпене. В работе конференции приняли участие представители 39 патриотических организаций стран Индокитая, в том числе представители Отечественного фронта ДРВ, Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Патриотического фронта Лаоса, а также Сангкума и других менее крупных организаций.

Центральным вопросом на конференции была проблема восстановления мира в Индокитае и обеспечения национальной независимости народов Индокитайского п-ова.

Участники конференции обнаружили различный подход к путям и методам решения этой сложной проблемы. Однако это обстоятельство не помешало делегатам конференции продемонстрировать единство взглядов в оценке агрессивной сущности американской политики в Индокитае. В общей резолюции, единогласно принятой 8 марта 1965 г., конференция решительно осудила вмешательство США во внутренние дела стран Индокитая и признала необходимым укреплять фронт борьбы против империализма и колониализма. Делегация Кампучии на конференции заявила о своей поддержке антиимпериалистических сил Вьетнама и Лаоса, выступающих с оружием в руках против американской интервенции в Индокитае.

Ответной реакцией Вашингтона на политику солидарности Кампучии с освободительными силами Индокитая явилось не-

посредственное участие вооруженных сил США в провокации конфликтов на ее границах. Начиная с 1965 г. американская авиация стала регулярно бомбить пограничные районы Кампучии, что явилось одной из главных причин, вынудивших ее правительство пойти на разрыв дипломатических отношений с Вашингтоном в мае 1965 г.

В 1967 г. военное командование США в Индокитае официально объявило о своем «праве преследования противника» на территории Кампучии. Эта акция означала грубое нарушение элементарных норм международного права и новый виток в политике военного шантажа Кампучии. Борьба в защиту ее национального суверенитета вступила в новую, более напряженную фазу.

Возрастающее давление США являлось одним из главных источников политической напряженности внутри страны. В этом же направлении действовали и внутренние факторы, связанные с обострением социальных противоречий и ухудшением общей экономической обстановки в Кампучии.

В 1963—1965 гг. руководство Сангкума предприняло определенные попытки осуществления антифеодальных и антиимпериалистических преобразований на базе его программы развития смешанной экономики. Главные усилия при этом были направлены на расширение предпринимательской деятельности государства в сфере внешней торговли и банковской системы. До 1964 г. господствующие позиции в этой сфере занимали иностранные монополии, широко использовавшие в своих интересах деятельность местной торгово-посреднической буржуазии.

Отказ Кампучии от программы американской помощи (1963 г.) создавал объективные предпосылки для частичного перераспределения внешнеторговой и банковской прибыли в пользу национального сектора экономики, а внутри этого сектора — в пользу государства. Исходя из этой перспективы, правительство Кампучии приняло в ноябре 1963 г. решение о проведении реформы банковской и внешнеторговой систем. Эта реформа предусматривала запрещение с 1 января 1964 г. деятельности всех частных внешнеторговых фирм, а с 1 июля 1964 г.— частных коммерческих банков.

В результате проведения ноябрьской реформы 1963 г. в Кампучии прекратило свою деятельность большинство иностранных торговых компаний, в том числе и такие крупные французские компании, как «Дени-Фрер», «Дюмарест», «Ля Аврез». Были закрыты также иностранные коммерческие банки, включая три французских и два английских банка, финансировавших значительную часть внешнеторгового оборота страны.

Экспортно-импортные функции упраздненных иностранных компаний были переданы вновь созданной национальной торговой компании «Сосьете насиональ д'Экспортасьон э д'импортасьон» (сокращенно Сонэксим) с капиталом 240 млн. риелей,

из которых 60% приходилось на долю государства, а остальные 40% — на долю кампучийских коммерсантов. Кредитные функции иностранных банков были переданы государственному коммерческому банку «Инадана Джати».

Создание этого банка, а также Сонэксима не сопровождалось, однако, полным вытеснением иностранного капитала из сферы обращения. Не располагая достаточными ресурсами для финансирования внешнеторговых операций, правительство Кампучии разрешило продолжать работать нескольким иностранным торговым корпорациям. Самыми крупными из них были англо-голландская «Сосьете Шелл дю Камбодж», а также американские «Эссо-Стандард Истерн» и «Калтекс Эйша», контролировавшие импорт нефтепродуктов.

Что касается других секторов внешней торговли, то здесь к 1965 г. ключевые позиции заняла национальная полугосударственная корпорация Сонэксим.

В 1964—1965 гг. правительство страны предприняло шаги к расширению своего контроля над системой внутренней оптовой торговли. В этих целях в 1964 г. были созданы две государственно-частные торговые компании — Кхмерское общество по заготовке сельскохозяйственной продукции (сокращенно Сорапа) и Национальное общество по распределению импортных товаров (сокращенно Сонаприм). Главной задачей этих компаний являлась помощь Сонэксиму в организации закупок экспортного сырья непосредственно у товаропроизводителей (в том числе у кооперативных организаций), а также распределение импортных товаров по каналам государственной и кооперативной торговли.

Создание системы Сонэксим и его филиалов, происходившее в условиях отказа Кампучии от помощи США, лишало на первых порах предпринимательскую верхушку страны важных источников накопления, связанных с ее посредническими операциями в сфере внешней торговли.

Однако спустя уже два-три года после ноябрьской реформы 1963 г. местные торговцы, действуя вкупе с представителями бюрократического аппарата, нашли новые источники обогащения, связанные на этот раз с быстрым ростом контрабандной торговли. Так, в конце 60-х годов значительная часть экспортного риса и других видов продовольствия вывозилась из Кампучии нелегальным путем, минуя таможенную систему Сонэксим.

В орбиту контрабандной торговли и связанных с ней финансовых махинаций были втянуты представители коммерческой элиты страны, а также многие представители ее административного аппарата. При этом кхмерская бюрократия играла роль «двуликого Януса». Выступая в парламенте и печати, она предавала анафеме контрабандную торговлю, требуя решительных мер по ее пресечению. Но на практике многие должностные

лица Кампучии сами принимали активное участие в контрабандных операциях и других видах «подпольного бизнеса», которые осуществлялись обычно руками местных китайских торговцев, имевших широкую агентуру на черных рынках Бангкока, Сайгона, Сингапура и Гонконга. Развитие «подпольного бизнеса» во всех его формах (контрабанда, спекуляция иностранной валютой и т. п.) сопровождалось дальнейшим ростом коррупции, поразившей фактически все основные звенья административного, государственного и политического аппарата Кампучии.

Доходы государства от экспортно-импортных операций, осуществлявшиеся через механизм Сонэксима, неуклонно сокращались. Развитие этой тенденции происходило в условиях резкого сужения источников внешнего финансирования по каналам экономической помощи капиталистических государств, и прежде всего США, что вызвало быстрый рост дефицита государственного бюджета, который составил к 1966 г. примерно 30% расходной части. Погашение значительной части государственных расходов стало осуществляться в основном за счет дефицитного финансирования, что ускорило развитие инфляционных процессов[2], основная тяжесть которых ложилась на плечи малоимущих слоев населения.

Финансовые трудности государства свели до минимума возможность осуществления долгосрочных вложений в производительные отрасли хозяйства. В течение пяти лет (1965—1969) правительство вынуждено было откладывать начало реализации второго пятилетнего плана.

В 1968 г. руководство Сангкума взяло курс на смягчение инвестиционного режима для иностранного капитала и установление связей с международными банковскими монополиями[3].

60-е годы были отмечены дальнейшим углублением процесса классового расслоения деревни и пауперизации малоземельных слоев крестьянства.

Руководству Кампучии не удалось направить развитие сельской кооперации на рельсы производительного использования государственных кредитов. В 1964—1967 гг. правительство ликвидировало несколько сот снабженческо-сбытовых кооперативов, систематически не выполнявших своих долговых обязательств перед государством. Однако эта акция не сопровожда-

---

[2] В 1964—1967 гг. находящаяся в обращении денежная масса увеличилась примерно на 50%.

[3] В рамках «нового курса» экономической политики намечалось создание свободной зоны внешней торговли в районе морского порта Кампонгсаом. Юридический статус свободной зоны предусматривал отмену таможенных и других фискальных ограничений на деятельность иностранного капитала в районе порта. В январе 1969 г. был принят закон о вступлении Кампучии в Азиатский банк развития. В декабре того же года было подписано соглашение о ее вступлении в Международный валютный фонд.

лась установлением эффективного контроля над деятельностью ОРОК. В 1967—1968 гг. по каналам этой организации были предоставлены государственные займы на общую сумму 400 млн. риелей. Но, как и в предшествующие годы, основная масса кредитов попала в руки эксплуататорских элементов, деятельность которых была в значительной степени связана с докапиталистическими формами эксплуатации крестьян. Многие кооперативы продолжали оставаться нерентабельными. Только за 1967—1968 гг. их непогашенные кредиты составили 70 млн. риелей.

К концу 60-х годов стало очевидным, что система ОРОК оказалась неспособной решить задачи, связанные с ограничением и вытеснением из деревни торгово-посреднического и ростовщического капитала, в тисках которого продолжала находиться большая часть крестьянских хозяйств страны. В целом вторая половина 60-х годов характеризовалась серьезным провалом экономической и социальной политики Сианука. Это обстоятельство вызвало нарастающий «кризис доверия» к лозунгам и программе «буддийского социализма», ускорив тем самым процесс размежевания политических сил в стране.

Новым важным фактором развития этой тенденции явился рост оппозиционных настроений у консервативно настроенной части командного состава кампучийской армии, группировавшейся вокруг генерала Лон Нола и его ближайшего окружения. Длительное время офицерский корпус Кампучии выступал в роли послушного исполнителя директив королевского правительства. В середине 50-х годов верхушка армии, действуя по распоряжению Сианука, руководила военно-полицейскими операциями по массовому переселению крестьян из районов, находившихся ранее под контролем Кхмер Иссарак. В 1959 г. армейские подразделения подавили попытку военного переворота в пров. Сиемреап, который подготовлялся агентурой блока СЕАТО внутри страны. Но активное сотрудничество верхушки армии с руководством Сангкума пошло на убыль с начала 60-х годов, когда среди офицеров стало расти недовольство его внутренней и особенно внешней политикой. Следует подчеркнуть, что в психологии представителей армейской верхушки Кампучии преобладали элементы правого национализма, носившего ярко выраженную антикоммунистическую окраску. Мероприятия Сианука по расширению политических контактов страны с НФО Южного Вьетнама и ДРВ вызвали негативную реакцию высших чинов армии. Особое недовольство армейской элиты вызвало решение правительства Кампучии отказаться от программы американской помощи, поскольку отказ сопровождался значительным сокращением источников финансирования военного бюджета.

С середины 60-х годов верхушка армии выходит на политическую арену Кампучии в качестве активной силы правой

оппозиции. Сдвиги в этой области положили начало процессу постепенного ограничения верховной власти Сианука. Уже в начале 1966 г. Сианук вынужден был отказаться от своего «традиционного права» персонального назначения кандидатов Сангкума для их баллотировки на парламентских выборах. Уступка Сианука в этом вопросе имела далеко идущие последствия. Новая процедура выдвижения кандидатов Сангкума «по свободному списку» принесла победу правым силам на выборах 1966 г., когда они получили большинство мест в Национальном собрании и сформировали «свое» правительство во главе с Лон Нолом.

Результаты выборов 1966 г. означали первую серьезную трещину в режиме личной власти Сианука, который в решении ряда политических вопросов вынужден был действовать теперь с оглядкой на правое большинство Национального собрания, за спиной которого стояли высшие чины армии.

Тем не менее Сианук сохранил еще широкие прерогативы власти, оставаясь председателем Сангкума и главой государства, под контролем которого продолжал находиться институт национальных конгрессов — важный инструмент его политики балансирования и борьбы «на два фронта» (против правой оппозиции, с одной стороны, и левых сил — с другой).

Однако сфера центристской политики Сианука и его сторонников неуклонно сокращалась по мере обострения социальных и политических противоречий в стране. Развитие этой тенденции резко ускорилось в результате событий, связанных с волнениями крестьян в районе Самлот, в пров. Баттамбанг (март 1967 г.). Главной причиной этих волнений явились произвол местных властей и усиление эксплуатации крестьян со стороны торгово-ростовщических элементов.

По приказу Лон Нола в пров. Баттамбанг были брошены войска. В ходе карательных операций было убито несколько сот крестьян. Около 4 тыс. местных жителей бежало в джунгли, и вооруженные столкновения с войсками и полицией продолжались.

В апреле 1967 г. Сианук попытался преодолеть нарастающий политический кризис. В мае 1967 г. он санкционировал отставку правительства Лон Нола, назначив премьер-министром своего сторонника — Сон Санна. Одновременно были предприняты шаги к нормализации обстановки в пров. Баттамбанг. Войскам был отдан приказ оцепить «повстанческий район», но при этом им было запрещено продолжать карательные операции. Сианук заявил, что причины «беспорядков» в пров. Баттамбанг носят чисто внутренний характер и ответственность за них лежит на местной администрации. Он сместил губернатора этой провинции и некоторых чиновников, обещав одновременно провести некоторые реформы в интересах населения этой провинции. В июне 1967 г. была объявлена амнистия участникам

крестьянских выступлений, часть жителей Самлот вернулась из джунглей в свои дома.

Осенью 1967 г. Сианук закрыл все оппозиционные органы печати и выступил с нападками на «красных экстремистов», к числу которых он относил всех представителей левых и либерально настроенных кругов Кампучии. События конца 1967 — начала 1968 г. свидетельствовали о том, что в условиях нарастающего политического кризиса Сианук пошел на поводу правых сил, использовавших его авторитет главы государства для подавления демократического движения. Весной 1968 г. в Пномпене и других городах были проведены аресты большого числа лиц, заподозренных в антиправительственной пропаганде Одновременно регулярные войска начали «прочесывание» сельской местности в целях устрашения населения и ликвидации опорных баз левой оппозиции, в рядах которой объединялись представители различных направлений демократического и антиимпериалистического движения Кампучии.

В апреле 1967 г. многие представители левой оппозиции Сангкума были объявлены Лон Нолом «вне закона», что вынудило их перейти на нелегальное положение и направиться в горные, лесные районы страны, где находилось несколько опорных баз компартии Кампучии (так с сентября 1960 г. по май 1981 г. называлась НРПК).

До 1968 г. левая оппозиция ограничивалась преимущественно политическими формами борьбы, острие которых было направлено против проамерикански настроенных группировок, возглавляемых Лон Нолом, Сирик Матаком и их сторонниками.

Но с 1968 г. положение в этой области стало меняться. Переход правых сил к политике прямого военного подавления демократического движения дал толчок развитию вооруженных форм сопротивления, росту повстанческого движения, социальную базу которого представляли пауперизированные слои крестьянства.

Уже в первой половине 1968 г. в различных провинциях страны были отмечены вооруженные столкновения полиции и армейских подразделений с отрядами повстанцев. Активное сопротивление правительственные войска встретили в пров. Ратанакири на северо-востоке страны, где летом 1968 г. подняли восстание горные племена брао. Непосредственной причиной этого восстания являлись мероприятия правительства по «отчуждению» общинных земель племени брао в пользу кхмерских переселенцев.

Группа «Прачеачун» и левое крыло Сангкума являлись легальными представителями компартии Кампучии, развитие которой носило весьма сложный и противоречивый характер, что во многом отрицательно сказалось на политической обстановке в стране. Период 60-х годов отмечен в истории компартии Кам-

пучии активизацией в рядах этой партии деятельности пропекинской группировки Пол Пота — Иенг Сари.

В 1959 г. Пол Поту и его группе удалось навязать партии дискуссию по важнейшим вопросам тактики. Какая форма борьбы партии должна преобладать в условиях восстановления государственного суверенитета Кампучии — вооруженная или политическая? Какие позиции партия должна занимать в отношении руководства Сангкума — поддерживать это руководство, учитывая антиимпериалистический характер его внешней политики, или вести борьбу против правительства Сианука, требуя отстранения его от власти? Какие позиции партия должна занимать в отношении единого фронта патриотических сил Индокитая — оставаться в его рядах или вести борьбу обособленно под флагом так называемых независимости и самостоятельности партии?

На все эти ключевые вопросы тактики партии Пол Пот давал однозначный ответ: только вооруженные формы борьбы; никакой поддержки руководству Сангкума; никаких совместных форм борьбы с антиимпериалистическими силами Вьетнама и Лаоса; партия должна проводить «самостоятельный, особый курс» по основным вопросам теории, тактики и стратегии международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения.

В начале 60-х годов деятельность партии стала перестраиваться на левоэкстремистский лад. Руководство компартии Кампучии оказывается все более тесно связанным с Пекином. Однако до поры до времени представители группы Пол Пота — Иенг Сари скрывали свои взгляды и намерения, маскируя свою ненависть к вьетнамским коммунистам и странам социалистического содружества.

Между тем узел социальных и политических противоречий в стране затягивался все туже. Начиная с 1968 г. официальная пресса Кампучии почти ежедневно сообщала о новых вооруженных столкновениях с повстанцами, которые в то время действовали на территории 12 провинций.

В 1969 г. обнаружилась полная несостоятельность расчетов Сианука, связанных с оздоровлением национальной экономики на базе политики «открытых дверей» в отношении иностранного капитала. Международные банковские монополии явно уклонялись от предоставления Кампучии крупных займов. К середине 1969 г. дефицит государственного бюджета достиг рекордной цифры — 1,5 млрд. риелей, что поставило правительство на грань финансового банкротства.

Углубление финансового кризиса сопровождалось резкой активизацией сил внутренней реакции, выступавших с требованием возобновления программы американской помощи при одновременном изменении внешней политики этой страны в сторону ее сближения с США.

Пытаясь оказать противодействие нажиму правых сил и удержать в своих руках рычаги управления, Сианук решил апеллировать к общественному мнению страны, используя в этих целях трибуну Национального конгресса, который в течение 14 лет служил безотказным инструментом центристской политики руководства Сангкума. Однако состоявшаяся в июле—августе 1969 г. очередная сессия Национального конгресса показала, что Сианук утратил безраздельный контроль над деятельностью руководящих органов Сангкума, где к этому времени сложилось несколько группировок правой оппозиции. В результате дебатов, развернувшихся на конгрессе, была принята резолюция, выражавшая вотум доверия Сиануку как главе государства, но только при условии немедленного сформирования нового правительства, способного обеспечить быстрое преодоление возникших экономических и политических трудностей. В конкретной обстановке 1969 г. эта компромиссная резолюция расчищала путь к власти силам внутренней реакции.

В августе 1969 г. Сианук вынужден был дать согласие на сформирование нового правительства — «правительства спасения» во главе с деятелями крайне правой ориентации — Лон Нолом и Сирик Матаком.

Одним из первых шагов этого правительства явилась денационализация государственного сектора хозяйства. Ликвидация государственного сектора экономики и одновременное усиление военных операций против повстанческого движения свидетельствовали о том, что в области внутренней политики правые силы заняли командные позиции.

Во второй половине 1969 г. центр тяжести борьбы в правящих кругах Кампучии переместился в сферу внешней политики. Одним из стержневых вопросов этой борьбы являлась проблема взаимоотношений Кампучии с патриотическими силами Вьетнама.

Следует подчеркнуть, что обострение внутренней обстановки вызвало в 1968 г. определенные изменения в политике, которую кампучийское правительство проводило в отношении НФО Южного Вьетнама и ДРВ. Напуганный развитием повстанческого движения, Сианук выступил в конце 1968 — начале 1969 г. с рядом заявлений, в которых он выдвинул надуманный тезис о том, что левые силы Кампучии действуют «по указке из-за рубежа» и что НФО Южного Вьетнама оказывает прямую военную помощь представителям левой оппозиции.

Выступив с нападками на патриотические силы Вьетнама, Сианук выпустил «джина из бутылки». Его обвинения в адрес НФО Южного Вьетнама и ДРВ были подхвачены правыми силами и использованы для организации в стране широкой антикоммунистической кампании. В этом же направлении действовала и американская дипломатия.

Стремясь «вбить клин» между Кампучией, НФО и прави-

тельством ДРВ, с одной стороны, и приглушить в этой стране антиимпериалистические настроения — с другой, США предприняли шаги к нормализации отношений с Кампучией. В апреле 1969 г. Вашингтон официально заявил о «признании и уважении суверенитета, независимости и территориальной целостности Камбоджи». Спустя три месяца были восстановлены дипломатические отношения между Кампучией и Соединенными Штатами.

Сдвиги в этой области были использованы внутренней реакцией для нагнетания в Кампучии антивьетнамской кампании. Эта кампания не встретила серьезного сопротивления со стороны Сианука. Отказ последнего от сотрудничества с левыми, демократическими силами внутри страны, а также провал его программы «буддийского социализма» завели Сианука в тупик политической изоляции. В этих условиях он не мог уже активно противодействовать давлению внутренней реакции. Это давление резко усилилось после назначения Лон Нола (август 1969 г.) главой правительства, что ознаменовало завершающий этап перехода власти в руки правых сил.

Раздел IV

КАМПУЧИЯ В 1970—1980 гг.

Глава 1

БОРЬБА КАМПУЧИЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ЛОННОЛОВСКОГО РЕЖИМА

В 1970 г. в истории Кампучии наступил новый этап.

К этому времени правые силы страны, пользовавшиеся поддержкой со стороны империалистических кругов США, настолько усилили свои позиции, что решились на открытый захват власти. Этому в значительной степени способствовало отсутствие в Кампучии Сианука.

Подготовку к государственному перевороту реакционеры начали с развертывания антивьетнамской кампании. 11 марта 1970 г. они организовали в Пномпене антивьетнамские демонстрации, участники которых ворвались в посольства ДРВ и Республики Южный Вьетнам и разгромили их. В городе начались погромы.

Используя эти спровоцированные антивьетнамские выступления как предлог, организаторы заговора стянули в столицу верные им войска якобы «для наведения порядка». Усиленные наряды войск и полиции были размещены вокруг зданий правительственных учреждений. Был закрыт столичный аэродром Почентонг. Из правительства и министерств были удалены прогрессивные элементы. В целом была проведена тщательно продуманная и заранее запланированная операция. 18 марта 1970 г. Королевский совет и Национальное собрание под давлением военных и правых деятелей во главе с генералом Лон Нолом и принцем Сирик Матаком заявили об отстранении Сианука от власти.

Органы информации многих стран указывали на причастность к этим событиям в Пномпене Центрального разведывательного управления США.

С исключительной поспешностью — уже 19 марта государственный департамент США заявил о признании новых властей в Пномпене во главе с Лон Нолом и Сирик Матаком, а 30 марта представитель Белого дома по вопросам печати заявил, что американскому командованию в Южном Вьетнаме предоставле-

но право «санкционировать вторжение американских войск на территорию Лаоса или Камбоджи в случае военной необходимости». 16 апреля 1970 г. новые кампучийские власти обратились к США с просьбой о предоставлении им «военной помощи» в виде поставок оружия и различного снаряжения. Уже через два дня после этого в Кампучию из Южного Вьетнама начали прибывать американские транспортные самолеты с оружием и снаряжением на борту (официально об этих поставках в Вашингтоне было объявлено только 6 мая). Одновременно стали учащаться случаи начавшихся еще в марте вторжений сайгонских частей на кампучийскую территорию для оказания прямой военной поддержки войскам нового режима.

Не остался в стороне и агрессивный военный блок СЕАТО. В начале апреля 1970 г. в Багио на Филиппинах было в экстренном порядке созвано совещание военных советников блока, на котором обсуждалось, в частности, положение в Кампучии. Генеральный секретарь этого блока Хесус Варгас заявил, что СЕАТО рассмотрит любую просьбу нового правительства Кампучии о помощи.

Все это было справедливо расценено во всем мире как подготовка к прямой вооруженной интервенции США в Кампучию. И действительно, 30 апреля 1970 г. американо-сайгонские вооруженные силы вторглись на ее территорию. К концу мая численность войск интервентов уже превышала 80 тыс. человек, а их карательные операции распространились на десять провинций страны. Одновременно американский флот блокировал побережье Кампучии.

Характерно, что, принимая решение о направлении в Кампучию американских войск, в Вашингтоне даже не поставили в известность главу пномпеньского режима Лон Нола — о вторжении он узнал только тогда, когда американо-сайгонские войска уже находились на кампучийской территории.

Свое решение отдать приказ о военном вторжении в Кампучию президент США Р. Никсон в выступлении по радио и телевидению 30 апреля мотивировал тем, что оно будто бы было необходимо для спасения жизни американских солдат, находящихся в Южном Вьетнаме, а также вызвано стремлением Вашингтона «приблизить окончание войны» на Индокитайском п-ове. Эти «доводы» Никсона были разоблачены в Заявлении Советского правительства от 4 мая 1970 г.: «Это более чем странная логика,— говорилось в Заявлении.— Агрессор, вторгнувшись сначала на территорию одной страны, заявляет, что жизни его солдат, то есть иностранных интервентов, кто-то угрожает, и это, с точки зрения агрессора, достаточный предлог для того, чтобы вторгнуться на территорию еще одной страны, соседней с первой. При этом для США уже перестают иметь какое-либо значение границы и суверенитет государств, неприкосновенность их территорий. Но такая политика является гру-

бейшим произволом в международных делах и должна быть решительно осуждена». «Еще более далекими от истины,— отмечалось далее в Заявлении,— выглядят утверждения о том, что перенесение военных действий на территорию Камбоджи приблизит окончание войны во Вьетнаме. Получается так, что расширение театра военных действий в Индокитае не увеличивает масштабы войны, а чуть ли не сокращает их».

Таким образом, Кампучия, так же как ранее Вьетнам и Лаос, превратилась в арену войны. Причиной этой войны было стремление империалистических кругов США и их ставленников в Пномпене столкнуть Кампучию с пути независимости и нейтралитета, превратить ее в американского сателлита, сделать базой для борьбы с национально-освободительным движением в Индокитае.

Распространение американской агрессии на Кампучию вызвало массовые протесты во всем мире. Во многих странах прошли митинги и демонстрации против вторжения американо-сайгонских войск в Кампучию. Даже некоторые союзники США предпочли откреститься от действий Вашингтона в этой стране. Волна протестов захлестнула и США.

Под давлением общественности американское правительство было вынуждено к 1 июля 1970 г. вывести свои войска из Кампучии. Однако в стране еще долго оставались солдаты сайгонского марионеточного режима, а американская авиация вплоть до 16 августа 1973 г. наносила массированные бомбовые удары по мирным городам и селам Кампучии. За это время, по американским данным, самолеты США сбросили на кампучийскую территорию 500 тыс. т бомб. Американское правительство взяло целиком на свое содержание лонноловский режим. Всего, по американским данным, США за пять лет предоставили лонноловскому режиму помощь в 1,75 млрд. долл. Американская помощь дала возможность лонноловскому режиму увеличить армию с 30 тыс. до 200 тыс., оснастить ее современным американским оружием, снабдить огромным количеством боеприпасов.

Стремясь укрепить свое положение, лонноловский режим принял целый ряд мер. В Пномпене были созданы три партии: социал-республиканская, демократическая и республиканская; лидером первой стал Лон Нол. 9 октября 1970 г. режим провозгласил Кампучию «Кхмерской Республикой». В марте 1972 г. глава пномпеньского режима Лон Нол распустил Национальное собрание и правительство и объявил себя президентом республики. 30 апреля 1972 г. в Пномпене был организован референдум для одобрения новой конституции, 4 июня были проведены выборы президента, 3 сентября — выборы членов Национального собрания, а 17 сентября — выборы членов сената. Президентом был избран Лон Нол, а все места в Национальном собрании и сенате получила социал-республиканская партия.

В апреле 1973 г. в Пномпене был создан Высший политический совет во главе с Лон Нолом, а в мае — «чрезвычайное правительство». В конце марта 1974 г. Высший политический совет был распущен и вместо него создан Исполнительный совет во главе с Лон Нолом.

Но все эти маневры и перестановки в недрах лонноловского режима не изменили его антинародного, военно-диктаторского характера. Этот режим целиком зависел от воли американского правительства. Всеми делами в Пномпене руководили американские «советники» и «эксперты». Они не только занимались вооружением и обучением пномпеньской армии, руководили военными операциями, но и фактически определяли всю внешнюю и внутреннюю политику режима Лон Нола. Дело доходило до того, что, как сообщал в газете «Вашингтон пост» в январе 1972 г. американский обозреватель Дж. Андерсон, Вашингтон готовил тексты писем Лон Нола главам правительств других стран с просьбой о предоставлении финансовой помощи пномпеньскому режиму.

Осуществленный реакционными силами переворот в Пномпене имел независимо от воли его организаторов и определенные положительные последствия. Он дал возможность сплотить воедино различные круги, выступавшие против американских империалистов и их кампучийских союзников, и вдохнуть новые силы в революционное движение Кампучии.

23 марта 1970 г. Сианук в своем заявлении, сделанном в Пекине, охарактеризовал совершенный правыми деятелями под руководством Лон Нола — Сирик Матака государственный переворот как незаконный и неконституционный и объявил о роспуске находившихся в Пномпене правительства и парламента. Одновременно он заявил о намерении создать Национальный единый фронт Кампучии и национально-освободительную армию.

Вначале руководители компартии Кампучии выступили против Сианука, однако затем, по совету Партии трудящихся Вьетнама, они поддержали его. 23 апреля 1970 г. группа «Прачеачун» выступила в поддержку предложений Сианука.

3—4 мая 1970 г. состоялся Национальный конгресс Кампучии, конституировавший создание Национального единого фронта Кампучии (НЕФК). Конгресс избрал ЦК НЕФК и Политбюро ЦК НЕФК и создал Королевское правительство национального единства Кампучии (КПНЕК).

В одобренной на Конгрессе политической программе НЕФК провозгласил своей целью достижение широчайшего национального единства для борьбы против агрессивных действий американских империалистов, для свержения пномпеньского диктаторского режима, для защиты независимости, мира, нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности страны в ее нынешних границах, для создания народной, свободной и де-

мократической власти, идущей к построению процветающей Кампучии в соответствии с сокровенным желанием кампучийского народа.

Созданные Фронтом Народные вооруженные силы национального освобождения Кампучии, которые находились под руководством коммунистов, вскоре стали наносить удары по пномпеньским войскам. Они объединили регулярные войска, ополчение и партизан.

На помощь кампучийским патриотам, как и ранее — в период борьбы против французских колонизаторов, пришел вьетнамский народ. По просьбе кампучийских патриотов полки и соединения Народных вооруженных сил национального освобождения за короткий срок были оснащены военной техникой и обмундированием, присланными из ДРВ. В 1971 г. по просьбе кампучийской стороны вьетнамские войска вновь вступили на территорию Кампучии и оказали помощь кампучийским патриотам, сорвав операцию «Ченла-2», проводившуюся армией Лон Нола. Затем соединения Вьетнамской народной армии (ВНА) полностью освободили многие провинции Кампучии, которые были переданы под контроль НЕФК, что позволило ему упрочить свою власть и укрепить вооруженные силы.

К 1975 г. вооруженные силы НЕФК при помощи и поддержке частей ВНА освободили 90% территории Кампучии.

Американцы попытались спасти лонноловский режим путем организации так называемого воздушного моста между аэродромом Почентонг и американскими военными базами в Южном Вьетнаме и Таиланде. По этому «воздушному мосту» в Пномпень доставлялись боеприпасы, горючее, рис. Но крах лонноловского режима был неизбежен. Его не могли уже спасти ни «воздушный мост», ни лицемерные заявления пномпеньских властей об их стремлении к прекращению войны, к достижению национального согласия.

1 апреля 1975 г. Пномпень покинул глава режима — Лон Нол; вместе с ним из Пномпеня бежали более 30 высокопоставленных генералов и чиновников. Все они проследовали на американскую базу Утапао в Таиланде, а оттуда через Индонезию на Гавайские острова.

В тот же день вечером патриоты овладели важным стратегическим пунктом — г. Неаклуонгом, находящимся в 50 км от Пномпеня. Это был последний опорный пункт пномпеньского режима на р. Меконг.

Понимая обреченность лонноловского режима в Пномпене, американцы предприняли попытку повлиять на ход событий в Кампучии дипломатическими средствами. Руководитель группы связи США в Пекине в официальной ноте на имя принца Сианука предложил ему немедленно отправиться в Пномпень, чтобы взять власть в свои руки и добиться от сил национального освобождения прекращения огня. Но и эта попытка американ-

цев потерпела провал: Сианук в ответной ноте отклонил американское предложение.

Лонноловский режим не пользовался авторитетом не только в самой Кампучии, но и в других странах, включая США. Недовольство американской общественности этим режимом нашло свое отражение в ряде акций конгресса США — в запрещении финансирования каких-либо военных операций в Кампучии после 15 августа 1973 г., в сокращении военной помощи этому режиму в 1974/75 г., в отказе предоставить ему в 1975 г. дополнительную помощь.

11—12 апреля 1975 г. по рекомендации американского посла на 36 вертолетах, охраняемых 350 морскими пехотинцами США, из Пномпеня были вывезены остававшиеся здесь американские граждане (всего 82 человека). Эта операция под кодовым названием «Игл пул» была красочно описана ее очевидцем — корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс»: «...После того как Америка в течение пяти лет помогала феодальному правительству, которое она презирала, и вела войну, о которой было известно, что она безнадежна, Соединенным Штатам нечего показать миру, кроме грустной картины эвакуации с послом, выносящим в одной руке американский флаг, а в другой — свой гигантский чемодан... Но есть миллион убитых и раненых камбоджийцев (седьмая часть населения), есть сотни тысяч беженцев, которые живут в лачугах, есть опустошенная страна, дети, умирающие от голода, и плотники, наловчившиеся сколачивать гробы из ящиков, в которых транспортировались боеприпасы».

Так бесславно кончилось для американцев их вмешательство в дела Кампучии.

Комментируя выезд американского персонала из Пномпеня, вьетнамская газета «Нян зан» писала: «Вывод администрацией Форда всех дипломатов, всего военного и гражданского персонала США из Пномпеня означает признание Вашингтоном полного поражения американского империализма в его политике агрессии, политике вмешательства в дела Камбоджи, продлившегося пять лет». «Суть этой политики,— отмечала далее газета,— реакционный переворот, направленный против законного правительства, отправка американских войск для ведения агрессии, использование контрреволюционных сил против патриотических сил».

После того как американцы покинули Пномпень, разброд, разложение и паника охватили остатки лонноловского режима. Одновременно с отъездом американцев в столицу перестали поступать американские поставки риса, горючего и боеприпасов. Лонноловское «правительство» и политические партии прекратили свою деятельность.

14 апреля патриоты овладели столичным аэродромом, а 17 апреля 1975 г. части освободительной армии вошли в Пном-

пень[1]. Лонноловские войска были деморализованы, участились случаи перехода на сторону патриотических сил, режим капитулировал. Вслед за Пномпенем были освобождены и другие города Кампучии. Так закончилась сокрушительным поражением лонноловского режима, поддерживаемого империалистическими силами США, и полной победой патриотических сил борьба, которая длилась пять лет и один месяц.

В результате военных действий и американских бомбардировок более 1 млн. кампучийцев погибли, получили ранения или стали инвалидами. За годы войны Кампучия из цветущей страны превратилась в полуразрушенный край. В районах, которые контролировались лонноловским режимом, производство сельскохозяйственной продукции составляло только четверть, а промышленной — только восьмую часть довоенного производства. Было разрушено четыре пятых предприятий, уничтожено две трети каучуковых плантаций, более чем на три четверти выведены из строя шоссейные и железные дороги, значительно пострадали порты и пристани. Баснословных размеров достигли цены на товары первой необходимости, население страдало от инфляции, безработицы. Процветала коррупция.

Своими победами над американо-сайгонскими агрессорами и проамериканским реакционным лонноловским режимом кампучийский народ был обязан в первую очередь участию в освободительной борьбе коммунистов и других истинных патриотов Кампучии, тысячи которых погибли в боях за свободу и независимость Родины. Именно благодаря деятельности коммунистов Национальный единый фронт стал широкой массовой организацией.

В НЕФК открыто вошла группа «Прачеачун». Во Фронт также вошли массовые общественные организации, союзы рабочих, крестьян, женщин, молодежи, писателей, интеллигенции и др. Наряду с этим к НЕФК присоединились многие сторонники королевской семьи и буддийские монахи. Такой характер НЕФК обеспечил ему поддержку самых различных слоев кампучийского населения; их объединило стремление восстановить суверенитет, независимость и территориальную целостность страны, создать демократическую Кампучию, как отмечалось в политической программе НЕФК.

В июле 1973 г. состоялся первый, а 24—25 февраля 1975 г. второй Национальный конгресс патриотических сил Кампучии. Участники конгрессов наметили конкретные цели борьбы за национальное возрождение, подлинную независимость, мир и нейтралитет страны.

Большое значение для победы кампучийского народа имели помощь и поддержка вьетнамского народа, а также единство и

---

[1] 17 апреля объявлено Национальным днем Кампучии.

боевая солидарность народов трех стран Индокитая — Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Уже 25 марта 1970 г. правительство ДРВ выступило со специальным заявлением, в котором отмечалось, что, пытаясь затянуть войну в Южном Вьетнаме путем «вьетнамизации» и осуществляя эскалацию войны в Лаосе, правящие круги США в то же время расширили вмешательство в дела Кампучии, стремясь превратить ее в колонию нового типа и создать систему военных баз, простирающихся от Южного Вьетнама до Таиланда, включая Кампучию и Лаос. В заявлении особо подчеркивалось, что правительство ДРВ подтверждает свою непоколебимую поддержку политики независимости, мира и нейтралитета Кампучии, солидарности и дружбы с другими народами Индокитая, борющимися против американских империалистических агрессоров.

С заявлениями в поддержку справедливой борьбы народа Кампучии против империалистов США, в защиту своих национальных прав выступили также Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам и ЦК Патриотического фронта Лаоса.

24—25 апреля 1970 г. состоялась конференция народов Индокитая. Участники конференции призвали народы трех стран Индокитая укреплять солидарность и вести борьбу против американских империалистов и их приспешников в защиту своих национальных прав, с тем чтобы Индокитай действительно стал районом независимости и мира в соответствии с чаяниями народов трех стран и интересами мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире.

Отметив, что освобождение и защита каждой страны являются делом народа этой страны, принимавшие участие в конференции стороны обязались оказывать друг другу всемерную поддержку в соответствии с просьбами каждой страны и на основе взаимного уважения. Особое внимание конференция уделила положению в Кампучии. Участники конференции поддержали мужественную борьбу кхмерского народа против американских империалистов и их приспешников. Решения конференции явились прочной основой для боевого сотрудничества народов индокитайских стран в борьбе за свободу и независимость. Они стали юридической основой для координации усилий трех стран Индокитая в войне сопротивления против американских агрессоров.

То, что полное освобождение Кампучии практически совпало по времени с полным освобождением Южного Вьетнама и с победой прогрессивных сил над силами реакции в Лаосе,— явление не случайное. Народы Вьетнама, Кампучии и Лаоса тесно связаны своей многолетней борьбой за свободу, независимость и социальный прогресс. В полной мере воспользоваться плодами этой борьбы вьетнамский, кампучийский и лаосский

народы могут, помогая друг другу и взаимно обогащая друг друга своим опытом, своими успехами и достижениями.

Борьбу кампучийского народа за свободу, независимость, территориальную целостность и социальный прогресс всегда поддерживал Советский Союз. Свои отношения с Кампучией СССР всегда строил на основе принципов мирного сосуществования, равноправия, невмешательства во внутренние дела, на основе взаимопонимания.

25 апреля 1970 г. было опубликовано Заявление ТАСС, в котором решительно осуждались преступные действия пномпеньских военных властей против лиц вьетнамской национальности, проживающих на территории страны. В Заявлении ТАСС от 1 мая 1970 г. ввод в Кампучию американских войск квалифицировался как агрессивный акт, направленный на распространение Вашингтоном военных действий на весь Индокитайский п-ов, как попытка столкнуть Кампучию с пути мира и нейтралитета. Действия США, отмечалось в Заявлении, ведут к дальнейшему осложнению обстановки в Индокитае и всей Юго-Восточной Азии и вызывают законную тревогу.

4 мая 1970 г. было оглашено Заявление Советского правительства, в котором содержалось резкое осуждение посылки американских войск на территорию Кампучии.

В Советском Союзе приветствовали образование Национального единого фронта Кампучии, укрепление единого антиимпериалистического фронта народов Индокитая, а также меры, принятые для организации борьбы патриотических сил Кампучии против американской агрессии.

24 мая 1970 г. по поручению Советского правительства посол СССР в Кампучии сделал пномпеньским властям заявление, в котором говорилось, что вторжение американских и сайгонских войск в Кампучию является грубым нарушением Женевских соглашений 1954 г. по Индокитаю и общепризнанных норм международного права. В заявлении также отмечалось, что действительным и долгосрочным интересам Кампучии отвечают проводившаяся до 18 марта 1970 г. миролюбивая, нейтралистская политика, ее борьба за мир, против империалистической агрессии. Вскоре советский посол выехал из Пномпеня.

Распространение военных действий США на Кампучию подверглось решительному осуждению и в Заявлении Верховного Совета СССР от 15 июля 1970 г.

В поддержку патриотов Кампучии высказался XXIV съезд КПСС. В принятом на съезде 8 апреля 1971 г. Обращении подчеркивалось, что конструктивной основой для решения кампучийской проблемы являются предложения Национального единого фронта Кампучии, и заявлялось, что Советский Союз выступал и впредь будет выступать на стороне освободительного движения в Кампучии.

Высказывания в поддержку кампучийских патриотов содер-

жались и в ряде других документов КПСС, Верховного Совета и правительства СССР, а также в выступлениях советских руководителей.

В советской печати были опубликованы программа Национального единого фронта Кампучии и ряд статей в ее поддержку. В Советском Союзе рассматривали НЕФК и созданное им Королевское правительство национального единства как подлинных руководителей кампучийского народа, возглавивших его борьбу за свободу и независимость. В ООН советская делегация неизменно выступала за признание КПНЕК в качестве единственного законного представителя Кампучии. В советских государственных и общественных организациях принимали руководителей НЕФК и КПНЕК, посещавших СССР. И после государственного переворота в Пномпене в Москве продолжало действовать посольство Кампучии, поставленное под эгиду НЕФК.

Борьбу кампучийских патриотов против американо-сайгонских агрессоров и проамериканского марионеточного лонноловского режима советские люди рассматривали как важную составную часть общей борьбы народов Индокитая против империалистического вмешательства в их внутренние дела, за право самим решать свою судьбу.

В поддержку справедливого дела кампучийских патриотов активно выступали советские общественные организации, печать, радио, телевидение. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других городах СССР регулярно проводились недели солидарности с борьбой кампучийских патриотов.

В приветствии советских руководителей по поводу освобождения Пномпеня говорилось: «Верный принципам интернационализма и солидарности с народами, борющимися за свое национальное освобождение, Советский Союз всегда поддерживал камбоджийских патриотов, Национальный единый фронт и Королевское правительство национального единства Камбоджи. Советский Союз будет и впредь развивать традиционные отношения дружбы и плодотворного сотрудничества между нашими странами, оказывать камбоджийскому народу поддержку в его усилиях, направленных на строительство мирной, независимой, нейтральной, демократической и процветающей Камбоджи».

Руководствуясь своей неизменной политикой поддержки Национального единого фронта и Королевского правительства национального единства Кампучии, Советское правительство в апреле 1975 г. приняло решение оказать кампучийским патриотам материальную помощь.

Мощно прозвучал голос поддержки кампучийских патриотов на XXV съезде КПСС.

На стороне патриотов Кампучии неизменно выступали и другие страны социалистического содружества. Суровым осуждением агрессии США против Кампучии было Заявление глав

правительств восьми социалистических стран от 14 мая 1970 г. Выработанная НЕФК программа борьбы против американской агрессии и защиты независимости Кампучии оценивалась в Заявлении, как конструктивная и разумная основа урегулирования кампучийской проблемы. О поддержке патриотических сил Кампучии говорилось также в «Заявлении в связи с продолжением агрессии США», принятом 26 января 1972 г. в Праге на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

В поддержку справедливой борьбы кампучийского народа неоднократно выступали представители коммунистических партий капиталистических стран. Такое выступление содержалось, в частности, в Обращении к народам западноевропейских стран, принятом 15 мая 1970 г. на совещании представителей коммунистических партий капиталистических стран Европы в Париже.

В поддержку НЕФК и КПНЕК выступили участники движения неприсоединения. Состоявшаяся в сентябре 1973 г. в Алжире IV конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран заявила, что единственным законным правительством Кампучии является КПНЕК, и призвала все страны признать его.

Проходившая в августе 1976 г. в Коломбо V конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран приветствовала победу, одержанную кампучийским народом 17 апреля 1975 г. в борьбе против агрессии американских империалистов.

В поддержку борьбы кампучийского народа против американского вмешательства и агрессии выступали широкие круги международной общественности. На состоявшейся 4—6 апреля 1970 г. в Москве сессии Президиума Всемирного Совета Мира, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, была принята резолюция по Вьетнаму и Индокитаю, в которой, в частности, выражалась поддержка народам Вьетнама, Лаоса и Кампучии, ставшим жертвами агрессии США, и содержалось требование о прекращении американского вмешательства в Кампучии.

В яркое свидетельство поддержки демократической общественностью всего мира справедливого дела патриотов Кампучии вылилась состоявшаяся 8—9 декабря 1973 г. в Париже международная конференция солидарности с кампучийским народом, в работе которой приняли участие 300 делегатов от 53 стран и представители международных и национальных общественных организаций.

Участники Всемирного конгресса миролюбивых сил, состоявшегося в Москве 25—31 октября 1973 г., в работе которого приняла участие и делегация НЕФК и КПНЕК, осудили деятельность США и их пномпеньских прислужников в Кампучии и высказались в поддержку позиции кампучийских патриотов.

Но с «потерей» Кампучии не смирились реакционные империалистические круги. 12 мая 1975 г. американское судно «Майагез», занимавшееся шпионажем в территориальных водах Кампучии, было задержано ее катерами. Через два дня, 14 мая, это судно и его экипаж были освобождены. Но уже после того, как члены экипажа «Майагез» были возвращены, американские самолеты подвергли ожесточенной бомбардировке кампучийские корабли, находившиеся у побережья Кампучии, а также аэропорт, нефтеперерабатывающий завод и другие сооружения в порту Кампонгсаом на кампучийском побережье, а американская морская пехота высадилась на о-в Ноп Танг.

Эти действия американских вооруженных сил являлись актом агрессии, применением грубой вооруженной силы, что запрещено современным международным правом.

Агрессивные действия американской военщины против Кампучии продолжались. 25 февраля 1976 г. три самолета американского производства нанесли бомбовые удары по провинциальному центру Кампучии г. Сиемреап, а затем удалились в сторону Таиланда. В результате бомбардировок 15 человек погибло, более 30 получили ранения. В Заявлении правительства Кампучии по этому поводу отмечалось, что «жестокие бомбардировки американскими империалистами независимой, мирной, нейтральной, неприсоединившейся страны являются крайне грубыми и вероломными агрессивными актами, грубо попирающими международное право».

Известно, что империалистические круги США и некоторых их союзников оказывали помощь контрреволюционным элементам, засылали на кампучийскую территорию разного рода шпионов и диверсантов.

Глава 2

НАРОД КАМПУЧИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ РЕЖИМА ПОЛ ПОТА — ИЕНГ САРИ

25—27 апреля 1975 г. в освобожденном Пномпене состоялся Чрезвычайный национальный конгресс. В соответствии с его решениями была выработана новая конституция страны, вступившая в действие 5 января 1976 г.

Новая конституция упразднила монархию, страна теперь стала называться не Королевство Камбоджа, а Демократическая Кампучия.

20 марта 1976 г. прошли выборы в Собрание народных представителей.

В апреле 1976 г. состоялась первая сессия Собрания народных представителей, на ней Сианук подал в отставку. В соответствии с новой конституцией был избран Государственный

президиум. Подал в отставку также глава прежнего Королевского правительства национального единства Пенн Нут. Было образовано правительство Демократической Кампучии.

К власти в Кампучии пришла группа во главе с Пол Потом и Иенг Сари; члены этой группы были тесно связаны родственными, земляческими и иными интересами. Главное же, что их объединяло,— это тесные контакты с Пекином и стремление во что бы то ни стало следовать китайским образцам и идеям в области внутренней и внешней политики. Эта группа и попыталась вырвать у кампучийского народа плоды победы 17 апреля 1975 г.

Перед страной стояли сложные задачи — ликвидировать последствия войны, восстановить экономику и обеспечить население продовольствием. Однако для новых руководителей страны главным было не это. Пропекинская клика Пол Пота — Иенг Сари, оказавшаяся у власти, была далека от того, чтобы привнести пролетарское сознание в крестьянские массы, втянутые в революцию. А, как известно, в Кампучии партия и армия, выступавшие в роли фермента революционных преобразований, да и страна в целом были в основном крестьянскими.

Вооружившись маоистскими догмами, клика Пол Пота — Иенг Сари полностью отказалась от каких-либо связей с международным коммунистическим и рабочим движением. Она стремилась отыскать форму социального устройства, основанного на маоистских рецептах, не учитывающих особенностей развития страны, ее традиций и возможностей. Эти идеи в какой-то мере ранее содержались в теоретических воззрениях кхмерских деятелей левацкого толка. Анализируя обстановку в стране, они исходили из того, что движущей силой революционного процесса являются беднейшие крестьяне и низшие слои среднего крестьянства. Противопоставляя Вьетнам колониальных времен Кампучии, они исходили из того, что здесь никогда не было земельного голода, а значит, и не возникало острых противоречий между крестьянством и феодалами на этой почве. Наиболее существенными противоречиями объявлялись противоречия между массой крестьянства и ростовщическим капиталом, который в кхмерской деревне представляли преимущественно лица китайского происхождения. Города считались порождением капитализма, инструментом эксплуатации крестьян ростовщиками. В качестве средства избавления от засилья ростовщичества предлагалось уничтожить денежные отношения и города, провести всеобщее кооперирование крестьянства.

Проблема индустриализации, как считалось, могла быть решена только путем «опоры на собственные силы». По существу, это была идея автаркии — разрыва экономических связей с внешним миром как по линии торговли, так и по линии экономического сотрудничества, ибо отношения с развитыми странами якобы разоряют «докапиталистическую» Кампучию.

В решении проблемы индустриализации путем опоры на собственные силы с особой остротой сказалось непонимание проблемы связей кхмерской революции с мировым коммунистическим движением, странами социализма.

Мелкобуржуазная, по существу, идеология приводила к серьезным теоретическим ошибкам, которые при тесном контакте с международным коммунистическим движением, с СССР, другими государствами социализма могли быть выправлены и преодолены. Это отвечало бы национальным интересам Кампучии. Но в условиях ориентации только на Пекин это привело к предательству интересов революции, революционных завоеваний кампучийского народа, свело на нет результаты победы 17 апреля 1975 г.

Идеи равенства (равенство потребления, антиурбанизм, возврат к земле и т. д.) были использованы в Кампучии для установления в стране военно-бюрократической диктатуры при опоре на самую отсталую в социально-экономическом и культурном отношении часть кампучийского крестьянства и на некоторых из представителей национальных меньшинств, населяющих страну.

В условиях крестьянского государства, каким является Кампучия, правление группировки Пол Пота — Иенг Сари, захватившей власть, приняло особенно жестокие формы. Клика Пол Пота — Иенг Сари, узурпировавшая власть в стране, оказалась в изоляции. То, что произошло в Кампучии во время ее правления, ни в коей мере нельзя определить как некий путь к социализму, как эксперимент варианта в конечном счете социалистического развития. Это экспортный вариант маоистского политического устройства общества, полпотовская модель китайской «культурной революции» в Кампучии, ничего общего не имеющая с социализмом.

Специфические условия Кампучии благоприятствовали подобного рода эксперименту. Кампучия все еще оставалась страной преимущественно мелкого и среднего крестьянства с характерной для него психологией и традиционными представлениями о характере государственной власти как о некоем верховном, деспотическом органе, стоящем над обществом. Полпотовское руководство, придя к власти, использовало этот психологический феномен. Полностью изолировав страну от мирового социалистического содружества, ориентируясь исключительно на Пекин, полпотовский диктаторский режим превратился во всесильное начало, проникающее во все сферы общественной жизни.

Следует отметить также, что кадровый состав компартии Кампучии после 1970 г. изменился. В нее влилось много новых людей, преимущественно из крестьян, в большинстве своем малограмотных или полностью неграмотных, имеющих лишь небольшой опыт участия в национально-освободительной борь-

бе. Новые члены партии были плохо подготовлены к сознательному участию в широком освободительном движении.

Полпотовцы, пробравшиеся в руководящие органы партии, делали ставку на незрелую молодежь, стремясь разорвать преемственность поколений в кхмерском революционном движении, подменяли марксизм-ленинизм идеологией национализма. Пожилые люди были «на подозрении»: считалось, что они заражены «идеологией старого режима». Когда Пол Пот утвердился во главе партии, в последнюю стали принимать кампучийцев только от 16 до 24 лет. Всех, кому было меньше 18 лет, полпотовцы отделяли от семей, боялись, что молодежь воспримет «идеологию старых родителей». Линию на уничтожение ветеранов национально-освободительного движения Пол Пот и его окружение стали осуществлять еще задолго до 1975 г., как следует из рассказов немногих уцелевших кампучийских коммунистов.

В полпотовском руководстве компартии значительное место занимали крайние националисты, которые давно установили связи с Пекином и пользовались поддержкой пекинского руководства. В политическом и теоретическом плане они ориентировались исключительно на Пекин.

В этом отношении типична биография Пол Пота (он же Салот Сар). Пол Пот родился в 1925 г. в зажиточной крестьянской семье из пров. Кампонгтхом. Начальное образование он получил в буддийском монастыре, затем окончил технический колледж в Пномпене, а в 1949—1953 гг. продолжал свою учебу в Париже. Там он начал заниматься политической деятельностью, примкнул к троцкистской группе, руководил кружками, где под видом марксизма протаскивались всякого рода псевдосоциалистические идеи.

В декабре 1953 г. Пол Пот вернулся в Пномпень и включился в деятельность Народно-революционой партии Кампучии. Партия и после обретения Кампучией независимости вынуждена была продолжать действовать в подполье. Пол Пот, лучше ориентировавшийся в городских условиях, чем многие ветераны партии, проведшие много лет в партизанских отрядах в джунглях, ловко манипулировавший ультрареволюционными лозунгами, постепенно захватил руководство пномпеньской городской партийной организацией.

Во главе НРПК и ее интернационалистского марксистско-ленинского крыла стоял в те годы ветеран коммунистического движения в Индокитае Ту Самут. 27 мая 1962 г. он был убит при загадочных обстоятельствах. Тогда причина его убийства осталась для членов партии тайной. Сегодня установлено, что это злодейское убийство на совести Пол Пота и его подручных. Расправившись с Ту Самутом, Пол Пот вскоре занял его место и начал перестраивать на левоэкстремистский лад деятельность партии.

В середине 1965 г. Пол Пот отправился в Китай, где тогда только начинала разворачиваться «великая пролетарская культурная революция». В «культурной революции» Пол Пот узрел воплощение «революционного духа», нашел в ней именно то, к чему стремился всю жизнь. Физические расправы над десятками тысяч одних и духовное глумление над сотнями тысяч других людей он называл «очищением организма от болезненных явлений», а идеи Мао Цзэдуна — «подлинным современным марксизмом». На родину он вернулся законченным маоистом, ревностным поборником насаждения маоистских идей в Кампучии.

В годы правления клики Пол Пота — Иенг Сари Кампучия была превращена в гигантский концлагерь, почти полностью изолированный от внешнего мира. Первая же «радикальная» акция, проведенная группой Пол Пота на земле Кампучии, показала, что для ее народа настали тяжкие времена. Осуществляя «чистку общества», полпотовцы выселили в сельскую местность из Пномпеня и других городов в течение 72 часов 3,5 млн. городских жителей. Людям не разрешили взять с собой что-либо из необходимых вещей; в сорокаградусную жару, без еды и питья их гнали по дорогам страны, и десятки тысяч гибли в пути от истощения, солнечных ударов, болезней, эпидемий. 300 тыс. домов в Пномпене опустели, словно после взрыва нейтронной бомбы.

Все население страны было разделено на три категории: «старые жители», «новые жители» и лица, сотрудничавшие со старым режимом. В разряд «старых жителей» полпотовцами включалось население горных и лесных районов, которые в 1970—1975 гг. были базой повстанческого движения (провинции Мондолькири, Ратанакири, Прэахвихеа, Сиемреап, Стынгтраенг, Кампонгтям, Кампонгтхом, Кратие). Здесь жили нацменьшинства и население, по отношению к которому кхмерская монархия традиционно выступала в роли эксплуататора. По сравнению с жителями равнины население этих районов жило в худших условиях: климат здесь был холоднее, урожая риса нехватало, и жители, чтобы прокормиться, вынуждены были добавлять к своему рациону продукты охоты, рыбной ловли, собирательства. Население этих районов «традиционно» было настроено против жителей равнин. Оно было наименее образованно и информированно. Здесь полпотовцы набирали основные «кадры» для своей организации и армии.

В разряд «новых жителей» включались кампучийцы из районов, находившихся ранее под контролем лонноловского режима. В третью категорию входили бывшие офицеры и солдаты лонноловской армии, чиновники, буддийские монахи, священники, интеллигенция.

Клика Пол Пота — Иенг Сари поставила своей целью истребить третью категорию и провести чистку второй; с лицами пер-

вой категории обращались как с привилегированными, но с 1977 г. они также стали подвергаться репрессиям.

Те, кого не уничтожили сразу, подлежали перевоспитанию в особых поселениях. Установленный в них режим эксплуатации, угнетения, глумления над человеческим достоинством свидетельствовал о том, что это были замаскированные концентрационные лагеря.

Вместе с частной собственностью была ликвидирована и личная; все, вплоть до домашней утвари, обобществлялось. Люди не имели элементарных прав, за малейшую провинность их подвергали телесным наказаниям, а нередко убивали на месте. Учебные заведения были закрыты или превращены в тюрьмы, казармы. Не работали кинотеатры, телевидение, единственной «газетой» был официозный информационный листок; население полностью изолировали от внешнего мира.

После освобождения Пномпеня и окончания войны о НЕФК и КПНЕК перестали даже упоминать. Хотя формально они продолжали существовать, население Кампучии ничего не знало о них.

«Старые жители», как правило, оставались на местах, а большинство городского населения, т. е. «новые жители» из недавно освобожденных районов, было перемещено в сельские районы и поставлено под надзор «старых жителей». Они занимались расчисткой леса, тяжелыми сельскохозяйственными работами.

Массовые казни, голод, полное отсутствие медицинской помощи (врачи и больницы были уничтожены) привели к громадным человеческим жертвам. Так, только с апреля 1975 по декабрь 1976 г. в Кампучии было уничтожено 1,2 млн. человек, в том числе — старики, женщины, дети. В июле 1976 г. Пол Пот заявил, что «свыше 80% трудящихся больны малярией и потеряли трудоспособность».

Все жители страны, начиная с 14-летних подростков, были разделены на три группы в зависимости от того, какую работу они могли выполнять. В первую группу входили холостые юноши и девушки, объединенные в своей деревне (кооперативе). Группы возглавлялись руководителем и двумя его заместителями. Работники выполняли задания, представлявшие интерес для деревни в целом, либо трудились на государственных фермах. Для работ «государственного масштаба» их вывозили в отдаленные местности, часто на несколько месяцев, поэтому эти группы именовались «мобильными».

Вторая группа объединяла женатых кампучийцев с детьми, людей среднего возраста, но не старше 55 лет. Они выполняли все указания полпотовцев, причем женщины работали наравне с мужчинами. Мужчин из этой группы часто забирали на несколько месяцев для тяжелых и срочных работ: пахоты, сбора урожая и т. д. По возвращении в деревню им разрешалось по-

быть с семьей два-три дня, а затем их вновь направляли для выполнения очередного «задания».

Третья группа состояла из мужчин и женщин старше 55 лет. Если первая и вторая группы работали на рисовых полях, рыли канавы или строили плотины, то эти люди занимались более легкими работами — ткали, плели корзины, готовили пищу, ухаживали за детьми.

Помимо разделения населения по полу и возрасту существовало и территориально-административное деление: каждая деревня была кооперативом, объединявшим от 100 до 1 тыс. семей. Трудно сказать, какие именно формы кооперативов насаждались тогда в Кампучии; в конце концов из них получились «народные коммуны» китайского типа времен «культурной революции». Частной и личной собственности в «коммунах» не существовало, но каждая семья имела право питаться отдельно. С марта 1976 г. и это «послабление» было ликвидировано. Так насаждался примитивный уравнительный «коммунизм». Средства производства и урожай принадлежали всей «коммуне»; последний распределялся в соответствии с заслугами и нуждами его членов. Каждый такой «кооператив» располагал общественными складами, где хранились запасы риса, мануфактура, инструменты. До марта 1976 г. «коммуны» официально именовались «группами по совместному производству», «группами по совместному строительству плотин и каналов», однако затем они стали называться «производственными кооперативами».

Несмотря на террор, на невиданные по своей жестокости меры «перевоспитания», призванные любой ценой обеспечить реализацию идеи ирригации 1,5 млн. га земли для повышения урожая риса, экономические планы полпотовцев провалились, хозяйство страны было обречено на деградацию.

Во внешней политике клика Пол Пота — Иенг Сари делала ставку на полную изоляцию страны от внешнего мира. Были прерваны все международные контакты. Кампучия отказывалась от сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии.

По указке Пекина Кампучия превращалась в плацдарм вооруженных провокаций против соседних с ней стран — Вьетнама, Лаоса и Таиланда, становилась дестабилизирующим фактором в системе отношений не только в Индокитае, но и в Юго-Восточной Азии в целом. Привлеченный удобным стратегическим положением Кампучии, Пекин во время марионеточного режима Пол Пота — Иенг Сари создал здесь специальное бюро координации, осуществляющее непосредственное руководство пропекинскими группировками в Юго-Восточной Азии. Целью Пекина было разобщение стран Индокитая и всего региона Юго-Восточной Азии; именно такая ситуация в наибольшей степени отвечает его политическим замыслам. Кампучия, во главе которой стояли тайные и явные ставленники Пекина, была весьма удобна для осуществления этих планов. Поэтому полпотов-

цы взяли курс на разрыв традиционных уз солидарности народов Индокитая, исторически сложившихся в ходе длительной совместной борьбы против общих врагов.

Налаживание контактов, региональное сотрудничество стран Юго-Восточной Азии, инициатива Вьетнама в этом отношении, нашедшая выражение, в частности, в четырех принципах внешней политики СРВ, провозглашенных вскоре после воссоединения этой страны, мешали гегемонистским планам Пекина в Юго-Восточной Азии.

1 мая 1975 г., через четыре дня после победы вьетнамских патриотов, водрузивших знамя освобождения в Сайгоне, вооруженные силы полпотовской Кампучии вторглись на вьетнамскую территорию в различных районах между городами Хатьен и Тэйнинь. 4 мая они высадили десант на вьетнамский о-в Фукуок, а 10 мая оккупировали о-в Тхотю. Жертвами набегов кампучийской военщины стали тысячи мирных жителей южных провинций СРВ. Начиная с этого времени полпотовские войска стали вторгаться на территорию Вьетнама систематически и вдоль всей вьетнамо-кампучийской границы, протянувшейся более чем на 1100 км. В апреле 1977 г. в набегах на вьетнамскую землю уже участвовали полки и дивизии вооруженных сил «Демократической Кампучии», началась крупномасштабная пограничная война.

Вместе с военными акциями на границе клика Пол Пота развернула в стране кампанию разжигания национальной ненависти к Вьетнаму, вьетнамцам, ко всему вьетнамскому. В 1977—1978 гг. передачи пномпеньского радио, первую полосу выходившего в столице газетного листка, документы и листовки, распространявшиеся в армейских частях и среди населения, заполонили антивьетнамские лозунги: «Вьетнам для Кампучии — враг номер один!», «Готовы воевать с Вьетнамом 700 лет!», «За нами — 800 миллионов китайцев!». По примеру своих пекинских хозяев Пол Пот начал выступать с претензиями на значительные территории Вьетнама.

Правительство Социалистической Республики Вьетнам неоднократно предлагало кампучийской стороне решать имеющиеся или возникающие проблемы путем переговоров, договориться о восстановлении нормальных отношений. Однако все эти конструктивные предложения грубо отвергались кликой Пол Пота — Иенг Сари при прямом подстрекательстве со стороны китайского руководства. В Кампучию морем и по воздуху переправлялись из Китая самолеты, танки, тяжелая артиллерия, стрелковое оружие. Агрессивные действия против Вьетнама направляли китайские «советники» и военнослужащие, которых насчитывалось тогда в Кампучии более 20 тыс. Китайцы сколотили колоссальную для такой небольшой страны, как Кампучия, армию, имевшую в своем составе более 20 дивизий. К концу 1978 г. 16—18 из этих дивизий были постоянно дислоцированы

на восточном и южном участках кампучийско-вьетнамской границы

Глубоко антинациональный характер внутренней и внешней политики полпотовского режима вызывал ненависть у кампучийского народа. Выступления народных масс, возглавляемые представителями здоровых сил компартии Кампучии, истинными патриотами начались в первые же месяцы после установления режима Пол Пота — Иенг Сари. Это была народно-демократическая революция, принявшая в условиях Кампучии национально-освободительный и антимаоистский характер.

В сентябре 1975 г. восстали жители пров. Сиемреап. В феврале 1977 г. вспыхнул мятеж 600 солдат 170-й дивизии, на которых была возложена охрана Пномпеня. Мятеж был подавлен. Командира дивизии Ча Края расстреляли, трех других руководителей заживо сожгли на столичном стадионе. Крупные восстания произошли в ноябре 1977 г. и в мае 1978 г. в северо-западных и восточных районах Кампучии. Хотя эти восстания были потоплены в крови, дело повстанцев не пропало.

После этих восстаний в сельских районах Кампучии появились первые освобожденные районы, которые ширились день ото дня. Туда стекались все те, кто уцелел от расправ полпотовских палачей, кого переполняли ненависть к убийцам и желание с оружием в руках бороться за освобождение родины. С середины 1978 г. многие ветераны национально-освободительной борьбы, бежавшие от террора во Вьетнам и Таиланд, стали различными путями возвращаться на родину, чтобы установить контакт с революционными силами и включиться в решительную борьбу за освобождение Кампучии от тирании пекинских ставленников. На залитой кровью кампучийской земле крепли и собирались силы, способные бросить вызов диктаторскому режиму. К осени 1978 г. в 16 из 18 провинций появились районы, находившиеся под полным контролем революционно-патриотических сил.

2 декабря 1978 г. в одном из освобожденных районов был созван Конгресс народных представителей, который объявил о создании Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК). В руководство Фронта вошли истинные патриоты, уцелевшие от террора, представители здоровых сил компартии Кампучии. Конгресс принял декларацию ЕФНСК, в которой призвал весь народ подниматься на решительную борьбу за свержение реакционного, диктаторского режима, за установление в Кампучии народно-демократического строя, за построение свободной, независимой, демократической Кампучии, идущей по пути к социализму.

Программа ЕФНСК получила всенародную поддержку, так как в ней были сформулированы общенациональные задачи, созвучные чаяниям миллионов кампучийцев, задавленных полпотовской тиранией. Программа провозгласила отмену принудительного труда, «народных коммун», насильственных браков,

в ней говорилось о гарантировании демократических свобод, свободе вероисповедания, равенстве всех граждан, об уважении их достоинства и личности.

Фронт выступил за немедленное прекращение вооруженных конфликтов и провокаций на границах Кампучии с Вьетнамом, Таиландом и Лаосом. В противоположность внешней политике клики Пол Пота — Иенг Сари, носившей воинственный антинациональный характер, ЕФНСК заявил о проведении на международной арене политики мира и сотрудничества со всеми странами, выразил готовность к восстановлению дружественных, добрососедских отношений с государствами Юго-Восточной Азии.

5—7 января 1979 г. уцелевшие от полпотовского террора подлинные коммунисты созвали III съезд Коммунистической партии Кампучии, который был назван съездом восстановления партии. Его участники разоблачили реакционную сущность полпотовского режима, одобрили программу борьбы за его ликвидацию и национальное возрождение, приняли решение о реорганизации партии, восстановлении ее истинного лица.

Призыв ЕФНСК к свержению ненавистной клики Пол Пота — Иенг Сари нашел широчайший отклик среди всех слоев кампучийского населения, увидевшего путь к освобождению от кошмара тирании и средневекового варварства. Важное значение для успешного развития революции имел тот факт, что патриотические силы установили контакт с братским Вьетнамом, получили поддержку прогрессивных сил мира. В конце декабря 1978 г. созданные Фронтом Революционные вооруженные силы развернули генеральное наступление в масштабе всей страны. 7 января 1979 г. над столицей Кампучии Пномпенем взвилось красное знамя ЕФНСК с пятью золотыми башнями — символом древнего кхмерского храма Ангкор Ват. Реакционный режим пропекинской клики Пол Пота — Иенг Сари пал.

11 января 1979 г. была провозглашена Народная Республика Кампучия (НРК). Было создано революционное правительство — Народно-революционный совет Кампучии (НРСК). Председателем НРСК был назначен председатель ЦК ЕФНСК Хенг Самрин, заместителем председателя НРСК, ответственным за оборону,— Пен Сован. В тот же день НРСК обнародовал политический манифест, в котором была сформулирована основная цель победоносной январской революции — создание «мирной, независимой, демократической, нейтральной, неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму». В соответствии с программой ЕФНСК и декретами Народно-революционного совета в стране было объявлено об отмене антинародных законов прежнего режима. В стране началось утверждение подлинного народовластия. Во всех провинциях создавались народно-революционные комитеты самоуправления.

Налаживалось производство, восстанавливались служба

здравоохранения, система образования, народная культура, формировались отряды народной милиции и подразделения Народно-революционной армии Кампучии (НРАК). Были воссозданы массовые профсоюзные, крестьянские, женские, молодежные и другие общественные организации.

Свергнув антинародную клику, кампучийский народ внес важный вклад в дело оздоровления политического климата в Юго-Восточной Азии, в дело мира и безопасности в этой части Азиатского континента. Народно-революционный совет заявил, что новая Кампучия будет строить свои отношения со всеми странами на принципах мирного сосуществования, будет укреплять солидарность с социалистическими странами, с государствами, завоевавшими национальную независимость, с национально-освободительными движениями, содействовать упрочению движения неприсоединения. В манифесте от 11 января 1979 г. подчеркивалось, что Народно-революционный совет является единственным законным представителем страны в межгосударственных отношениях, в ООН, в движении неприсоединения и в международных организациях, в которые вступила Кампучия.

Глава 3

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА КАМПУЧИЯ

После победы январской революции началась работа по залечиванию глубоких ран, нанесенных Кампучии кликой Пол Пота — Иенг Сари. Экономика страны находилась в состоянии полной разрухи. И без того слаборазвитая промышленность оказалась, по существу, парализованной в результате разрушения значительной части электростанций, транспорта, объектов связи. В первую очередь началось восстановление и пуск в эксплуатацию предприятий легкой промышленности в Пномпене и других городах, призванных удовлетворить неотложные нужды населения, в массовых масштабах возвращавшегося из сельских районов в города.

Особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве. Посевные площади по сравнению с 60-ми годами значительно уменьшились. В результате общего сокращения населения, значительная часть которого была истреблена полпотовским режимом, резко уменьшилось и число людей, занятых в сельскохозяйственном производстве. Насаждение по всей стране полпотовских «народных коммун» без товарно-финансовых связей и права пользования плодами своего труда привело к полной пауперизации населения. В кампучийских деревнях возникла острая нехватка семенного фонда, тяглового скота, сельскохозяйственных орудий. Народно-революционный совет обратился к крестьянам с призывом создавать группы производствен-

ной солидарности, перед которыми была поставлена задача по возможности обеспечить посевную основного урожая, чтобы отодвинуть угрозу голода, нависшую над многими провинциями страны.

Восстановление нормальной экономической жизни во многом задерживалось из-за отсутствия квалифицированных кадров. За годы правления полпотовской клики было физически уничтожено в общей сложности 80% административных и инженерно-технических работников, специалистов в области сельского хозяйства, здравоохранения, образования. Согласно опубликованным в Пномпене документам, в Кампучии из 643 дипломированных врачей и фармацевтов осталось только 69, из 1 тыс. человек, получивших высшее образование за рубежом,— 85, из 725 профессоров и доцентов высших учебных заведений — 50, из 2300 учителей средних школ — 207, из 21 311 учителей начальных школ — 2 793, из 11 тыс. студентов высших учебных заведений — 450 человек.

Вывести экономику страны из временного паралича, преодолеть последствия преступного хозяйничанья режима Пол Пота — Иенг Сари — эта задача в качестве первоочередной была рассмотрена на национальной конференции руководящих работников страны, состоявшейся 14 марта 1979 г. в Пномпене. Выступивший на ней с политическим докладом заместитель председателя Народно-революционного совета Пен Сован подчеркнул, что прошедшие после январской революции два месяца показали, что кампучийский народ всемерно поддерживает курс ЕФНСК и Народно-революционного совета, и это является главным фактором дальнейшего революционного движения вперед, залогом успехов в строительстве новой Кампучии. Пен Сован призвал ускорить темпы стабилизации жизни, оказывать всестороннюю помощь возвращающемуся в родные места населению, создать условия для налаживания производства, в первую очередь сельскохозяйственного, разъяснять народным массам политический курс Фронта и Народно-революционного совета, заботиться об укреплении органов народной власти в деревнях и уездах.

На этой же конференции как важнейшая политическая задача рассматривалась необходимость крепить кампучийско-вьетнамскую солидарность — залог победы революции двух народов.

Важное значение для дальнейшего развития отношений братской солидарности и дружественного сотрудничества между Кампучией и Вьетнамом имел состоявшийся в середине февраля 1979 г. официальный дружественный визит в НРК вьетнамской правительственной делегации во главе с премьер-министром СРВ Фам Ван Донгом. Главным итогом этого визита явилось подписание Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Народной Республикой Кампучией и Социалистической Рес-

публикой Вьетнам, положившее начало новому этапу в развитии взаимоотношений между двумя соседними народами.

В договоре, заключенном сроком на 25 лет, обе стороны обязались «приложить все усилия для развития и защиты традиций боевой солидарности, дружбы и сотрудничества между Кампучией и Вьетнамом». Обе братские страны обязались строить свои отношения на основе принципов уважения независимости, суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, оказывать друг другу всестороннюю помощь для укрепления и защиты независимости, суверенитета, территориальной целостности и мирного труда народа каждой страны от подрывных действий сил империализма и международной реакции.

Все проблемы, возникающие в отношениях между двумя странами, Кампучия и Вьетнам договорились решать путем мирных переговоров, в частности, было решено провести переговоры с целью подписания соглашения, определяющего государственные границы между НРК и СРВ.

Так же успешно завершился состоявшийся в марте 1979 г. официальный дружественный визит в НРК делегации Лаосской Народно-Демократической Республики во главе с Президентом ЛНДР Суфанувонгом, в ходе которого были подписаны соглашения о разностороннем лаосско-кампучийском сотрудничестве. В совместном заявлении обе стороны подчеркнули, что «солидарность народов Кампучии, Лаоса и Вьетнама, которая развивается на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, уважения независимости и суверенитета друг друга, является важным фактором, гарантирующим победу революции в каждой стране».

Империалистические силы и международная реакция после 7 января 1979 г. развернули враждебную кампанию против революционно-патриотических сил Кампучии. Правящие круги Китая снабжали оружием, боеприпасами, людьми остатки полпотовских банд, начавших партизанскую борьбу против революционного правительства НРК. От имени полпотовского режима, но на средства Пекина в южнокитайской провинции Юньнань начала действовать радиостанция «Голос Демократической Кампучии». Были предприняты попытки активизировать в пограничных с Кампучией районах Таиланда подразделения «Кхмер Серей», представляющие крайне правые силы. Однако планы реакции реставрировать свергнутый режим провалились. В марте—апреле 1979 г. вооруженные силы НРК нанесли мощный удар по основной укрепленной базе полпотовцев в районе Тасани (пров. Баттамбанг), которая была создана еще до падения режима Пол Пота — Иенг Сари и представляла собой обширный комплекс долговременных военных сооружений, подземных помещений и складов продовольствия, вооружения, боеприпасов. В ходе операции войсками НРК был захвачен архив

полпотовского режима, многие документы которого рассказывают о том, как осуществлялась полпотовцами так называемая социальная революция, как готовились вооруженные акции против социалистического Вьетнама, какова была во всем этом роль китайских советников.

Хотя Пол Поту и его ближайшим подручным после захвата Тасани и других баз удалось бежать, контрреволюции в Кампучии были нанесены такие удары, от которых она уже не могла оправиться. Не имея никакой опоры среди населения, полностью деморализованные, группы контрреволюционеров повсеместно стали сдаваться властям НРК. По данным министерства обороны НРК, за шесть месяцев после победы январской революции в результате успешных операций было выведено из строя (убито, захвачено и добровольно сдалось в плен) 42 тыс. офицеров и солдат бывшего полпотовского режима. Наряду с укрепленной базой в Тасани были ликвидированы генеральный штаб полпотовской армии в Амлеанге (пров. Кампонгспы), остатки полпотовского флота, скрывавшиеся в речных рукавах пров. Кахконг, последние крупные опорные базы в пров. Поусат.

Важное значение для окончательного разоблачения чудовищных преступлений клики Пол Пота — Иенг Сари, бесчеловечной, антинародной сущности созданного ими режима имели результаты открытого судебного процесса над двумя этими лицами, организованного 15—20 августа 1979 г. в Пномпене. Подготовкой суда занимался Народно-революционный трибунал, специально созданный декретом Народно-революционного совета Кампучии. На основании многочисленных документов полпотовского режима, показаний свидетелей, вещественных доказательств, осмотра тюрем, концлагерей и мест массового захоронения жертв террора был составлен Обвинительный акт.

В ходе пятидневного разбирательства была полностью установлена виновность бывшего премьер-министра «Демократической Кампучии» Пол Пота и его первого заместителя Иенг Сари в совершении тягчайших преступлений: в планомерных убийствах ни в чем не повинных людей, изгнании жителей из городов и деревень, создании концентрационных лагерей принудительных работ, в разрушении экономической структуры страны, ее культуры, семейных и общественных отношений. Как отмечалось в Обвинительном акте, геноцид в годы правления Пол Пота — Иенг Сари проводился исключительно варварскими методами, систематически и на всей территории страны, что привело к гибели почти 3 млн. человек. Более чем 4 млн. оставшихся в живых причинен серьезный физический и моральный ущерб. Политика массовых убийств была направлена на то, чтобы физически и духовно уничтожить кампучийский народ.

Народно-революционный трибунал признал главарей свергнутого режима Пол Пота и Иенг Сари виновными в совершении преступлений геноцида и приговорил их заочно к высшей мере наказания — смертной казни. В приговоре указывается, что об-

виняемые продолжают предавать свою страну и, действуя заодно с китайскими реакционерами, выступают против чаяний кампучийского народа. Трибунал принял постановление о розыске и аресте обоих скрывающихся преступников.

Трибунал обвинил правящие круги Китая в том, что они руками полпотовских палачей осуществляли массовые расправы над кампучийцами, превратили страну в полигон для испытания предназначенных на экспорт маоистских социально-политических «моделей» устройства общества. К этому заключению трибунала присоединились представители различных слоев населения Кампучии, а также многочисленные зарубежные юристы, участвовавшие в его работе в качестве наблюдателей. Выступая с трибуны защиты, член коллегии адвокатов Верховного суда США Х. Р. Стивенс, в частности, заявил, что «китайские руководители должны вместе с Пол Потом и Иенг Сари сесть на скамью подсудимых как соучастники преступления».

29—30 сентября 1979 г. в Пномпене состоялся II съезд Единого фронта национального спасения Кампучии, в котором приняли участие более 500 делегатов, представляющих все провинции страны. Съезд подвел итоги деятельности Фронта и Народно-революционного совета Кампучии по ликвидации тяжелых последствий правления диктатуры Пол Пота — Иенг Сари, принял решения, касающиеся дальнейшей нормализации жизни в республике, определил основные направления политического и социально-экономического развития страны.

С докладом на съезде выступил председатель ЦК ЕФНСК, председатель Народно-революционного совета НРК Хенг Самрин. Он отметил историческое значение создания Единого фронта, сплотившего все революционные и патриотические силы Кампучии для борьбы против антинародного реакционного режима, вскормленного пекинскими экспансионистами.

После исторической победы в январе 1979 г., подчеркнул Хенг Самрин, НРК добилась значительных успехов в военной, политической, экономической и культурной областях. Остаткам полпотовских банд нанесены сокрушительные удары, вернулись к нормальной жизни миллионы людей. Повсеместно созданы органы государственной власти. Успешно выполняется задача укрепления массовых общественных организаций, выражающих интересы всех слоев населения. Предпринимаются энергичные меры по возрождению экономической жизни, обеспечению населения продуктами питания.

Народная Республика Кампучия, сказал Хенг Самрин, вносит активный вклад в упрочение мира и безопасности в Юго-Восточной Азии и во всем мире. Благодаря поддержке стран социалистического содружества укрепились международные позиции НРК, которую признало уже более 30 государств.

Делегаты съезда одобрили временный устав ЕФНСК. В нем указывается, что Единый фронт национального спасения Кампу-

чии — это массовая организация кампучийского народа, которая выступает против клики Пол Пота — Иенг Сари, империалистов и реакционеров. Она борется в защиту независимости, за национальное спасение, строительство мирной, независимой, демократической, нейтральной и неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму, вносит активный вклад в укрепление мира и стабильности в регионе Юго-Восточной Азии и во всем мире.

Съезд избрал новый Центральный комитет ЕФНСК в составе 35 человек. Председателем ЦК ЕФНСК вновь был избран Хенг Самрин.

* * *

Силы международной реакции стремились помешать стабилизации положения в НРК. Одновременно с попытками реставрировать в Кампучии прежний режим в Пекине разрабатывался план создания под эгидой Китая единой контрреволюционной организации, которая включала бы возможно более широкий круг находящихся в эмиграции противников Народной Республики Кампучии — полпотовцев, лонноловцев, «кхмер-сереев». В сентябре 1979 г. полпотовские представители устроили в Пекине пресс-конференцию, на которой объявили о создании так называемого Фронта национального единства Кампучии (ФНЕК). Из обнародованного проекта «политической программы» «фронта» явствовало, что главные цели его создания — мобилизация всех контрреволюционных кампучийских сил как за рубежом, так и внутри страны для борьбы против законного правительства НРК, а также «легализация» вмешательства Китая в дела суверенной Кампучии, поддержки контрреволюционных кампучийских сил внутри страны и за ее пределами.

В декабре 1979 г. в Пекине был разыгран фарс с «реорганизацией» свергнутого полпотовского режима, чтобы придать ему «более респектабельный вид», особенно в глазах политических кругов Запада. Вместо одиозной фигуры Пол Пота премьер-министром «Демократической Кампучии» был объявлен Кхиеу Самфан. Однако от этой перестановки существо полпотовской клики не изменилось. Кхиеу Самфан в 1975—1978 гг., в период правления режима Пол Пота, был председателем Государственного президиума «Демократической Кампучии», т. е. главой государства, поэтому он также несет прямую ответственность за кровавые преступления этого режима.

Объявив о создании своего «фронта», полпотовцы обратились к бывшему принцу Сиануку с призывом возглавить вновь созданную организацию и ее будущее «правительство». В борьбе против НРК и ее братского союза с Социалистической Республикой Вьетнам в Пекине с самого начала делали ставку на Сианука. По настоянию китайских лидеров Сианук был

освобожден полпотовцами и вывезен из Пномпеня в Пекин за несколько дней до победы январской революции в Кампучии. На заседаниях Совета Безопасности ООН 12—14 января 1979 г. Сианук выступал как представитель свергнутого режима Пол Пота — Иенг Сари. Однако по окончании работы Совета он сделал заявление для печати, в котором полностью отмежевывался от кровавого режима.

Тем не менее находившемуся в январе—феврале 1979 г. с визитом в США Дэн Сяопину удалось «уговорить» Сианука вернуться в Пекин, где нашли кров сумевшие бежать из Кампучии представители режима Пол Пота — Иенг Сари.

После победы революционно-патриотических сил в Кампучии Пекин и Вашингтон, действуя заодно, взяли курс на изоляцию НРК на международной арене, стремясь затормозить процесс ее международного признания. 12 января 1979 г. в Совет Безопасности ООН поступила «жалоба» от главарей свергнутого в Кампучии режима. Советская делегация выступила с решительным осуждением недостойных попыток вовлечь ООН в обсуждение внутренних дел Кампучии. Однако представителям Пекина при поддержке делегации США удалось навязать Совету Безопасности рассмотрение «жалобы» несуществующего режима. При этом была предоставлена трибуна представителям свергнутого режима, а делегации Народно-революционного совета, единственного законного представителя кампучийского народа, не было разрешено участвовать в работе заседания. В этих условиях Совет Безопасности, естественно, оказался не в состоянии выработать решение, которое объективно отражало бы создавшееся в Кампучии положение. Поэтому Советский Союз, являющийся постоянным членом Совета Безопасности, проголосовал против внесенного некоторыми делегациями проекта резолюции и тем самым оградил Кампучию от возможности империалистического и гегемонистского вмешательства в ее внутренние дела.

Тем не менее силы, враждебные НРК, продолжали свою деятельность в рамках ООН. Несколько позднее, в марте 1979 г., в генеральном секретариате ООН были приняты верительные грамоты от представителя режима Пол Пота — Иенг Сари. В этой связи министр иностранных дел НРК направил Генеральному секретарю ООН послание, в котором подчеркнул, что единственным законным представителем кампучийского народа является Народно-революционный совет, контролирующий всю территорию Кампучии, поэтому сохранение в ООН представителя свергнутого антинародного режима противоречит реальному положению в стране, является вмешательством в ее внутренние дела, нарушением Устава Организации Объединенных Наций.

В дополнение к внешнеполитическим разделам программы ЕФНСК и манифеста Народно-революционного совета мини-

стерство иностранных дел НРК выступило 18 января 1979 г. с заявлением, в котором подчеркивалось, что Народная Республика Кампучия проводит курс мира, независимости, демократии, нейтралитета, неприсоединения, идет по пути к социализму. НРК выразила готовность установить со всеми странами, и прежде всего со своими соседями — государствами Юго-Восточной Азии, дружественные отношения на принципах уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равноправия и взаимной выгоды.

Вопреки доброй воле, проявленной НРК, члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), не без давления со стороны США и Китая заняли недружественную позицию в отношении молодой республики. В качестве главного довода в пользу непризнания НРК ее противниками неизменно использовался факт присутствия вьетнамских войск на кампучийской территории.

В этой связи Народно-революционный совет Кампучии специально разъяснил, что по просьбе Единого фронта национального спасения Вьетнамская народная армия оказала помощь народу и Революционным вооруженным силам Кампучии в свержении антинародного режима и находится сейчас на территории Кампучии в соответствии с Договором о мире, дружбе и сотрудничестве между НРК и СРВ. «Как только остатки полпотовских банд и другие реакционные проимпериалистические силы перестанут нарушать мирную жизнь кампучийского народа,— указывалось в Заявлении МИД НРК,— как только пекинские экспансионисты и их империалистические союзники прекратят использовать эти банды, угрожая независимости Кампучии, вьетнамские воинские части вернутся во Вьетнам».

В сентябре 1979 г. в рамках ООН была предпринята новая недружественная акция по отношению к НРК. По предложению стран АСЕАН в повестку дня XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН был включен «вопрос о положении в Кампучии».

Как показал ход дискуссии, этот «вопрос» был поднят совсем не для того, чтобы обсудить возможные пути оказания поддержки кампучийскому народу, пережившему подлинную трагедию, а совершенно в иных целях — навязать участникам Ассамблеи дискуссию о «представительстве» Кампучии в ООН, с тем чтобы не допустить туда законных представителей кампучийского народа. Действовавшие заодно Пекин и Вашингтон не скрывали, что таким образом они стремятся взять реванш за неприемлемое для них решение VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Гавана, 1979), отказавшейся признать законными притязания режима Пол Пота — Иенг Сари, которые стремились представлять Кампучию в движении неприсоединения.

Представители стран социалистического содружества, многих государств Африки, Азии, Арабского Востока в своих выступлениях на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН заклеймили преступную клику Пол Пота — Иенг Сари, показали полную несостоятельность «доводов о полномочиях» несуществующего режима. Однако Вашингтону и его союзникам удалось сохранить место Кампучии в ООН за представителями клики Пол Пота — Иенг Сари, никого не представляющими и приговоренными в самой Кампучии к смертной казни.

В преддверии XXXV сессии ООН, проходившей в сентябре—ноябре 1980 г., Вашингтон и Пекин много поработали над тем, чтобы вновь помешать законным представителям кампучийского народа занять свое место в ООН. С целью оказать давление на своих партнеров и некоторые развивающиеся страны, США заранее обнародовали свое намерение и дальше оказывать поддержку полпотовским представителям в ООН. Несмотря на протесты многих делегаций, представителям США и Китая, действовавшим заодно, удалось отклонить проект поправки, выдвинутый группой социалистических и неприсоединившихся стран, в котором шла речь об изгнании полпотовцев, и вновь навязать ООН продление их полномочий.

Одновременно силы, враждебные НРК, предприняли демарши с целью созвать в 1981 г. некую «международную конференцию» для обсуждения так называемого кампучийского вопроса и его «политического урегулирования». Народно-революционный совет Кампучии решительно осудил эти маневры и заявил, что созыв любой конференции по Кампучии без согласия НРК — это грубое и недопустимое вмешательство во внутренние дела страны, нарушение принципов устава ООН и международного права и поэтому любая резолюция, принятая на этой конференции, будет незаконной и недействительной.

Стремясь затруднить процесс нормализации жизни в народной Кампучии, Пекин и Вашингтон стали открыто вести дело к обострению обстановки на ее западных границах, к организации конфронтации между странами АСЕАН и Индокитая. Особая роль в этом плане отведена Таиланду. Враги Кампучии пытаются использовать ее границу с Таиландом как «фронт необъявленной войны». На таиландской территории получили убежище остатки полпотовских банд, совершающих оттуда разбойничьи набеги на территорию Кампучии. 22—23 июня 1980 г. на таиландско-кампучийской границе были спровоцированы вооруженные столкновения, когда под прикрытием так называемой добровольной репатриации значительные силы полпотовцев при поддержке таиландских войск были незаконно переброшены на территорию НРК.

Проискам сил империализма и реакции народная Кампучия противопоставила последовательную политику мира, дружбы и сотрудничества с соседними странами. 18 июля 1980 г. министры иностранных дел НРК, СРВ, ЛНДР, собравшись во Вьентья-

не, обратились к странам АСЕАН с конструктивными предложениями, направленными на оздоровление политического климата в Юго-Восточной Азии. Они предложили подписать со странами АСЕАН договоры о ненападении и мирном сосуществовании и обсудить вопрос о создании в ЮВА зоны мира и стабильности.

Кроме того, Кампучия выступила с мирными инициативами, адресованными Таиланду, предложив, в частности, заключить соглашение о сохранении мира в пограничных районах и не использовать их в качестве опорных баз для посягательств на суверенитет друг друга; сотрудничать с международными организациями в целях правильного и справедливого решения проблемы беженцев, в поисках форм и путей увеличения гуманной помощи населению Кампучии; для решения вопросов, касающихся Кампучии и Таиланда, рекомендовали также приступить к переговорам как на правительственном, так и на неправительственном уровне, на которых Кампучия и Таиланд могут быть представлены третьими странами.

В январе 1981 г. в г. Хошимине состоялась новая встреча министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии, участники которой развили свою мирную инициативу, предложив провести региональную конференцию с участием государств Индокитая и АСЕАН для обсуждения существующих разногласий и выработки мер, направленных на превращение Юго-Восточной Азии в регион мира и добрососедства.

* * *

С победой народной революции в Кампучии начался новый этап в развитии традиционных отношений дружбы и сотрудничества между советским и кампучийским народами. Вместе со всеми прогрессивными силами мира Советский Союз, всегда выступавший на стороне правого дела кампучийских патриотов, приветствовал победу народной революции в Кампучии и одним из первых официально признал Народную Республику Кампучию. В Советском Союзе оценили революционные перемены в Кампучии как победу сил социализма и демократии.

В марте 1979 г. в Советском Союзе с дружественным визитом побывала первая делегация посланцев Единого фронта национального спасения Кампучии. Пребывание делегации в Советском Союзе вылилось в демонстрацию солидарности советских людей со справедливой борьбой кампучийского народа. «Претворяя в жизнь широкую программу строительства новой жизни,— отмечал глава делегации ЕФНСК,— мы будем опираться на опыт СССР и других социалистических стран. Кампучийский народ выражает огромную радость, что солидарность

и дружба между СССР и Кампучией восстановлены на вечные времена и никто не сможет теперь нарушить наше братство и сплоченность».

В апреле 1979 г. в Кампучии после длительного перерыва возобновило свою деятельность советское посольство. Режим Пол Пота — Иенг Сари порвал всякие отношения с Советским Союзом, пытался вытравить из сознания кампучийцев чувство дружбы к советским людям. Однако после 7 января 1979 г. советско-кампучийские отношения вновь встали на прочную основу и успешно развиваются.

Учитывая огромные экономические трудности, испытываемые Народной Республикой Кампучией, Советский Союз приступил к оказанию ей разносторонней материальной помощи. В 1979 г. был подписан ряд соглашений о поставках Советским Союзом в НРК на безвозмездной основе продовольствия, транспортных средств, нефтепродуктов, тканей, медикаментов, различных товаров народного потребления.

Демонстрацией крепнущей советско-кампучийской дружбы стал первый официальный дружественный визит в СССР делегации Единого фронта национального спасения и Народно-революционного совета Кампучии во главе с Хенг Самрином 4—11 февраля 1980 г. На состоявшихся в эти дни советско-кампучийских переговорах был подписан ряд важных совместных документов, положивших начало новому этапу в развитии дружественных отношений между Советским Союзом и Народной Республикой Кампучией.

Особенно важное значение имеет Советско-кампучийское заявление, отразившее главные итоги переговоров. В результате победы кампучийских революционно-патриотических сил и образования НРК, подчеркивалось в Заявлении, создались качественно новые, благоприятные возможности для развития и укрепления отношений братской дружбы и плодотворного сотрудничества между двумя нашими странами. Советский Союз заявил о полной поддержке усилий кампучийского народа, направленных на строительство мирной, независимой, свободной, демократической, неприсоединившейся и идущей по пути к социализму Кампучии, о решимости и впредь оказывать кампучийцам поддержку в борьбе против происков империализма, пекинского гегемонизма и международной реакции.

В ответ на просьбу кампучийской стороны Советский Союз изъявил готовность оказать НРК содействие и помощь в восстановлении и развитии различных отраслей народного хозяйства. По итогам переговоров были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, о поставках товаров из СССР в НРК в 1980 г., о культурном и научном сотрудничестве, торговое соглашение, а также другие соглашения в области торгово-экономических связей. Советский Союз обязался продолжать поставлять НРК различные виды продовольст-

вия, медикаменты, транспортные средства, нефтепродукты, товары широкого потребления, оказать технико-экономическое содействие в восстановлении и строительстве госпиталей, учебных заведений, сельскохозяйственных объектов, в удовлетворении других хозяйственных нужд. Делегация НРК выразила благодарность Советскому Союзу за его «огромную и бескорыстную поддержку и помощь кампучийскому народу в деле восстановления страны, нормализации жизни населения, борьбы против темных замыслов международной реакции».

При обсуждении международных вопросов была подтверждена неизменная приверженность СССР и Народной Республики Кампучия делу борьбы за упрочение мира и безопасности народов, за дальнейшее развитие процесса разрядки международной напряженности. Особое внимание при этом было уделено проблемам Азиатского континента. Стороны заявили о своей решимости и впредь содействовать упрочению мира и безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента.

Обе делегации решительно осудили экспансионистскую гегемонистскую политику китайского руководства в Юго-Восточной Азии, которая направлена на нагнетание здесь напряженности, противопоставление одних государств другим, идет вразрез с национальными интересами народов Юго-Восточной Азии, противоречит усилиям стран этого района по налаживанию и развитию взаимоотношений добрососедства и сотрудничества.

Обе стороны считают, что позитивные перемены, происшедшие в НРК, ее миролюбивый внешнеполитический курс открывают новые перспективы для коренного улучшения обстановки в Юго-Восточной Азии. НРК подтвердила свое стремление к установлению и развитию дружественных отношений и сотрудничества со всеми государствами, в первую очередь с соседними, и, в частности, подтвердила свою готовность подписать со странами АСЕАН договоры о ненападении, принять активное участие в создании в Юго-Восточной Азии зоны мира, независимости, свободы, нейтралитета, стабильности и процветания.

Советский Союз выразил полную поддержку усилий НРК, направленных на то, чтобы ее представители заняли принадлежащее им по праву место в ООН и других международных организациях. «Перемены, происшедшие в Кампучии,— подчеркивалось в Заявлении,— необратимы, и любые маневры, направленные на вмешательство в ее внутренние дела, включая попытки использовать в этих целях ООН, обречены на провал».

Итоги визита способствовали дальнейшему упрочению международных позиций Народной Республики Кампучии, явились важным вкладом в дело оздоровления обстановки и политического климата в Юго-Восточной Азии.

Кампучийский народ уверенно идет по пути ликвидации тяжелых последствий правления преступной полпотовской клики, укрепления народно-революционной власти, экономического и культурного возрождения. 1 мая 1981 г. в Кампучии успешно прошли всеобщие выборы в высший орган государственной власти — Национальное собрание, в которое были избраны 117 депутатов. Выборы продемонстрировали прочный авторитет народной власти, одобрение и поддержку кампучийским народом происходящих в стране прогрессивных преобразований. На I сессии Национального собрания была принята Конституция НРК, в которой отражены происшедшие в стране исторические перемены, определяется ее развитие по пути независимости, свободы, мира, процветания, социализма.

26—29 мая в Пномпене состоялся IV съезд партии. В отчетном докладе ЦК съезду указывалось, что партия — революционный авангард рабочего класса Кампучии — является руководящей силой кампучийского народа и что в основе ее деятельности лежат принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Делегаты съезда одобрили предложение ЦК о возвращении партии ее прежнего названия — Народно-революционная партия Кампучии. Съезд выдвинул задачу ускорения процесса возрождения страны и постепенного перехода к строительству социалистического общества в союзе с братскими странами социализма. Съезд избрал руководящие органы партии. Генеральным секретарем НРПК был избран Пен Сован.

Вся работа IV съезда НРПК прошла под лозунгами дальнейшего укрепления революционного союза трех стран Индокитая, их дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, со всеми братскими социалистическими странами. В документах съезда и выступлениях делегатов была дана высокая оценка освободительной миссии вьетнамских воинов, спасших кампучийский народ от режима геноцида, высказывалась глубокая благодарность Советскому Союзу, Вьетнаму, другим социалистическим странам, всем прогрессивным силам мира за помощь и поддержку в деле восстановления страны и национального возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Пробуждение Азии.— Полное собрание сочинений. Т. 23.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27.
Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
Брежнев Л. И. Во имя счастья советских людей. М., 1979.
Бэрчетт У. Вверх по Меконгу. М., 1958.
Воронцов В. Б. Тихоокеанская политика США (1941—1950 гг.). М., 1967.
Дементьев Ю. П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза (1858—1907). М., 1975.
Дементьев Ю. П. Кампучия: крах маоистского эксперимента. М., 1979.
Деопик Д. В. Имена зависимого населения доангкорской Камбоджи.— Эпиграфика Южной и Восточной Азии. М., 1972.
Деопик Д. В. Эпиграфика и карта.— Карта, схема и число в этнической географии. М., 1976.
Деопик Д. В. Типы социальной терминологии кхмеров (VI—XIII вв.).— Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979.
Кампучия: от трагедии к возрождению. М., 1979.
Кобелев Е. В. Народная Республика Кампучия. М., 1981.
Лонг Сеам. Антропонимы в надписях Камбоджи.— «Народы Азии и Африки». 1977, № 3.
Марунова И. Б. Древний театр кхмеров. М., 1980.
Маршаль А. Ангкор. М., 1963.
Миго А. Кхмеры. М., 1973.
Михеев Ю. Я. Американцы в Индокитае. Критика противоправной доктрины и политики США. М., 1972.
Михеев Ю. Я. Индокитай: путь к миру. М., 1977.
Мхитарян С. А. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме. М., 1967.
Поповкина Р. А. Французские монополии в Индокитае. М., 1960.
Рыбакова Н. И. Искусство Камбоджи. М., 1977.
Седов Л. А. Ангкорская империя. М., 1967.
Скворцов В. Кампучия: спасение свободы. М., 1980.
Сочевко Г. Г. Современная Камбоджа (1941—1965). М., 1967.
Спекторов Л. Д. Феодальные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората. М., 1979.
Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978.
Тан Ким Хуон. География Камбоджи. М., 1959.
Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
Черкасов П. П. Франция и Индокитай. М., 1976.
Чеснов Я. В. Камбоджа.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
Шубин В. В. Кампучия: суд народа. М., 1980.
Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
Юго-Восточная Азия в 70-е годы. М., 1979.
Aymonier E. T. Le Cambodge. T. I—III. P., 1900—1904.

Beylié, G. L'architecture hindoue en Extrême Orient. P., 1907.
Briggs L. P. The Ancient Khmer Empire. Philadelphia, 1951.
Burchett W. The Second Indochina War. Cambodia and Laos. N. Y., 1970.
Cambodia and Laos Fight Hand in Hand with Viet-Nam for Freedom. [б. м.], 1951.
Cheminais L. Le Cambodge. P., 1960.
Coedès G. Les peuples de la péninsule indochinoise. P., 1962.
Coedès G. Les états hindouisés d'Indochine et d'Indonésie. P., 1964.
Coedès G. Inscriptions du Cambodge. T. I—VIII. Hanoi — Paris, 1937—1966.
Goldwell M. and Ton Lec. Cambodia in the Southeast Asian War. N. Y., 1973.
Collard P. Cambodge et Cambodgiens. P., 1925.
Dauphin-Meunier A. Le Cambodge de Sihanouk ou de la difficulté d'être neutre. P., 1965.
Dauphin-Meunier A. Histoire du Cambodge. P., 1968.
Debré F. Cambodge. La révolution de la forêt. P., 1977.
Delvert J. Le paysan cambodgien. P., 1961.
Devillers Ph. Le Cambodge.— Asie du Sud-Est. T. II, P., 1971.
Dossier Kampuchéa. T. I—II. Hanoi, 1978—1979.
Forest A. Le Cambodge et la colonisation française. P., 1980.
Giteau M. Histoire d'Angkor. P., 1974.
Groslier B. Ph. Angkor et le Cambodge au XVI-e siècle d'après les sources portugaises et espagnoles. P., 1958.
Groslier B. Ph. Angkor. Hommes et pierres. P., 1956.
Goloubew V. L'archéologie du Tonkin et les fouilles de Dong-son. Hanoi, 1937.
Hammer S. The Struggle for Indochina. Stanford, 1954.
Henry Y. Economie agricole de l'Indochine. Hanoi, 1932.
Hildebrand G. and Porter G. Cambodia: Starvation and Revolution. N. Y., 1976.
Khin Sok. Les chroniques royales du Cambodge. P., 1975.
La naissance du nouveau Kampuchéa. Phnom Pehn, 1979.
Le peuple khmer lutte pour l'indépendance et la paix. [Б. м.], 1954.
Long Seam, Dementiev J. P. Bibliographie en langue russe sur le Cambodge (1956—1979).— BEFEO, 1980, t. LXVIII.
Malleret L. L'archéologie du delta de Mecong. T. I—III. P., 1962.
Marchal H. Guide archéologique aux temples d'Angkor. P., 1928.
Maspéro G. Le Royaume de Champa. P., 1928.
Maspéro G. Un empire colonial français. L'Indochine. T. I—II. P., 1929—1930.
Masson A. Histoire de l'Indochine. P., 1950.
Meyer Ch. Derrière le sourire khmer. P., 1971.
Migozzi I. Cambodge: faits et problèmes de population. P., 1973.
Morizon R. Monographie du Cambodge. Hanoi, 1961.
Mourice J. Cambodge du sourire à l'horreur. P., 1971.
Mus P. Ho Chi Minh, le Vietnam, l'Asie. P., 1971.
Norodom Sihanouk. L'Indochine, vue de Pékin. P., 1972.
Norodom Sihanouk. Chroniques de guerre... et d'éspoir. P., 1979.
Olivier G. Les populations du Cambodge. P., 1956.
Osborne M. The Frenche Presence in Cochinchina and Cambodia (1859—1905). N. Y., 1969.
Osborne M. Peasant Politics in Cambodia: The 1916 Affair. — «Modern Asian Studies». L., 1976, Vol. 12.
Pelliot P. Le Fou-nan.— BEFEO, 1903, № 3.
Pomonti J. C., Thion S. Dès courtisans aux partisans. Essai sur la crise cambodgienne. P., 1971.
Porrée G. et Maspéro E. Moeurs et coûtumes des Khmers. P., 1938.
Porrée-Maspéro E. Etudes sur les rites agraires des cambodgiens. T. I—II. P., 1962—1964.

Ponchot F. Cambodge, année zéro. P., 1977.
Prechez Ph. Essai sur la démocratie au Cambodge. P., 1961.
Prud'homme R. L'économie du Cambodge. P., 1969.
Shaucross W. Sideschou. Kissinger, Nixon and the Destruction of Cambodia. L., 1979.
Smith R. M. Cambodia's Foreign Policy. N. Y., 1965.
Steinberg D. Cambodia. Its People, its Society, its Culture. New Haven, 1957.
Stern Ph. Le temple khmer. Formation et développement du Temple-Montagne. Saigon, 1937.
Thierry S. Les Khmers. P., 1964.
Tong A. Sihanouk, la fin des illusions. P., 1972.
Willmott W. The Chinese in Cambodia. Vancouver, 1967.
Wolf W. Präsidenten Krieg in Vietnam. Frankfurt-am-Main, 1974.
Wünsche R., Weidemann D. Vietnam, Laos und Kampuchea. Zur nationalen und sozialen Befreiung der Völker Indochinas. B., 1977.

ХРОНОЛОГИЯ

XL—XV тысячелетия до н. э.	Верхний палеолит на территории Кампучии.
XIV—VII тысячелетия до н. э.	Мезолит на территории Кампучии.
VII—VI тысячелетия до н. э.	Неолитические культуры собирателей и земледельцев.
VI—V тысячелетия до н. э.	Поздний неолит.
Середина IV тысячелетия до н. э.	Возникновение самостоятельного очага металлургии меди.
Конец III тысячелетия до н. э.	Начало эпохи бронзы.
Первая половина I тысячелетия до н. э.	Поздний бронзовый век.
II в. до н. э.	Массовое распространение железа.
I—II вв. н. э.	Появление классового общества на территории Кампучии.
II—IV вв.	Государство Бапном: распространение письменности, религий, денежной системы, установление контактов с государствами п-ова Индостан.
Конец II — начало III в.	Подчинение Бапномом части монских и малайских государств.
Начало III в.	Укрепление межгосударственных и торговых связей с Индостаном и царством У в Южном Китае.
Начало V в.	Усиление влияния индуизма, установление связей с государством Паллавов.
Середина VI в.	Распад империи Бапном. Начало формирования и укрепление государства Камбуджа (Ченла).
VII в.	Зарождение феодальных отношений. Складывание культа бога-короля, укрепление единства духовной и светской власти.
Около 615—635	Присоединение земель в дельте р. Меконг и северо-восточного побережья Сиамского залива. Создание новой столицы — Ишанапуры.
655—681	Расширение государства на север. Распространение шиваизма.
Начало VIII в.	Образование двух объединенных государств: Камбуджа (Ченла) Земли и Камбуджа (Ченла) Воды. Развитие феодализма.
IX—XI вв.	Ранний период империи Камбуджадеша.
Первая половина IX в.	Начало объединения кхмерских земель.
Конец IX — начало X в.	Становление империи Камбуджадеша.
945—946	Война с Тьямпой.
968—1001	Оформление социального строя империи Камбуджадеша.
Начало XI — начало XIII в.	Расцвет империи.
1011—1050	Покорение монского государства Лаво.
Первая половина XII в.	Завоевательные войны империи Камбуджадеша

	против Тьямпы, Дайвьета, Харипунджайи. Строительство храма Ангкор Ват.
1181	Победоносная война с Тьямпой. Дальнейшее расширение границ империи.
Середина XIII в.	Экономический кризис в центральном районе, центробежные тенденции на окраинах.
Конец XIII в.	Широкое распространение буддизма теравады. Переход к моноэтническому государству.
20—30-е годы XIV в.	Конец поздней империи.
1398	Нападение Аютии на Кампучию и захват столицы.
1434	Основание столицы в Тядомуке (совр. Пномпень).
1494—1515	Крестьянское восстание под руководством Най Кана.
Начало XVI в.	Проникновение европейцев в Кампучию.
1556—1567	Укрепление кхмерского государства. Войны с Аютией.
1600	Восстание под руководством Кео.
Конец XVI — начало XVII в.	Внутренние феодальные усобицы в Кампучии и усиление Аютии.
1640—1642	Активизация деятельности нидерландской Ост-Индской компании в Кампучии.
Около 1690	Присоединение к Данчаунгу земель по левому берегу дельты р. Меконг.
1730—1731	Война Кампучии с Нгуенами.
Середина XVIII в.	Обострение кризиса кхмерского феодального общества. Установление двойного сюзеренитета над Кампучией.
1845—1859	Проведение реформ и укрепление внутриполитического положения страны.
1861	Первое восстание Си Ватхи.
1863 (11 августа)	Подписание франко-кампучийского договора о протекторате; ратифицирован 8 апреля 1864 г.
1864—1866	Восстание атяра Суа.
1865—1867	Восстание По Камбау.
1866	Перенос столицы Кампучии из Удонга в Пномпень.
1876—1877	Второе восстание Си Ватхи.
1884 (17 июня)	Франко-кампучийское соглашение об организации французского колониального управления в стране.
1884—1886	Движение «в защиту короля».
1885—1886	Третье восстание Си Ватхи.
1887	Образование Индокитайского Союза, включение в него Кампучии.
1891	Смерть Си Ватхи.
1907	Крестьянское движение Визес Нхиеу.
1913	Создание кхмерской консультативной ассамблеи с правом совещательного голоса.
1914	Открытие школы Пали в Пномпене (с 1923 г. — Высшая школа Пали).
1916 (январь—февраль)	Крестьянское движение против французской администрации.
1920	Принятие кампучийского гражданского кодекса.
1921—1922	«Каучуковый бум» в Кампучии.
1925 (16 апреля)	Выступление крестьян в пров. Кампонгчнанг.
1929 (21 июня)	Забастовка рабочих французской компании «Сосьете де транспор э мессажри д' Эндошин» в Пномпене.
1929 (3 октября)	Забастовка заводских рабочих в Пномпене.

1930 (август)	Волнения среди плантационных рабочих
1930	Образование компартии Индокитая.
1931 (26 мая)	Выступление горцев против колониальной администрации.
1935	Открытие лицея Сисовата в Пномпене.
1935 (20 июня)	Демонстрация буддийского духовенства против французского колониального режима.
1937	Создание газеты «Нагараватта» («Наш город»), органа кхмерских националистов.
1942	Создание Кхмер Иссарак.
1943	Возникновение первой кампучийской молодежной организации.
1945 (9 марта)	Переход власти во французском Индокитае в руки японской администрации.
1945 (12 марта)	Расторжение всех ранее подписанных соглашений с Францией.
1945 (октябрь)	Вторжение французских колониальных войск в Кампучию.
1947 (6 мая)	Вступление в действие первой конституции Кампучии.
1948	Создание баз сопротивления фронта Кхмер Иссарак.
1948 (25 ноября)	Признание «независимости» Кампучии в рамках Французского Союза.
1950 (апрель)	Конгресс народных представителей Кампучии.
1951 (февраль)	II съезд КПИК.
1951 (март)	Создание Союза народов Вьетнама, Кампучии и Лаоса для борьбы с французскими колонизаторами.
1951	Образование Народно-революционной партии Кампучии (НРПК).
1952 (ноябрь)	Забастовки трудящихся и демонстрации учащихся Пномпеня.
1953 (9 ноября)	Вывод французских войск из столицы Кампучии и прекращение деятельности французской администрации.
1954 (май—июль)	Женевская конференция по Индокитаю
1954 (осень)	Создание группы Прачеачун.
1955 (март)	Создание политической организации Сангкум Реастр Нийюм.
1955 (сентябрь)	Выход Кампучии из Французского Союза.
1955 (декабрь)	Принятие Кампучии в ООН.
1956 (апрель)	Участие Кампучии в конференции стран Азии и Африки в Бандунге; присоединение Кампучии к движению Солидарности стран Азии и Африки.
1956 (май)	Установление дипломатических отношений с СССР.
1956	Создание первых рабочих организаций Кампучии.
1959 (январь)	Заговор Сам Сари.
1960	Переименование НРПК в компартию Кампучии.
1963 (август)	Разрыв дипломатических отношений с сайгонским режимом.
1963 (ноябрь)	Отказ Кампучии от программы американской помощи.
1965 (март)	Разрыв дипломатических отношений с США.
1967 (март)	Восстание крестьян округа Самлот пров. Баттамбанг.
1970 (18 марта)	Государственный переворот и установление проамериканского лонноловского режима.

1970 (24—25 апреля)	Конференция народов Индокитая на высшем уровне.
1970 (30 апреля)	Вторжение американо-сайгонских войск в Кампучию.
1970 (4 мая)	Создание Национального единого фронта Кампучии (НЕФК) и Королевского правительства национального единства (КПНЕК).
1973 (июль)	I Конгресс патриотических сил Кампучии.
1975 (24—25 февраля)	II Конгресс патриотических сил Кампучии.
1975 (17 апреля)	Освобождение Пномпеня, падение лонноловского режима.
1978 (2 декабря)	Образование Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК).
1979 (7 января)	Освобождение Кампучии от режима Пол Пота — Иенг Сари.
1979 (11 января)	Образование Народной Республики Кампучии.
1979 (15—20 августа)	Открытый судебный процесс над кликой Пол Пота — Иенг Сари.
1979 (29—30 сентября)	II съезд ЕФНСК.
1980 (март)	Национальная конференция ЕФНСК.
1981 (1 мая)	Всеобщие выборы в высший орган государственной власти — Национальное собрание.
1981 (26—29 мая)	IV съезд Народно-революционной партии Кампучии (на съезде было принято решение возвратить ее прежнее название).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Раздел I. Кампучия с древнейших времен до середины XIX в. . . . 10
Глава 1. Кампучия в древности и в начале средних веков . . 10
Глава 2. Империя Камбуджадеша (Ангкорская империя) . . 37
Глава 3. Кампучия середины XIV—XVI вв. 72
Глава 4. Кампучия в XVII—XVIII вв. 88
Глава 5. Кампучия в первой половине XIX в. 110
Раздел II. Кампучия в период колониального господства 116
Глава 1. Захват Кампучии Францией 116
Глава 2. Кхмерская монархия и французская колониальная администрация 121
Глава 3. Массовые движения в Кампучии и начало борьбы кхмерского народа за свою национальную независимость . . . 129
Глава 4. Кампучия под протекторатом Франции 136
Глава 5. Национально-освободительное движение в годы протектората 147
Раздел III. Кампучия в 1945—1970 гг. 153
Глава 1. Борьба за национальное освобождение 153
Глава 2. Становление режима Сангкума. Формирование политики нейтралитета 167
Глава 3. Особенности социально-экономического развития Кампучии 182
Глава 4. Кризис режима Сангкума 196
Раздел IV. Кампучия в 1970—1980 гг. 213
Глава 1. Борьба кампучийского народа против американского империализма и лонноловского режима 213
Глава 2. Народ Кампучии в борьбе против режима Пол Пота — Иенг Сари 224
Глава 3. Народная Республика Кампучия 234
Литература 247
Хронология 250

ИСТОРИЯ КАМПУЧИИ

Краткий очерк

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *М. Н. Брусиловская*
Младший редактор *О. А. Осипова*
Художник *Б. А. Дудорев*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Т. А. Алаева*

ИБ № 14196

Сдано в набор 20.02.81. Подписано к печати 21.07.81. А-08546. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,25. Уч.-изд. л. 19,12. Тираж 12 000 экз. Изд. № 4992. Зак. № 102. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Вышли:

Бирма и Китай (проблемы взаимоотношений). 11 л.
Вьетнам в борьбе. 14 л.

Корнев В. И. Таиланд: студенты и политика (70-е годы). 13 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСКВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

1 р. 20 к.